

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)
ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 81.366.512.141

Abdullina G.R., Doctor of Sciences (Philology), professor, Department of Bashkir Language, Sterlitamak Branch of Bashkir State University (Sterlitamak, Russia), E-mail: abguri@yandex.ru

Nugamanova I.R., Cand. of Sciences (Philology), teacher of Bashkir language башкирского, Burikazganovo Village School, (Bashkortostan, Russia), E-mail: abguri@yandex.ru

THE ROLE OF MODAL WORDS IN THE REPRESENTATION OF NEGATION IN THE BASHKIR LANGUAGE. Modal words express such values as possibility, impossibility, desire, necessity, probability, and so on. The paper examines the role of modal words in the expression of negation. The authors use the specific linguistic facts to conduct an analysis of modal words that convey negative semantics in the Bashkir language. Proposals with a negative element, which expressed full or partial denial, are given a particular emphasis in the study. Due to the analysis of actual material the authors concluded that modal words serve an important function in the transmission of the negative semantics and in the construction of negative sentences. It is stated that the obvious lexical meaning of the Bashkir modal words contributes to the transmission of the whole range of shades of denial. Among the words studied by the authors are *юк* and *мүгел*. The paper observes examples with double negation.

Key words: negation, negative semantics, modal words, Bashkir language.

Г.Р. Абдуллина, д-р филол. наук, проф. каф. башкирского языка Стерлитамакского филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Башкирский государственный университет», г. Стерлитамак, E-mail: abguri@yandex.ru

И.Р. Нугаманова, канд. филол. наук, учитель башкирского языка МБОУ СОШ с. Буриказганово, Республика Башкортостан, E-mail: abguri@yandex.ru

РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОТРИЦАНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Посредством модальных слов выражаются значения возможности, невозможности, желания, необходимости, вероятности и т.д. В данной статье рассматривается роль модальных слов в выражении отрицания. Основываясь на конкретных языковых фактах, анализируются модальные слова башкирского языка, передающие отрицательную семантику. Рассматриваются предложения с отрицательным элементом, в которых выражаются полное или частичное отрицание. На основе анализа фактического материала делается вывод, что модальные слова выполняют важную функцию при передаче отрицательной семантики и в построении отрицательных предложений. Благодаря ярко выраженному лексическому значению модальные слова способствуют передаче всей гаммы оттенков отрицания.

Ключевые слова: отрицание, отрицательная семантика, модальные слова, башкирский язык.

Модальные слова по своему лексическому составу и семантическому содержанию, по способу использования в речи считаются своеобразной частью речи [1, с. 330]. Они, как правило, выражают возможность, невозможность, желание, необходимость, вероятность и т.д. Самыми распространёнными модальными словами в башкирском языке считаются лексемы *юк* и *бар*.

Н.К. Дмитриев, исследуя данные модальные слова, отмечает, что они сначала использовались как имена существительные: *бар* означало реальность, наличие чего-нибудь, а *юк* – отсутствие. Эти гипотезы подтверждают слова, которые активно используются в современном языке: *барлык* (наличие), *барлау* (переключка), *юклык* (отсутствие), *югалыу* (исчезновение) и т.д. Как и в других тюркских языках, в башкирском языке *бар* и *юк* раньше выполняли функцию определения: *бар* (есть) – *барлык* (наличие) = (имеющийся в наличии); *юк* (нет) – *юклык* (отсутствие) = (отсутствующий) [2, с. 63].

Известно, что модальные слова *бар*, *юк* в языке использовались в форме *барзыр*, *юктыр*. Эти формы сохранились во многих современных тюркских языках, в некоторых они потеряли аффикс – *дыр* и являются словами-основами.

Далее подробнее рассмотрим модальное слово *юк* как основной показатель отрицания. Лексема *юк* встречается во многих тюркских языках, учёные совершенно справедливо определяют её в качестве своеобразного отрицательного средства [3, с. 31].

В тюркологии отнесение слова *юк* к той или иной части речи считается спорным вопросом: некоторые изучают его как предикатив (А.М. Щербак, Д.С. Ахмедов, М.З. Закиев), другие причисляют к наречиям (Н.А. Баскаков). В башкирском языке, как нами было отмечено выше, *юк* относится к модальным словам.

Модальное слово *юк* чаще всего находится в предикативной части предложения. В данном случае оно выражает полное

отрицание, решительный отказ. Как правило, лексема *юк* придает отрицательный смысл всему предложению или полностью отрицает предыдущую мысль: *Атайы ла, якын гыла туғаны ла юк ине уның* (З. Бишшева). – ‘У него не было ни отца, ни близкого родственника’; *Шахси тормошомдон да йәме юк, председателлек эшен алып барыуға ла күңеләм төшмәй* (Н. Мусин). – ‘Ничего хорошего и в личной жизни нет, нет и желания взяться за работу председателя’.

В башкирском языке оттеночных значений, выражаемых модальным словом *юк*, достаточное количество. Ниже остановимся на некоторых из них. Названное модальное слово может передать различные типы значений:

- показывает значение противопоставления тому, о чём говорится в первой части предложения: *Бәтәһе лә китеп бәт-тәләр, ә мин юк.* – ‘Все уехали, а я нет’; *Һиңә рәхәт, уға юк.* – ‘Тебе хорошо, а ему – нет’;

- выражает значение отсутствия субъекта: *Ауылда йәш кәдрәр юк, бына тигән дауаханала инде пенсия йәшен узған табибтар ғына эшләй тип әйтерлек* (“Шоңхар”). – ‘В деревне нет молодых кадров, в такой благоустроенной больнице работают, можно сказать, только пенсионеры’; *Кесе ике улы – ун йәшлек Мәргәнә менән һигез йәшлек Әлкәйе юк* (Ф. Хөсәйенов). – ‘Нет двух младших сыновей – десятилетнего Мәргәна и восьмилетнего Алькайа’; *Ул һүззәң асыҡ кына мөгәнһән белгән кеше юк, тик Хамматтың курқыныс кеше икәнән генә беләләр* (Р. Солтанғәрәев). – ‘Никто конкретно не знает значение этого слова, лишь известно, что Хаммат – ужасный человек’;

- указывает на отсутствие нужды, необходимости в ком-либо / в чём-либо: *Айбулатка уның кәрәге юк, әллә хасан ук үзәнә һүз биреп хуйған инде ул* (Н. Дәүләтшина). – ‘Айбулат в этом не нуждается, давно уже дал себе слово’; – *Мә, уның миңә кәрәге юк!* – *Төлкәсура нағанды уның аяғы астына ыргытты* (Н. Мусин). – ‘На, я в нем не нуждаюсь!’ – Тулькусурса кинул нагана под его ноги’;

- передаёт значение отсутствия возможности выполнить то или иное действие: *Кызын өр-яңынан курсактай итеп кейендерер ине лә, әлегә лә баяғы аксаһы юк* (Ш. Янбаев). – ‘Одевал бы свою дочь как куклу, опять же денег нет’; *Ғаилә короп ебәрер ине лә, тик окшаткан кешеһе юк* (“Йәшлек”). – ‘Создал бы семью, но нет подходящего человека’; *Ер сигенә китергә лә эзәр ул, тик, үкенескә кешы, сөләмәтлеге генә юк* (Ф. Физзәтуллина). – ‘Готов до края земли дойти, но, к сожалению, здоровье расшатано’;

- выражает значение отсутствия чего-либо: *Атым бар, йүгәнәм юк, дәртем бар, йөрөгәнәм юк* (Халык йырынан). – ‘Лошадь есть, но нет уздечки, желание есть, но нет возлюбленной’; *Кәберләр яткан ерзә, Эйе, уның кәбере юк* (М. Карим). – ‘Среди тех, у кого есть могила, Да, его могилы нет’; *Тирәк юк инде, башыңды ташка бәрел үкерһән дә* (Р. Солтанғәрәев). – ‘Тополя уже нет, хоть кричи, бейся головой об камень’.

- указывает на невыполнение действия по какой-либо причине: *Һаман бесәнгә төшкән юк, көндәр аяуыңа китте* (Р. Солтанғәрәев). – ‘Все ещё на сенокос не вышли, дни стали короткими’; *Юлдар айырылышҡа, күптән күрешкәнәбез юк* (Ф. Физзәтуллина). – ‘Как дороги разошлись, давно уже не виделись’; *Ғаилә короп ебәрәс, безәә килеп күренгәнә лә юк* (“Йәшлек”). – ‘Как создал семью, с тех и не показывался у нас’.

- передаёт значение удивления, восхищения; в этом случае модальное слово придает предложению значение утверждения: *Кемдәр генә юк, ни генә юк беззәң һабантуйҙа!* (Әкиәт-тән). – ‘Кого только, чего только нет на нашем сабантуе!’

В диалогах лексема *юк* может выступать как слово-предложение:

- *Һалкыңдан йөрөп кайттым, мунса яктырманьңмы? – тип һораны.* – ‘Было очень холодно, не велела затопить баню’ – спросил он’;

- *Юк* (Ф. Хәйри). – ‘Нет’;

- *Һин ишетмәнәңме ни? – Ты разве не слышал?*

- *Юк* (Д. Бүләков). – ‘Нет’.

- *Исмаһам, эзәрәк тә юкмы? – Хотя бы немного нет?*

- *Юк* (Я. Хамматов). – ‘Нет’.

В ответной реплике говорящего может использоваться и вариант *юк* *икән* *юк*. Например: *Юк икән юк, калайтаһың* ‘Нет так нет, что же поделаешь’; – *Юк икән юк, улайһа шулай булһың*. – ‘Нет так нет, тогда пусть так будет’. В этом случае собеседнику остаётся согласиться, так как предыдущий говорящий решительно отказывается выполнять какое-либо действие или запрещает делать что-либо.

В башкирском языке лексема *юк* часто используется и как вводное слово с отрицательной семантикой: *Юк, былай эстән яһып йөрөгәнә ярамай, Зильда менән асыҡтан-асыҡ һөйләшергә кәрәк* (Н. Мусин). – ‘Нет, нельзя все нести в себе, надо с глазу на глаз поговорить с Зильдой’; *Юк, ул крәстиән түгел, хупшы бер интеллигент затынан* (Р. Камал). – ‘Нет, он не крестьянин, а из интеллигентного рода’; *Ләкин Юлай улының ярһыуын һыуындырырға теләй: “Юк, ваҡыт етмәгән әле, улым”* (Ф. Нефедов). – ‘Но Юлай хочет умерить пылкость сына: “Нет, сынок, еще не время”’.

В языке встречается употребление модального слова *юк* с аффиксом модальности *-сы/-се*. Например: – *Юксы!* – *тип курқып китте Шәүрә.* – *Бер кемгә ләм-мим әйткәнәм юк* (З. Бишшева). – ‘Нет же!.. – испугалась Шаура. – Никому ничего не говорила’; – *Юксы, – ти ире, – бөгөн мин ҡотторак тороп тәҙрәне йуыуым бит* (“Йәшлек”). – ‘Нет же, – говорит муж, – я ведь сегодня пораньше встал и помыл окна’; – *Юксы, – тип аптыраны Данияр.* – *Койроғо ап-ак...* (Г. Физзәтуллина). – ‘Нет же, – удивился Данияр. – Хвост весь белый’. В этом случае наблюдается ослабленное отрицание; говорящий отказывается не категорически, а выражает какую-то уступку, сомнение.

Модальное слово *юк* также может передать значение несуществующего, ненужного, мало: *Юк эште таптыра алмайым инде мин һинән, Уйылдан* (Н. Мусин). – ‘Не могу же я потребовать от тебя, Вильдан, того, чего нет’; – *Ә һин юк нәмә менән башыңды ауырттырма!* (Д. Бүләков). – ‘А ты не заморачивай голову ненужным’; *Төлкәсураның кырталашып тормай юк кына хакка күнеүенә эстән генә кыуанды Уйылдан* (Н. Мусин). – ‘Вильдан в душе обрадовался, что Тулькусурса, не поспорив, согласился на ничтожную цену’.

Кроме того, лексема *юк* репрезентирует значение невыполнения того или иного действия: *Бер зә һыбай йөрөгәнәм юк бит минең.* – ‘Ведь я ни разу не ездила верхом’; *Миңләгәлдән башына еткән өсөн һинәң хөкәм алдында ла, минең алда ла яуап биргәнәң юк әле* (Н. Мусин). – ‘За то, что погубил Минлегуль, ни перед судом, ни передо мной ты еще не отвечал’; *Был кылған эшең өсөн ғафу үтенгәнәң дә юк бит әле!* (Т. Ғарипова). – ‘За это содеянное ты ведь даже прощения не просил!’

Выражает положение безысходности: *Шунан башка сара юк һиңә* (Ф. Хөсәйенов). – ‘Кроме этого у тебя нет выхода’; *Шул ук Мөхәббәт алдында Тезләнермен – сарам юк* (М. Карим). – ‘И перед той же любовью преклонюсь – выхода нет’.

Может употребляться при передаче значения удивления говорящего: *Юк, һин кара әле, был нимә кылана!* – ‘Нет, ты посмотри-ка, что он вытворяет!’; *Юк, һин харасы, һиндәй матурлыҡ!* – ‘Нет, ты только посмотри, какая красота!’

При сочетании *юк*с модальным словом *түгел* предложение приобретает утвердительный характер: *Хәйер, ул дәрәс фекерләй, сәнки үзе үлгәс үк бөтөнләй онотлған йәки гел карғал үскә алынған бәндәләр зә юк түгел* (Д. Бүләков). – ‘Хотя, он правильно рассуждает: есть люди, которых забывают сразу после смерти или вспоминают недобрым словом’; *Алдап та һаталар, намыслы эшләгәндә лә юк түгел* (Д. Бүләков). – ‘И обманывают при покупке, есть и честные’; *Тик эсәңдә һиндәйҙәр бер өмөт уята торған яқтылығы ла юк түгел, шикелле* (Д. Бүләков). – ‘Но, кажется, в душе есть некий луч, который пробуждает некую надежду’.

Общетюркское модальное слово *түгел* имеет варианты *tügül, tegül* в древнетюркском языке, *тугил* – в узбекском, *ту-гил* – в казахском, *тууе* – в каракалпакском [4, с. 17]. Оно придает предложению значение отрицания, выражает противопоставление, показывает несогласие говорящего с мнением другого: *Ләкин бит, Зоммер әфәнде, был афәт түгел, элекке власты тамырынан һепереп түккән революция* (Н. Мусин). – ‘Но ведь это не трагедия, господин Зоммер, а революция, которая полностью искоренила бывшую власть’; *Тик унда полк өсөн урын эзәр түгел, шуға күрә башта беренсе дивизия разведка взводы командиры өлкән лейтенант Трапезников етәкселәгәндә ун биш кеше барырга тейеш икән* (С. Поварисов). – ‘Но там пока не готовы места для полка, поэтому, оказывается, сначала должны поехать пятнадцать человек во главе с командиром первого разведвзвода старшим лейтенантом Трапезниковым’; *Һез теләһә кайҙа күсә алаһығыҙ, тик бында түгел* (Ә. Әминов). – ‘Вы можете переехать куда угодно, но только не сюда’.

Названная лексема, наряду с отрицанием какого-либо факта, сообщает о наличии другого факта: *Машинала атайым түгел.* – ‘В машине не отец’ = *Машинала икенсе бер кеше* = ‘В машине кто-то другой’; *Һыуыткыста һөт түгел.* – ‘В холо-

дильнике не молоко' = һыуыткыста башка нәмә = 'В холодильнике что-то другое'; Уйынсыҡ түңәрәк **түгел**. – 'Игрушка не круглая' = Уйынсыҡ башка формала = 'Игрушка другой формы'.

На основе языковых фактов можно констатировать, что данная форма употребляется и в значении риторического вопроса: Эй, карындаш, һиңә оят **түгелме**?! (З.Бишишева). – 'Эй, сестренка, а не стыдно ли тебе?!'

Если к модальному слову **түгел** присоединяется вопросительный аффикс -мы/-ме, то предложению свойственен оттенок предположения: Анау килгән Хаммат **түгелме**? (З.Бишишева). – 'Не Хаммат ли тот идущий?' Кара әле, анау остан килгән кеше безең атай **түгелме**? (Ә. Вәхитов). – 'Посмотри-ка, человек, идущий с того конца, не наш ли отец?'; – һаумы, улым. Кем, Шакирйән **түгелме** һуң? (Р. Солтангәрәев). – 'Здравствуй, сынок. Кто, не Шакирйән ли?'

В случае присоединения к модальному слову **түгел** аффикса -дыр/-дер предложение приобретает значение сомнения по отношению к чему-либо: Һәр хәлдә шәп һүз **түгелдер** (Р. Солтангәрәев). – 'В любом случае нехорошее слово, наверное'. **Түгелдер**, 'Хамбал' тигәндәрен ишетһә, тегенең ене тотта ла китә, тизәр (Р. Солтангәрәев). – 'Нет, наверное, говорят, теряет рассудок, когда слышит, что называют его "Хамбалом"'; Был донъяла үз урынын таба алмаған бер ул **түгелдер** (Д. Бүләков). – 'Наверное не только он, кто не может найти себя в этом мире'.

Важно отметить, что, если глагол, который расположен рядом со словом **түгел**, имеет аффикс-ма/-мә, предложение приобретает утвердительный характер: кайтманы **түгел** = кайтты 'вернулся', килмәне **түгел** = килде 'пришел, приехал'.

В предложении модальное слово **түгел** может сочетаться с другими модальными словами **кәрәк**, **тейеш**, **мөмкин**. Например, форма **кәрәк түгел** означает бесполезность, ненужность, никчемность кого-либо или чего-либо: **Кәрәк түгел** һиңә, кафлак һатып, Иблесләнеү, янау, тарланыу (Ш. Бабич). – 'Не надо тебе льстивым предостережением лицемерить, угрожать, таить злобу'.

Сочетание **мөмкин түгел** указывает на невыполнимость какого-либо действия: Ләкин байталдың күрше ауылға барып сығыуы **мөмкин түгел** ине (Ж. Кейекбаев). – 'Но невозможно, чтобы лошадь оказалась в соседней деревне'; Ә бына илһам килгән мөлдәрен, болот астынан да калкып торған кояш кеүек, һис кенә лә хаплап, йәшереп куйыу **мөмкин түгел** (Г. Физзәтуллина). – 'А вот моменты вдохновения, подобно солнцу, пытавшемуся вылезти даже из облаков, никак невозможно скрыть'; Был йәнһәнәмдән китолу **мөмкин түгел** кеүек тойолдо (Ә. Мортазин). – 'Казалось невозможным вырваться из этого ада'.

Сочетание **тейеш түгел** выражает действие, которого не должно быть, или поступки, которые лучше не совершать [5, с. 194]: **Әтәс тыкрығы малайзаны үз-ара һис вахытта ла та-**

лашырға, тәмһезләшергә тейеш түгел (Д. Бүләков). – 'Мальчики из переулка **Әтәс** никогда не должны между собой ругаться, драться'; – **Дәрәс әйткән, сөнки кеше кайғырып йәшергә тейеш түгел** (Д.Бүләков). – 'Правильно сказал, ведь человек не должен жить в горести'; **Һин ул кешегә насар мөнәсәбәттә булырға тейеш түгел**, ул бит – атайыңдың якын ғына туғаны (Г. Физзәтуллина). – 'Ты не должен плохо относиться к нему, ведь он – близкий родственник твоего отца'.

Предложение с отрицательным элементом может выражать полное или частичное отрицание. Рассмотрим два предложения: **Мин һауытты ярманым**. – 'Я не разбил посуду' – **Һауытты ярған мин түгел**. – 'Не я разбил посуду'. В первом предложении говорящий даёт конкретный ответ, что он не разбил посуду, здесь речь идёт о полном отрицании. Во втором предложении говорящий даёт понять, что не он разбил посуду, а сделал это другой человек. Таким образом, в смысловом плане, во втором предложении отрицание выражается лишь частично, появляется скрытое утверждение. Рассмотрим еще такой вариант: **Бәхет байлыкта түгел**. – 'Не в деньгах счастье'. Пословица утверждает, что счастье человека определяется не деньгами, а чем-нибудь другим, например, здоровьем.

Важно отметить, что понятие «частичное отрицание» в лингвистике считается спорным. Некоторые учёные не признают его как отдельный вид отрицания, другие, наоборот, доказывают, что такое отрицание существует: «Именно только отрицание, стоящее при сказуемом, делает всё высказывание отрицательным, отрицание же, стоящее при другом каком-либо члене, не колеблет общего утвердительного смысла предложения» [6, с. 75].

Из этого можно сделать вывод, что в русском языке наличие частичного отрицания связано с частицей **не**: если **не** стоит перед глаголом, предложение выражает полное отрицание, если же частица **не** находится перед другим членом предложения, то выражается частичное отрицание.

В башкирском языке частичное отрицание в основном связано с модальным словом **түгел**. Как было нами отмечено, оно выступает и в качестве показателя отрицания, выражающего значение противопоставления, несогласия: **Мин ул һынауға әзер түгел**. – 'Я не готов к такому испытанию'. В предложении **Миңә кәрәкле китап был түгел ине** (Миңә кәрәкле китап бүтән ине). – 'Это не та книга, которая нужна была мне (Мне нужна была другая книга)' отрицание выражается частично.

Основываясь на вышеприведённых примерах, можно заключить, что модальные слова играют огромную роль в передаче отрицательной семантики и в построении отрицательных предложений. Благодаря своему ярко выраженному лексическому значению они способствуют передаче всей гаммы оттенков отрицания. Как языковые единицы, не содержащие грамматических показателей негации, но передающие значение отрицания, модальные слова **юк** и **түгел** относятся к лексическому способу отрицания.

Библиографический список

1. Грамматика современного башкирского литературного языка. Москва, 1981.
2. Дмитриев Н.К. Башкорт теленең грамматикаһы. Өфө, 1950.
3. Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VII века. Алма-Ата, 1971.
4. Ишбаев К.Г. Инфинитив в башкирском языке. Уфа, 1982.
5. Абдуллина Г.Р. Формообразование башкирского языка. Уфа, 2008.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва, 1956.

References

1. Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1981.
2. Dmitriev N.K. Bashkort teleneң grammatikahy. Өфө, 1950.
3. Ajdarov G. Yazyk orhonskih pamyatnikov drevnetyurkskoj pis'mennosti VII veka. Alma-Ata, 1971.
4. Ishbaev K.G. Infinitiv v bashkirskom yazyke. Ufa, 1982.
5. Abdullina, G.R. Formoobrazovanie bashkirskogo yazyka. Ufa, 2008.
6. Peshkovskij, A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveschenii. Moskva, 1956.

Статья поступила в редакцию 22.01.15

УДК 81.42

Besedina V.G., senior teacher, English Language Department, Altai State Technical University (Barnaul, Russia),
E-mail: lemming01@mail.ru

REPRESENTATION OF DATING RELATIONSHIP IN TEEN MAGAZINES: EXPLICIT MODEL. The article deals with ways of knowledge representation in teenage magazines. The author demonstrates the importance of knowledge on dating relationship for teenage recipients and analyzes specific verbal and non-verbal means of its representation. On the basis of the content analysis

of teen mediatexts and previous studies the author shows that concept CELEBRITY has a role of moderator in representation of knowledge on dating. The study demonstrates how knowledge in a text from an American teen magazine is structured in an explicit model, 4 components of which the author believes to be universal for modelling other types of knowledge as well. The author states that behavior of celebrities is represented in pictures and verbally and actualizes a model of behavior during a date. It is found that mediatexts contain 5 types of imperatives that appeal to recipients to follow the behavior model in mediatexts.

Key words: teen mediatext, teenager, cognitive model, relationship, verbal and non-verbal representation, celebrity.

В.Г. Беседина, преп. каф. английского языка Алтайского государственного технического университета, г. Барнаул,
E-mail: lemming01@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗНАНИЯ О МЕЖГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ЮВЕНАЛЬНОМ МЕДИАТЕКСТЕ: ЭКСПЛИЦИТНАЯ МОДЕЛЬ

В статье обосновывается актуальность знания о межгендерных отношениях для реципиентов ювенольного медиатекста и определяются способы его структурирования. Исходя из результатов контент-анализа ювенольных медиатекстов, автор указывает на значимость концепта «ЗНАМЕНИТОСТЬ» в представлении знания о межгендерных отношениях. Далее на материале англоязычного ювенольного медиатекста автор демонстрирует, каким образом продуцент задействует вербальные и невербальные элементы, в том числе репрезентанты концепта «ЗНАМЕНИТОСТЬ», для воздействия на подростка с целью модификации его поведения. Автор выводит схему эксплицитной модели, в соответствии с которой структурируется знание в рассматриваемом тексте, и на основании исследования других медиатекстов делает вывод о том, что 4 компонента модели остаются универсальными при овнешнении разных видов знания.

Ключевые слова: ювенольный медиатекст, подросток, когнитивная модель, межгендерные отношения, вербально-невербальная репрезентация, знаменитость.

Исследователи в области когнитивной лингвистики активно рассматривают вопросы моделирования знания, репрезентируемого в различных типах текстов: художественном [1; 2], публицистическом [3; 4; 5], научном [6; 7; 8]. Малоизученным в этом отношении остается ювенольный медиатекст – медиатекст, адресованный подросткам, по своим характеристикам во многом находящийся «на стыке» текстов для детей и для взрослых. Представляет интерес определить способы структурирования знания, репрезентируемого в журналах для подростков, в частности, знания о межгендерных отношениях, актуального для реципиентов этой возрастной группы.

Необходимость обратиться к рассмотрению репрезентации этого аспекта знания продиктована тем, что концепт МЕЖГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ занимает одно из ведущих мест в концептосфере глянцевого ювенольного медиаиздания: анализ 528 англоязычных медиатекстов показывает, что 32%, или 170 текстовых фрагментов содержат репрезентанты этого концепта. При этом знание о межгендерных отношениях овнешняется в рубриках с соответствующими названиями – (*Love life* (Любовная жизнь – журнал «Seventeen»), *Hot Boys!* (Горячие мальчики – журнал «Вор»), *GL Guys* (GL парни – журнал «GL»), *Guys* (Парни – журнал «J-14»), *Любовь & Секс* (журнал «Bravo») – но не ограничивается ими: в то время, как для других разделов медиаиздания характерны собственные ведущие концепты («Мода», «Здоровье» и др.), содержащиеся в них медиатексты также касаются вопросов межгендерного взаимодействия [9].

Насыщенность ювенольных медиаизданий текстами об отношениях между юношами и девушками обусловлена острой потребностью реципиента-подростка в такого рода знании, поскольку перед ним стоит задача за короткий срок усвоить принципиально новые модели взаимодействия, коренным образом отличающиеся от моделей детского поведения. Так, исследования показывают, что у подростков возникает множество вопросов касательно нормативной стороны межгендерных отношений: как надо вести себя в ситуации ухаживания, во время свидания, когда можно целоваться и т.д. [10, с. 230]. Поскольку «в большинстве случаев человеческое поведение подлежит научению через моделирование» [11, с. 40], для подростка становится особенно актуальным знание, содержащее репрезентации моделей межгендерного взаимодействия. Источником таких моделей, в дальнейшем служащих для подростка руководством к действию, в частности, являются тексты СМИ.

Что касается способов репрезентации такого знания, то здесь играет значимую роль концепт ЗНАМЕНИТОСТЬ. Это подтверждается тем фактом, что 75 % исследованных нами текстовых фрагментов, овнешняющих концепт МЕЖГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, также содержат и репрезентанты концепта ЗНАМЕНИТОСТЬ. Это можно объяснить тем, что потребность в ролевых моделях при установлении и сохранении успешных ме-

жгендерных отношений не может быть полностью удовлетворена ни в семье, поскольку отношения между родителями имеют иной статус, ни через наблюдение за сверстниками, которые столь же неопытны. В этой связи особенно актуально для реципиентов ювенольного медиатекста становится знание о межгендерных отношениях, где в качестве ролевых моделей выступают знаменитости, завоевавшие любовь подростков и являющиеся для них авторитетом. Тем самым концепт ЗНАМЕНИТОСТЬ выступает посредником в представлении знания [12].

Рассмотрим, каким образом моделируется знание о межгендерных отношениях в ювенольном медиатексте, исследуя медиатекст «Steal their secrets»/«Укради их секреты» американского журнала для подростков «Seventeen» (№11/2010, рис.1) на предмет того, строится ли репрезентируемое в нём знание по определенной модели, и какого рода взаимодействие наблюдается между концептами МЕЖГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ и ЗНАМЕНИТОСТЬ.

Выбранный для анализа медиатекст в первую очередь привлекает внимание реципиента фотограммами «звезд» шоу-бизнеса Майли Сайрус, Адриенн Байлон и Кэти Перри, запечатлённых в ситуациях межгендерного общения улыбающимися и довольными собой. Тем самым, еще до более подробного знакомства с медиатекстом становится понятно, чьи именно «секреты» призывает «украсть» заголовок. Далее в лиде разъясняется, почему именно эти девушки репрезентированы в медиатексте – *These celeb Superdaters know exactly how to navigate the murky dating pool/Эти суперуспешные на свиданиях знаменитости умеют проложить себе путь в море свиданий* – во-первых, они знамениты («celeb», от «celebrity» – знаменитость), и во-вторых, они очень успешны на свиданиях, что продуцент описывает новообразованием «Superdaters». Следует отметить, что такое соседство репрезентантов концептов ЗНАМЕНИТОСТЬ и МЕЖГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ в лиде медиатекста приводит к тому, что за счет присутствия одного репрезентанта (celeb) другой (Superdaters) становится более значимым для реципиента, и наоборот: имеющийся в сознании реципиента образ знаменитостей расширяется, дополняясь знанием о них, как о примерах для подражания в сфере межгендерного взаимодействия.

Такое достраивание концепта ЗНАМЕНИТОСТЬ имеет место и далее, посредством выражений [*these celebrities*] *know exactly how to navigate the murky dating pool/эти знаменитости умеют проложить себе путь в море свиданий, guys love Adrienne Bailon/парни любят Адриенн Байлон, she's sexy and confident/она сексуальная и уверенная, Katy Perry is the ultimate flirt/Кэти Перри – образец в искусстве флирта*. Тем самым прецедентное знание реципиента об этих знаменитостях как о популярных певицах и актрисах достраивается представлением о них как о *Superdaters* – «специалистах по свиданиям», с которых стоит брать пример и научиться их секретам.



Рис.1. Репрезентация знания о межгендерных отношениях в медиатексте «Steal their secrets»

В чём именно следует рассматривать представленных в медиатексте знаменитостей как образец для подражания, образно описывается в лиде как «navigate the murky dating pool»/«проложить себе путь в море свиданий» и ниже «расшифровывается» отдельно для каждой «звезды». Поведение, демонстрируемое знаменитостями на свиданиях, эксплицируется как вербально, так и авербально, и за счет **дублирования репрезентантов различных знаковых систем** становится максимально понятным для реципиента-подростка.

Так, вербальная репрезентация модели поведения Майли Сайрус – *allows herself to be goofy with guys/позволяет себе дурачиться с парнями*, – дублируется фотоизображением, на котором виден конкретный пример того, что транслирует лексема *goofy*: пара беззаботно веселится в супермаркете, позируя для фотографии в прыжке, с поднятыми руками и забавными выражениями лиц. Тем самым способ времяпрепровождения, избранный М. Сайрус на свидании, отражает скорее дружеский, нежели романтический характер её взаимоотношений со спутником, что отражено и в подписи к фотографии: *it's not all serious and emotional / все не столь серьезно и наполнено переживаниями*.

Подобным образом и обозначенная в лиде модель поведения применительно к М. Сайрус (то, что она сама уверенно прокладывает свой путь в море свиданий, а не «плывет по течению») овнешняется различными способами. Во-первых, лексически: в тексте прямо говорится, что «она строит отношения на своих условиях»/ *builds the relationship on her terms*. Во-вторых, графически – выделение курсивом в предложении *builds the relationship on her terms* подчеркивает роль девушки в определении характера её отношений с молодым человеком. И в-третьих, грамматически: предложения в тексте построены так, что имя знаменитости или местоимение, его заменяющее, являются подлежащими, что указывает на активную роль знаменитости в выполнении действий: *Miley Cyrus allows herself.../Майли Сайрус позволяет себе, she builds relationship.../она строит отношения*.

Важно, что продюсер не ограничивается репрезентацией модели поведения знаменитостей, но, ставя своей целью модифицировать поведение реципиента, включает в медиатекст призывы к определенным действиям. Два таких призыва – в заголовке (*steal their secrets/укради их секреты*) и лиде (*use their tips/используй их советы*) – побуждают подростка перенять в целом (буквально – «украсть» и «использовать» самому) репрезентированную модель поведения знаменитостей. Кроме того, продюсер призывает следовать примеру каждой из «звезд» в отдельности. Это эксплицируется в заголовках подписей к фотограммам короткими восклицательными предложениями, содержащими императивы: «**HAVE FUN!**»/«**БЕСЕЛИСЬ!**», «**BE STRONG!**»/«**БУДЬ СИЛЬНОЙ!**», «**TAKE IT SLOW!**»/«**НЕ ТОРОПИСЬ!**». Призыв выражен кратко и понятно: по мнению психологов, рекомендации

для подростка должны звучать предельно конкретно [13, с. 311].

Итак, рекомендуемая реципиенту модель поведения эксплицируется пятью побудительными предложениями. При этом очевидно, что таких призывов недостаточно для того, чтобы подросток воспользовался советом и модифицировал свое поведение: для этого требуется определенная мотивация. В качестве такого мотива продюсер овнешняет результат следования рекомендуемой модели поведения, имеющий положительную валентность. Так, в лиде медиатекста мы находим обещание определенного результата: *to keep your own love life afloat/чтобы удерживать на плаву свою любовную лодку*. Поскольку подростковые межгендерные отношения характеризуются кратковременностью, а разрыв отношений, как правило, переносится в этом возрасте особенно болезненно [14, с. 209], модель поведения, позволяющая сохранить близкие отношения с представителем противоположного пола (*keep love life afloat*), представляется весьма привлекательной для реципиента.

Таким образом, в ходе анализа медиатекста мы обнаружили следующее:

Вербальный компонент содержит прямые указания на то, что представленные в медиатексте знаменитости успешны в межгендерном взаимодействии и могут рассматриваться как **при- мер для подражания**;

Поведение знаменитостей, овнешненное на фотограммах, дублируется вербально и в совокупности складывается в модель «Поведение на свидании»;

Медиатекст содержит 5 императивов, эксплицирующих **при- зыв к реципиенту** последовать репрезентируемой в медиатексте модели поведения;

Медиатекст вербализует такой **результат следования ре- комендуемой модели поведения**, который мотивирует реципиента модифицировать свое поведение.

Репрезентированные в медиатексте знания группируются в 4 компонента модели: «Знаменитость – пример для подражания», «Модель поведения, репрезентируемая знаменитостью», «Рекомендуемая модель поведения» и «Результат следования рекомендуемой модели поведения» (рис.2).

Объем статьи не позволяет рассмотреть подобным образом другие медиатексты, однако следует отметить, что проведенное нами исследование показало универсальность выявленных компонентов модели при овнешнении разных видов знания. При этом было обнаружено отличие в степени экспликации отдельных компонентов: помимо описанной выше модели, которую можно назвать **эксплицитной** в силу того, что все 4 её компонента вербализованы в тексте, выделяются **смешанные** модели, у которых часть компонентов представлена имплицитно, и часть – эксплицитно. Представляет интерес обратиться к сравнительному исследованию таких моделей в дальнейших работах.

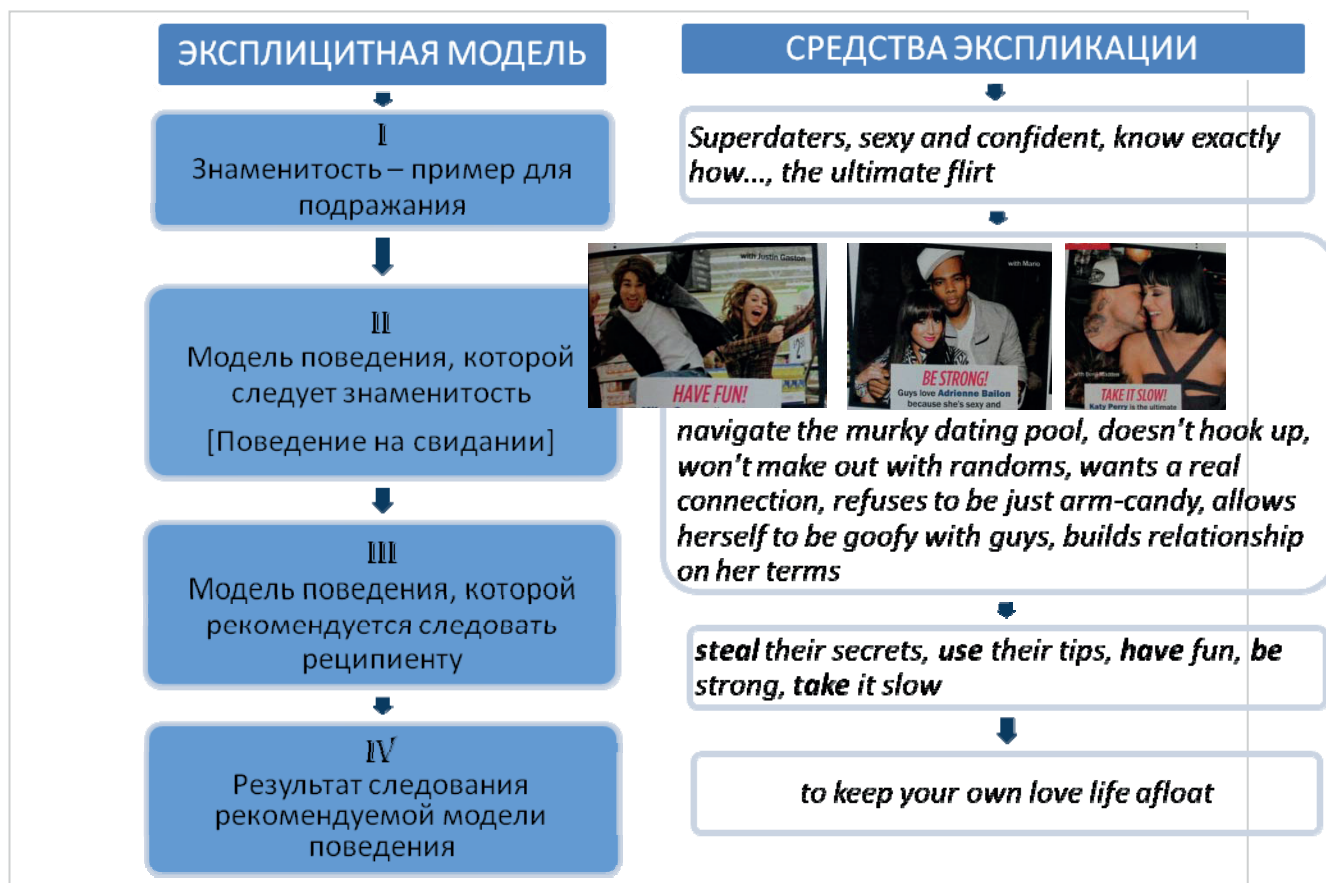


Рис. 2. Эксплицитная модель репрезентации знания о межгендерных отношениях в ювенальном медиатексте

Библиографический список

1. Минакова И.А. Особенности лингвокогнитивного моделирования художественного текста. Диссертация ... кандидата филологических наук. Челябинск, 2010.
2. Ватоллина Т.Г. Когнитивная модель детективного дискурса. Диссертация ... кандидата филологических наук. Иркутск, 2011.
3. Шевченко О.А. Когнитивная модель дискурса интервью. Диссертация ... кандидата филологических наук. Тольятти, 2006.
4. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. Диссертация ... доктора филологических наук. Барнаул, 2003.
5. Чернышова Т.В. Современная газетная коммуникация: принципы миромоделирования. Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Бийск, 2008.
6. Карпилович Т.П. Когнитивно-коммуникативная модель смысловой компрессии научного текста. Диссертация ... доктора филологических наук. Минск, 2005.
7. Вишнякова С.А. Моделирование научного текста в обучении иностранных учащихся. Диссертация ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2000.
8. Черемисина С.Б. Учебно-научный текст как гетерогенная когнитивная структура. Мир науки, культуры, образования. 2008; № 5.
9. Беседина В.Г. Репрезентация ведущей деятельности подросткового возраста в ювенальном медиатексте. Медиаскоп. 2012; 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1204>
10. Кон, И.С. Психология ранней юности. Москва, 1989.
11. Бандура А. Теория социального научения. Санкт-Петербург, 2000.
12. Беседина В.Г. Вербально-авербальная репрезентация концепта «Знаменитость» в ювенальном медиатексте. Филология и человек. 2014; 2.
13. Клауд Г. Дети: границы, границы... Москва, 2001.
14. Качюнас Р. Основы психологического консультирования. Москва, 1999.

References

1. Minakova I.A. Osobennosti lingvokognitivnogo modelirovaniya hudozhestvennogo teksta. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Chelyabinsk, 2010.
2. Vatulina T.G. Kognitivnaya model' detektivnogo diskursa. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Irkutsk, 2011.
3. Shevchenko O.A. Kognitivnaya model' diskursa interv'yu. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Tol'yatti, 2006.
4. Rogozina I.V. Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskij aspekt. Dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk. Barnaul, 2003.
5. Chernyshova T.V. Sovremennaya gazetnaya kommunikaciya: principy miromodelirovaniya. Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskij i kul'turologicheskij aspekty. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Bysk, 2008.
6. Karpilovich T.P. Kognitivno-kommunikativnaya model' smyslovoj kompressii nauchnogo teksta. Dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk. Minsk, 2005.
7. Vishnyakova S.A. Modelirovanie nauchnogo teksta v obuchenii inostrannyh uchashihsya. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2000.
8. Cheremisina S.B. Uchebno-nauchnyj tekst kak geterogennaya kognitivnaya struktura. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2008; № 5.

9. Besedina V.G. Reprezentaciya veduschej deyatel'nosti podrostkovogo vozrasta v yuvenal'nom mediatekste. *Mediascope*. 2012; 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1204>
10. Kon, I.S. *Psihologiya rannej yunosti*. Moskva, 1989.
11. Bandura A. *Teoriya social'nogo naucheniya*. Sankt-Peterburg, 2000.
12. Besedina V.G. Verbal'no-averal'naya reprezentaciya koncepta "Znamenitost'" v yuvenal'nom mediatekste. *Filologiya i chelovek*. 2014; 2.
13. Klaud G. *Deti: granicy, granicy...* Moskva, 2001.
14. Kachyunas R. *Osnovy psichologicheskogo konsul'tirovaniya*. Moskva, 1999.

Статья поступила в редакцию 02.12.14

УДК 801.73

Varnavskaya O.O., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Languages for Science and Humanities Specialties, North Caucasian Federal University (Stavropol, Russia), E-mail: varnavskaya81@mail.ru

Khusainova Ye.N., Cand. of Sciences (Law), senior lecturer, Department of Foreign Languages for Science and Humanities Specialties, North Caucasian Federal University (Stavropol, Russia), E-mail: khusainova80@mail.ru

THE PARTICULAR FEATURES OF ORGANIZATION OF A PHILOSOPHICAL SCIENTIFIC TEXT. The article gives a review of intertextual content principals of a philosophical scientific text at the aspect of functional perspective of discourse expansion. The authors conclude that the study of philosophical semantics and pragmatics of scientific discourse is a necessary link in the chain of research in linguistics. It is dependent on the nature of communicative and stylistic language settings of philosophical works. Philosophical texts allow us explicating the deep inner form of language, and they represent the material for the decision of actual linguistic tasks, which can hardly be overestimated. In addition, we are talking about new aspects of the contribution of linguistics in General human development. Paragraph unity, evidence and reasoning in the structure of philosophical speech are integral statements with specific semantic and syntactic nature.

Key words: philosophical scientific text, reflection, communicative discourse, paragraph unity, philosophical thought.

О.О. Варнавская, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков естественнонаучных и гуманитарных специальностей, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: varnavskaya81@mail.ru

Е.Н. Хусаинова, канд. юр. наук, доц. каф. иностранных языков естественнонаучных и гуманитарных специальностей ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: khusainova80@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

В данной статье рассматриваются принципы интертекстуального содержания философского научного текста в аспекте функциональной перспективы дискурсивного развёртывания. Авторы приходят к выводу, что исследование семантики и прагматики философского научного дискурса является необходимым звеном в цепи исследований по лингвистике текста. Это связано со спецификой коммуникативно-стилистических параметров языка философского произведения. Философские тексты позволяют эксплицировать глубинные внутренние формы языка, и они представляют собой тот материал для решения собственно языковедческих задач, который трудно переоценить. Кроме того, речь идёт о новых аспектах вклада лингвистики в общегуманитарное развитие человека.

Ключевые слова: философский научный текст, рефлексия, коммуникативный дискурс, сверхфразовое единство, философское мышление.

Смысловую структуру научного философского текста определяют экстралингвистические факторы, значимыми являются следующие аспекты: онтологический, характеризующий отношение знания к познаваемому объекту; аксиологический, понимаемый как реализация ценностной ориентации в процессе познавательной деятельности; методологический аспект как реализация способов обоснования и интерпретации знания, полученного субъектом познавательной деятельности; рефлексивный аспект, выявляющий внутренние основания познания, особым образом организующий речевую деятельность субъекта познания и, соответственно, структурирующий речемыслительное произведение. Последний аспект играет определяющую роль именно в философской речи, поскольку он репрезентирует предмет философского познания – единство мышления и бытия – именно со стороны мышления. Мышление здесь одновременно – и объект, и субъект познания. Принципы и законы объекта являются одновременно принципами и законами субъекта. И одновременно же – принципами и законами конституирования речемыслительного произведения, описывающего процесс тождества мышления и бытия и в субъективном, и в объективном аспектах. Этот рефлексивный фактор в дискурсе специфически отношений познаваемого и познающего в наибольшей степени определяет специфику философского текста как особой формы коммуникации, его отличия от других текстов. Им также задается особый режим диалогичности философского текста, в котором неразрывно связаны имплицативная имманентная структура тек-

ста и диалогичность как особый способ построения смысла, как диалог не просто с определенной чужой смысловой позицией, но как диалог в пределах самого субъекта, различающегося в акте рефлексии [1, с. 484].

Диалогичность рефлексии субъекта вносит новые акценты в философский дискурс как речемыслительный процесс, которые не характерны для других видов научной деятельности [2, с. 113]. Этот процесс обращен одной своей стороной к прагматической ситуации, а другой – к процессу мышления участников коммуникации, к стратегии порождения, интерпретации и воспроизводства форм мышления, имплицитно заданных в текстовых формах философского речемыслительного произведения.

Прагматическая коммуникативная целенаправленность форм речи, выражающих формы рефлексии философского познания, – это информация о выявлении скрытых сторон процесса мышления и необходимых связей фактов сознания и явлений действительности. В формах философского познания вместо реальных предметов выступают мысленные конструкты, теоретические модели, которые в рефлексивных процессах философствования совпадают с объектом теоретического моделирования. Поэтому в сверхфразовых единствах, выражающих формы философского мышления, воспроизводятся три уровня плана содержания: вербализованная рефлексия мышления по поводу своей деятельности, вербализованное отражение деятельности самого мышления, вербализованное отражение со-

знанием фактов реальной действительности. Особенностью философского текста является то, что он может разворачиваться в чисто рефлексивных определениях.

Основные принципы дискурсивного развертывания текста философского произведения совпадают с общими принципами порождения научного произведения, определенными, прежде всего, тем, что шаги автора по этому развертыванию реализуют определенные научно-исследовательские действия. Перформативная схема выступает в научном изложении не только как способ представления нового научного знания, но и как способ его доказательства. Она эксплицирует ход исследования, переход от условий и посылок к следствиям, путь получения нового знания, способ его выведения из наличного знания и др. Это прием изложения выступающий одновременно как прием доказательства. Он предоставляет адресату возможность пройти «тот же» путь исследования – проверить способ получения знания и удостовериться в его обоснованности [3, с. 54].

Семантико-структурный анализ сверхфразовых единств в философских научных текстах дает основание утверждать, что сверхфразовые единства, доказательства и умозаключения в структуре философской речи являются целостными высказываниями, имеющими определенную семантико-синтаксическую природу. Связь предложений в сверхфразовых единствах философской речи является не произвольной, а системообусловленной.

Рефлексивной природой философского текста, как нам представляется, можно объяснить тот факт, что авторы последних лет, тяготеющие к классическим образцам, все чаще используют для выражения своей позиции личное местоимение *Я*, что в целом нетипично для стилистики современной научной речи, в которой авторское *Я* ставится, как правило, «на задний план». Не случайно целый ряд лингвистов указывает на то, что характерной чертой научных текстов является широкое обращение к пассивным конструкциям, позволяющим отойти от использования авторского *Я*, создать тон объективности и беспристрастности изложения. Не менее распространенным приемом является создание объективности изложения путем повествования от 3-го лица с тем, чтобы сосредоточить внимание читателя на основных этапах научного исследования, его результатах, а не личности автора, его чувствах и эмоциях [4, с. 100]. Личная манера изложения в философском тексте позволяет авторам как бы непосредственно беседовать с читателем, сообщать о трудностях, с которыми сталкивается процесс познания, о колебаниях, сомнениях. В результате этого научное повествование приближается к изложению того или иного события. В этом плане особенно примечателен текст книги А.А. Королькова «Русская духовная философия» [5, с. 84], в которой строгий научный анализ органично сочетается личными авторскими размышлениями, ведущимися от первого лица, и отступлениями, в которых художественными средствами описывается личный духовный опыт. Нужно заметить, что в начале XX столетия подобная манера построения научного текста вообще была достаточно типичной.

Вопрос об интертекстуальной стороне коммуникативного дискурса в процессе создания и интерпретации научного речемыслительного произведения особенно актуален именно для философского творчества. Именно для него в первую очередь характерно выдвижение одного текста в фокус познавательной рефлексии другого, при котором старое знание актуализируется как основной содержательный и методологический ориентир для новой концепции, что обусловлено особой природой философского познания, всегда выступающего в единстве исторической и логической формы. Данный момент особо акцентуализируется

в предисловии к «Науке логики» Гегеля, где рассматриваются особенности интерпретации данного философского произведения: «Хотя диалектика Гегеля содержит в себе все историческое развитие философии, понять это историческое содержание, снятое и подчиненное высшей исторической ступени развития предмета, невозможно без рассмотрения самого исторического процесса развития философии. А без усвоения исторического содержания, присущего результату, невозможно и понимание этого результата» [6].

Для философского текста характерна как имплицитная интертекстуальность, так и маркированная, но в данном случае маркированная особым образом, как бы «прикрытая». Она предполагает не только то, что автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных текстов, но и читатель способен верно определить авторскую интенцию и воспринять текст в его диалогической соотнесенности. Более того, имплицитная интертекстуальность заключает в себе побуждение к расширению дискурсивного пространства в интерпретации текста. Такой прием задает дополнительное коммуникативное измерение философского речемыслительного произведения. Именно для философского текста характерен такой коммуникативный процесс, необходимой предпосылкой и условием осуществления которого оказывается интертекстуальное сознание читателя и автора.

Связь компонентов в сверхфразовом единстве смыслообразующих фрагментов философского научного текста является гетерогенным, а не линейным фактором: на уровне межфразовых связей прослеживается характер связей, детерминированный рефлексивными процессами, и в то же время, основанный на выражении внутренних связей между явлениями объективной действительности. Классический философский текст и ориентированные на классические образцы современные тексты стремятся к эксплицированности факта активности сознания человека в процессе познавательной деятельности, аргументации достоверности познания, а также в процессе информирования о результатах познания, выраженных в языковых знаках. Способом этой экспликации и одновременно активным средством познания выступает философская рефлексия.

Именно поэтому внутренние семантико-структурные связи сверхфразового единства имеют двойную семантическую соотнесенность: денотативную внешнюю соотнесенность со связями предметов и явлений действительности и денотативную внутреннюю соотнесенность с целенаправленностью познавательной деятельности рефлектирующего субъекта философской речи. Наличие субъективно-модального метатекста в философском тексте, таким образом, закономерно и имеет не только модально-оценочную, но и структурную функцию.

Исследование семантики и прагматики философского научного дискурса является необходимым звеном в цепи исследований по лингвистике текста, поскольку степень специфичности и коммуникативно-стилистических параметров языка философского произведения очень велика. Именно философские тексты позволяют эксплицировать глубинные внутренние формы языка, и они представляют собой тот материал для решения собственно языковедческих задач, который трудно переоценить. Кроме того, речь идет о новых аспектах вклада лингвистики в общегуманитарное развитие человека. Поскольку сознание человека реализуется в форме языка, постольку ни одна философская система не может оставить без внимания вопроса, как в языке отражается процесс мышления, иными словами, процесс познания человеком окружающей его действительности. Эта проблема решается в зависимости от исходной философской позиции, способа логического рассуждения.

Библиографический список

1. Фихте И.Г. *Сочинения в двух томах*. Санкт-Петербург, 1993.
2. Томашевская К.В. *Лексическая интерпретация экономической темы в современных публицистических и учебно-научных текстах*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 1993.
3. Рябцева Н.К. Ментальный модус – от лексики к грамматике. *Логический анализ языка. Ментальные действия*. Москва, 1993.
4. Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Особенности выражения авторского «я» в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов). *Язык, коммуникация и социальная среда*. Воронеж, 2000; Вып. 2.
5. Корольков А.А. *Русская духовная философия*. Санкт-Петербург, 2000.
6. Варнавская О.О., Хусаинова Е.Н. Особенности интерпретации философского научного текста. *Мир науки, культуры, образования*. 2014; 3 (46).

Reference

1. Fihte I.G. *Sochineniya v dvuh tomah*. Sankt-Peterburg, 1993.

2. Tomashevskaya K.V. *Leksicheskaya interpretatsiya 'ekonomicheskoy temy v sovremennykh publicisticheskikh i uchebno-nauchnykh tekstakh*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 1993.
3. Ryabceva N.K. Mental'nyy modus – ot leksiki k grammatike. *Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya*. Moskva, 1993.
4. Boldyreva A.A., Kashkin V.B. Osobennosti vyrazheniya avtorskogo «ya» v nauchnom diskurse (na materiale anglijskikh i russkikh pis'mennykh tekstov). *Yazyk, kommunikatsiya i social'naya sreda*. Voronezh, 2000; Vyp. 2.
5. Korol'kov A.A. *Russkaya duhovnaya filosofiya*. Sankt-Peterburg, 2000.
6. Varnavskaya O.O., Husainova E.N. Osobennosti interpretatsii filosofskogo nauchnogo teksta. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014; 3 (46).

Статья поступила в редакцию 26. 01.15

УДК 8125

Demidova E.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Languages of Economic and Law Profiles, Altai State University (Barnaul, Russia), E-mail: demidel@mail.ru

TIME IN AN INNER WORLD OF THE TEXT: A VARIATION PROBLEM IN TRANSLATION (AT THE MATERIAL OF ENGLISH TRANSLATIONS OF SHUKSHIN'S STORIES). The article considers the role of a "speaking person" in variation of secondary communicative reality at the example of time nominations. The research is based on the study about the "speaking person" (HL) as an object of contemporary philology at the example of time nominations, at the material of the texts of Shukshin's stories "Vanka Teplyashin", "I Believe!", "My Son-in-Law Stole a Truckload of Wood!" and their English translations. In the process of text life there are three representations of Homo Loquens – the author, the translator and the reader. The article stipulates that "switching time" – between past and present is a significant artistic technique; the lack of it in the text of translation results in a distortion of the text perception. All events and images of English translation texts are in past tense, therefore, their importance is decreasing, the reader is not a participant of artistic communication.

Key words: inner world of a text, V.M. Shukshin, variation, translation, artistic time continuum, Homo Loquens, communication.

Е.В. Демидова, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков экономического и юридического профилей Алтайского государственного университета, г. Барнаул, E-mail: demidel@mail.ru

ВРЕМЯ ВО ВНУТРЕННЕМ МИРЕ ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА ВАРЬИРОВАНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДОВ РАССКАЗОВ В.М. ШУКШИНА)

В статье рассматривается роль «человека говорящего» в варьировании вторичной коммуникативной реальности на примере обозначения художественного времени. Исследование осуществляется в контексте учения о «человеке говорящем» (HL) на материале текстов рассказов В.М. Шукшина «Ванька Тепляшин», «Верую!», «Мой зять украл машину дров!» и их англоязычных переводов. В процессе «бытования» текста перевода в мире текстов Homo loquens репрезентируется в трех фигурах – автор, переводчик и читатель. В статье установлено, что «временные переключения» между прошлым и настоящим – это значимый художественный прием, отсутствие которого в текстах переводов приводит к искажению восприятия текста. Все события и образы текстов англоязычных переводов представлены в прошлом, следовательно, их значимость сейчас снижается, читатель перестает быть участником художественной коммуникации.

Ключевые слова: внутренний мир текста, В.М. Шукшин, варьирование, перевод, художественное время, «человек говорящий», коммуникация.

Задача данной работы – продемонстрировать действие личности переводчика как фактора варьирования внутреннего мира текста на примере одного компонента – художественного времени. Исследование осуществляется в контексте филологической теории коммуникации [1].

Проблема варьирования внутреннего мира художественного текста решается в русле фундаментальной проблемы Homo loquens как объекта современной филологии [2], под которым понимается «человек, участвующий в речевой коммуникации» [3, с. 146]. В статье рассматривается переводческая коммуникация, в которой участвуют две репрезентации Homo loquens – автор и переводчик. В процессе «жизни» текста перевода в мире текстов участвуют уже три фигуры Homo loquens – автор, переводчик и читатель, при этом «человек говорящий» меняет конструкцию внутреннего мира текста.

Под внутренним миром текста понимается художественная реальность [4] в ее текстовом воплощении, то есть индивидуальное, творческое переосмысление действительности (явлений, объектов, отношений, событий), воссозданную автором средствами языка и «вычитываемую» из текста воспринимающими субъектами [5]. Внутренний мир текста включает в себя компоненты: обозначения событий, ситуаций, пространства, времени, персонажей, «вещей» [6]. Источниками внутреннего мира художественного произведения является действительность, но автор создает свой мир в соответствии со своими представлениями о нем. Исходя из этого, компонентами внутреннего мира являются

«художественно трансформированные» [7] пространство, время и др.

Внутренний мир текста – это его «внутренняя форма», которая построена «внешней формой» – художественным языком. В тексте мы имеем дело с номинациями компонентов художественной реальности. При переводе художественного текста на иностранный язык варьированию подвергаются все компоненты, поскольку меняется их лингвистическое воплощение.

Исследователи по-разному реконструируют художественный мир: через систему персонажей, через особую роль вещи, предмета, через описание частотного тезауруса языка писателя. В данной статье рассматривается проблема варьирования внутреннего мира текста при переводе на примере художественного времени.

Художественное время (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман) – это «форма бытия эстетической действительности», «способ организации внутреннего мира текста» [8].

Художественное пространство и время, вне которых художественный мир невозможен, в тексте принимают разнообразные формы и виды: время реальное объективное, циклическое, субъективное, ирреальное [9]. Время – это та ось, которая «сцепляет» все другие компоненты, в частности, М.М. Бахтин писал о «временной форме героя» [10].

Временные отношения в художественном тексте имеют различные языковые средства выражения: лексические, морфологические, синтаксические, лингвостилистические и композиционные.

Мы рассмотрим проблему варьирования компонента «время» на материале текстов рассказов В.М. Шукшина «Ванька Тепляшин», «Верую!», «Мой зять украл машину дров!» [11] и их англоязычных переводов – американских (сборник *Stories from a Siberian Village*) [12] и британских (сборник *“Short Stories”* 1990 г.) [13].

Внутренний мир текстов рассказов Шукшина не имеет большой продолжительности по времени, и действия в нем происходят по временной оси в течение нескольких часов, в пределах одного дня или нескольких суток [14]. Однако автор членит временные отрезки воссоздаваемого события, разбивает его на эпизоды, переплетает временные планы в повествовании и тем самым объединяет их в единый мир текста.

Как показало исследование, временным маркером текстов рассказов «Ванька Тепляшин», «Мой зять украл машину дров!» и «Верую!» является «переключение между настоящим и прошлым», однако данный художественный прием используется в текстах для разных коммуникативно-эстетических целей:

1) Дать возможность читателю/слушателю представить событие, «приблизить» его. Следовательно, время в тексте рассказа перцептивное.

Событие рассказа «Ванька Тепляшин» развивается последовательно по временной оси с начала до конца. Автор и читатель стоят на точке «я-сейчас-здесь», отслеживая процесс развития события:

Ванька «лежал себе и лежал» в сельской больнице → «приехал врач из города» → лежал в городской больнице и ему «не очень нравилось», «наладился тосковать», хотя «его хорошо устроили» → «приехала мама» → «драка с вахтером» → «выгна-ли».

Рассказ «Ванька Тепляшин» имеет «разговорное звучание» – это художественная особенность шукшинского текста. Персонаж «переключается» между прошедшим и настоящим временем, как это обычно делают люди во время устного рассказа. Так Ванька рассказывает о своих «случаях из жизни»:

Лед впереди уже о так от **горбатится** – горкой... Я открыл дверцу, **придавил** газку. Вдруг – вниз поехал!.. – Ванька, когда **рассказывает, торопится, размахивает** руками, **перескакивает** с одного на другое. – Ну, поехал!.. Натурально, как с горки! Вода – **хлобысь** мне в ветровое стекло! А дверку льдиной шваркнуло и заклинило. И я, натурально, **иду** ко дну, а дверку **не могу открыть**. А сам уже **плаваю** в кабине. Тогда я другую нашарил, вылез из кабины-то и **начинаю осматриваться**... [11, с. 194].

Брит. "There was a big mound of ice ahead of me, so I opened the door and hit the gas. Suddenly, the ice cracked, and I was going down!.. Vanka talked hurriedly, **waving his arms and jumping** from one place to another in his story. "I went sliding down like it was a real hill! Water **beat** against the windshield! A chunk of ice hit the door, and it slammed shut. So there I was **sinking** fast with the door jammed – I **couldn't** get it open for the life of me. I **was already swimming** inside the cabin, so I opened the door on the passenger's side, slipped out, and **went up to have a look** around [13, p. 330-331].

Амер. "The ice up ahead **was swollen** just like this – like a small hill... I opened the door and gave it some gas. Suddenly, I started going' down!" When Vanka **tells** a story, he **hurries** through it, **waves** his arms around, **jumps** from one thing to another. "So I'm **goin'** down. Natural as can be, like goin' down a little hill. The water **was beatin'** against my windshield! A big block of ice slammed into my door and jammed it shut. And I'm **headin'** straight to the bottom, natural as can be, and I **can't** get the door open. And I'm **already swimmin'** in the cab. Then I **froped** around and found the other door. I crawled outta the cab and I **started lookin'** around... [12, p. 185].

Как видно из примеров, в американском переводе художественный приём «временное переключение» (лед **горбатится** – поехал – вода **хлобысь** – дверку заклинило – я иду ко дну – плаваю – вылез – начинаю осматриваться) воспроизводится практически в полном объеме (the ice up ahead was swollen – I'm goin' down – The water was beatin' – jammed it shut – I'm headin' – I'm already swimmin' – crawled outta – started lookin'), в то время как в британском он отсутствует – переводчик употребляет только формы прошедшего времени (There was a big mound of ice – started going' down – The water was beatin' – slammed shut – I was sinking – I was already swimming – slipped out – went up to have a look around).

Американский переводчик Д. Гивенс является исследователем творчества Шукшина, в своих заметках переводчика 270

к сборнику он отмечает эту особенность поэтики рассказов Шукшина как трудность перевода: "The narrator often shifts between present and past tense (as people do when telling a story) <...> Where possible, we tried to preserve these stylistic elements in our translation" [15, p. xlvii] («Переводчик часто переключается между настоящим и прошедшим временем (как делают люди, рассказывая истории). Где это возможно, мы постарались сохранить данные стилистические особенности в наших переводах» – перевод мой – Е.В.).

Британский перевод выполнен в соответствии с нормами литературного английского языка – правилом согласования времен. При этом потеря временного маркера приводит к искажению компонента внутреннего мира текста – событие представить труднее, яркость «картинки» утрачивается.

В тексте рассказа время перцептивное, то есть созданное через восприятие реальной действительности отдельным человеком. Перцептивное время выражает позицию повествователя и персонажа, при этом используются различные лексико-грамматические средства и временные смещения.

Вневременная истина – есть основной художественный смысл текста рассказа «Ванька Тепляшин»: *Надо человеком быть, а не сшибать полтинники*.

2) «Переключение времён» используется для описания событий. Значимость события, его наглядность создается с помощью этого приема.

Начальная точка художественного времени текста рассказа «Мой зять украл машину дров» установлена на особый момент в процессе развития события – «приезжает и обнаруживает». Пространственно-временной континуум образуется по следующей схеме: момент речи – предыстория – дальнейшее развитие события.

Веня Зяблицкий, маленький человек, нервный, стремительный, крупно **поскандалил** дома с женой и тещей.

Веня **приезжает** из рейса и **обнаруживает**, что деньги, которые **копились** ему на кожаное пальто, жена Соня все **ухайдакала** себе на шубу из искусственного каракуля. Соня **объяснила** так <...> [11, с. 236].

Амер. Venya Zyablitsky, a small man, high-strung and rash, **had a knock-down-drag-out fight** at home with his wife and mother-in-law.

Venya **had arrived** home from a haul only to find out that that his wife, Sonya, **had blown** all the money **he'd saved** up for a leather jacket on a fake astrakhan fur coat for herself. This is how Sonya explained <...> [12, p. 68].

В английском переводе данный приём отсутствует, все события описаны в прошлом («имел скандал с женой», «приехал домой», «растратила все деньги») (формы *had arrived, had blown* – past perfect – предпрошедшее время, указывающее на логику развития событий: он приехал и обнаружил покупку, после чего случился скандал). Из-за отсутствия в тексте перевода временного маркера «переключение» теряет значимость события, описанного в оригинале в настоящем.

3) «Переключение времён» используется для конструирования реальных/наблюдаемых и воображаемых «перцептивных картинок», образов мира текста рассказа. Когда образ описывается в настоящем, автор как бы вводит читателя в эту «картину», в это пространство, делает его полноправным участником, коммуникантом. При этом настоящее ирреально, это перцептивное время, поскольку мы, читатели, находимся в мире текста условно. Приведём пример из текста рассказа «Верую!».

Максим **останавливался** у окна, подолгу **стоял** неподвижно, **смотрел** на улицу. Зима. Мороз. Село **коптит** в стылое ясное небо серым дымом – люди **согреваются**. **Пройдет** бабка с ведрами на коромысле, даже за двойными рамами **слышно**, как **скрипит** под ее валенками тугой, крепкий снег. Собака **залает** сдуру и **замолкает** – мороз. Люди – по домам, в тепле. **Разговаривают**, обед **налаживают**, **обсуждают** ближних... **Есть** – **выпивают**, но и там веселого мало [11, с. 209].

Брит. Maxim **would stop** at the window, standing there for a long time without moving, as he **looked out** at the street.

Winter. Frost. Grey sooty smoke rising up from the village into the chilly, clear sky – people **were keeping** warm. If a woman **went** by with two buckets on a yoke, you **could hear** the thick, firm snow crunching under her felt boots, even through the double windows. A dog **would start** barking for no reason and then fall silent. Frost over everything. The people **were** in their homes, where it **was** warm. They **were talking**, cooking dinner, discussing their neighbour... If

they **had** a bottle, they **would drink**, but they **didn't enjoy** that much either [13, p. 231-232].

Амер. *Maksim would pause by the window and stand there motionless for a long time, looking outside.*

A winter landscape. Freezing cold outside. The village would darken the clear, frozen sky with its gray smoke – people were trying to keep themselves warm. If an old woman passed by carrying buckets on a yoke, you could even hear, through the double-paned windows, the crunch of the firmly packed snow under her felt boots. A dog would start barking just for the heck of it and then would quiet down – because of the freezing cold outside. People would stay at home, in the warmth. They'd hit the bottle too, if they had one on hand, but drinking didn't make things any more cheerful [12, p. 12].

Британский и американский переводчики всю «картинку» (прошлые и настоящие, перцептивные образы) передают только в прошлом, в том числе с помощью модального глагола *would*, обозначающего привычное действие в прошлом (*would stop, would start, would drink*), прошедшего длительного времени (*were keeping, were talking*), прошедшего простого (*were, was, didn't enjoy*). При этом стирается граница между описанием действия (в прошлом) и перцептивной картинкой (в настоящем). Перевод-

чик не ставит границу между реальным и представляемым миром.

Таким образом, в результате исследования мы выделили следующие свойства художественного перцептивного времени: обратимость, многомерность и разнонаправленность.

Художественный текст характеризуется тем, что в нем эстетическая функция трансформирует все другие функции языка. «Временные переключения» – это значимый художественный прием, отсутствие которого в текстах переводов приводит к искажению восприятия текста. Все события и образы текстов англоязычных переводов в прошлом, следовательно, их значимость сейчас снижается, читатель перестает быть соучастником художественной коммуникации. Форма «бытовой коммуникации» заменяется на повествовательно-хронологическую.

Переводчик, порождая новые смыслы, конструирует свою вторичную коммуникативную реальность, в которой появляются свои номинации действий, составляющих события, заданные «лингвистической оболочкой» текста. Рассмотренные тексты, находясь в коммуникативном пространстве, в общем мире текстов, «живут», взаимодействуют и выступают импульсами для ответного понимания другими «людьми говорящими», то есть для формирования новых вторичных реальностей.

Библиографический список

1. Чувакин А.А. К построению филологической теории коммуникации: статья вторая. *Филология и человек*. Барнаул, 2012; 46: 146-156.
2. Кощей Л.А., Чувакин А.А. Homo Loquens как исходная реальность и объект филологии: к постановке проблемы. *Филология и человек*. Барнаул, 2006; 1: 8-20.
3. Чувакин А.А. *Основы филологии*. Москва, 2011.
4. Хализев В.Е. Мир произведения. *Теория литературы*. Москва, 2002.
5. Демидова Е.В. Варьирование внутреннего мира художественного текста: роль личности переводчика. *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2011; Сер. 2. Языкознание, № 1 (13).
6. Демидова Е.В. Характеристики персонажа во внутреннем мире текста: проблема варьирования при переводе (на материале англоязычных рассказов В.М. Шукшина «Одни»). *Филология и человек*. 2014; 4: 150-156.
7. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения. *Вопросы литературы*. 1968; 8: 74-87.
8. Никольина Н. *Филологический анализ текста*. Москва, 2003.
9. Папина А.Ф. *Текст: его единицы и глобальные категории*. Москва, 2002.
10. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва, 1975.
11. Шукшин В.М. *Точка зрения: Рассказы, повести*. Барнаул, 1979.
12. Shukshin, V. *Stories from a Siberian village*. De Kalb, Illinois, 1996.
13. Shukshin V.M. *Short stories*. Москва, 1990.
14. Цяо Шуансинь. *Структурная организация рассказов В. Шукшина в свете современной лингвистики текста*. Диссертация ... кандидата филологических наук. 2000.
15. Givens J. Translator's Notes. *Stories from a Siberian village*. De Kalb, Illinois, 1996.

References

1. Chuvakin A.A. K postroeniyu filologicheskoy teorii kommunikatsii: stat'ya vtoraya. *Filologiya i chelovek*. Barnaul, 2012; 46: 146-156.
2. Koschey L.A., Chuvakin A.A. Homo Loquens kak ishodnaya real'nost' i ob'ekt filologii: k postanovke problemy. *Filologiya i chelovek*. Barnaul, 2006; 1: 8-20.
3. Chuvakin A.A. *Osnovy filologii*. Moskva, 2011.
4. Halizev V.E. Mir proizvedeniya. *Teoriya literatury*. Moskva, 2002.
5. Demidova E.V. Var'irovanie vnutrennego mira hudozhestvennogo teksta: rol' lichnosti perevodchika. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011; Ser. 2. Yazykoznanie, № 1 (13).
6. Demidova E.V. Harakteristiki personazha vo vnutrennem mire teksta: problema var'irovaniya pri perevode (na materiale angloyazychnykh rasskaza V.M. Shukshina «Odni»). *Filologiya i chelovek*. 2014; 4: 150-156.
7. Lihachev D.S. Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedeniya. *Voprosy literatury*. 1968; 8: 74-87.
8. Nikolina N. *Filologicheskij analiz teksta*. Moskva, 2003.
9. Papina A.F. *Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii*. Moskva, 2002.
10. Bahtin M.M. Formy vremeni i hronotopa v romane: Oчерki po istoricheskoy po'etike. *Voprosy literatury i 'estetiki*. Moskva, 1975.
11. Shukshin V.M. *Tochka zreniya: Rasskazy, povesti*. Barnaul, 1979.
12. Shukshin, V. *Stories from a Siberian village*. De Kalb, Illinois, 1996.
13. Shukshin V.M. *Short stories*. Moskva, 1990.
14. Cyao Shuansin'. *Strukturnaya organizatsiya rasskazov V. Shukshina v svete sovremennoj lingvistiki teksta*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. 2000.
15. Givens J. Translator's Notes. *Stories from a Siberian village*. De Kalb, Illinois, 1996.

Статья поступила в редакцию 27.01.15

УДК 811.111

Zhogova I.G., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Languages of Economic and Law Profiles, Altai State University (Barnaul, Russia), E-mail: zhogova.75@mail.ru

LINGUISTIC MEANS INVOLVED IN THE MENTAL PROCESS OF COMPARISON (WITH REFERENCE TO THE ENGLISH LANGUAGE). The paper presents a thorough study of comparison as a mental activity, its structure and elements. Comparison highlights the similarities between two or more similar objects. In the present work, the author analyzes the comparison as a meaningful,

complex and structured process. The research reveals the direction and sequence of mental activities during the formation of stylistic devices (similarity, metaphor, metonymy, epithet, antonomasia and some other). The subject matter of the study is a trope (figurative) construction as a result of interaction of mental spaces. The author suggests that tropes of comparison have different relations for their basis: intersection (metaphor, comparison), subordination (metonymy, antonomasia) and contradiction (oxymoron). Much attention is given to the analysis of the stylistic device and its components (on the example of metaphor).

Key words: metaphor, similarity, mental activity, concept, mental spaces, frame structures, comparison.

И.Г. Жогова, канд. филол. наук, доц. кафедры иностранных языков экономического и юридического факультетов, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, E-mail: zhogova.75@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ СРАВНИВАНИЯ (на материале английского языка)

Настоящая публикация посвящена анализу способов актуализации языковых средств и конечного продукта взаимодействия ментальных пространств как языкового репрезентанта образного сравнения в современном английском языке. Изучение языковых структур сравнения способствует пониманию языковых механизмов их креации и опосредованному осознанию механизмов ментальных действий, задействованных в процессе тропеизации. Предметом исследования выступает тропеическое конструирование как результат взаимодействия сопряженных ментальных пространств.

В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что компаративные тропы в качестве основания, могут иметь различные отношения: перекрещивания (метафора, сравнение), подчинения (метонимия, антономасия), противоречия (оксюморон).

Ключевые слова: метафора, подобие, ментальная деятельность, концепт, ментальные пространства, фреймовые структуры, сравнение.

В стремлении упорядочить и систематизировать знания о мире, а также выстроить классификацию объектов, индивид ориентируется на поиск сходных характеристик познанных и познаваемого. Проникая в природу чуждого и неоткрытого явления, субъект старается осознать новое и отождествить (сравнить) информацию об объектах, их свойствах и характеристиках с ранее полученными данными. Поскольку язык выступает в качестве репрезентанта осущестляемых ментальных действий, логические и лингвистические действия считаются взаимосвязанными, взаимодействующими и взаимообусловленными. По мнению Л.В. Щербы «язык и мышление образуют неразрывное единство, и наблюдение над языком являются наблюдениями над мышлением, так как это последнее нельзя наблюдать вне языковых форм» [1, с. 339]. Процессы взаимодействия между логическими понятиями, глубинные ментальные схемы (концепт, фрейм, образ), формирующиеся при взаимодействии экстралингвистических и психофизиологических факторов у представителя определенного этноса находят выход на языковом уровне, доказывая интеракцию языка и мышления. М.В. Никитин утверждает, что «мы имеем дело с одним и тем же предметом – концептуальным уровнем абстрагирующих обобщающих единиц сознания, но рассматриваем эти единицы в разных направлениях и с разными целями: в одном случае нас интересует, что они отражают, в другом как их выражают...» [2, с. 89].

Сравнение представляет собой одну из базовых операций логико-мыслительных процессов, обладающих когнитивным потенциалом, одновременно представляя собой механизм работы человеческого сознания. Универсальность операции сравнения обусловлена тем, что она способна функционировать автономно в процессе постижения онтологической действительности и являться составляющей мыслительных процессов более высокого порядка. Подчеркнем, что базисом для осуществления логического сравнения выступает общее свойство, присущее сравниваемым объектам или явлениям реальной или мыслимой действительности.

Приведем пример логического сравнения понятий *lawyer* (адвокат) и *public prosecutor* (прокурор). Сопоставляемые понятия *lawyer* и *public prosecutor* имеют общее родовое понятие *lawyer* (юрист). Таким образом, основанием сравнения двух приведенных понятий является их родовое понятие *lawyer* (юрист), а выводом из сравнения – различные виды деятельности *lawyer* (адвоката) и *public prosecutor* (прокурора) в общем юридическом процессе. Вместе с тем, сравнение связано не только с обобщением понятий *lawyer* и *public prosecutor*, реализуемым после сравнительной характеристики. В выводах устанавливается общая характеристика у сравниваемых понятий *lawyer* и *public prosecutor* – юриспруденция и отличительное свойство – защита обвиняемого у адвоката и обвинение подозреваемого у прокурора. Отношения между понятиями рассматриваются на основе теории Аристотеля о логическом соотношении понятий [3].

Формирование понятий представляет собой результат познания объектов или явлений окружающей действительности и выделения характерных свойств и признаков у определенных предметов онтологии. Определенная мысль, посредством языкового знака, обретает «чувственно-воспринимаемую форму слов» и воспроизводит ментальные образы объектов, соотнося понятия объектов в сознании реципиента с последовательным звуковым рядом [4, с. 7].

Взаимодействие чувственного, эмоционального и рационального аспектов в познавательном процессе прослеживается в структуре значения слова, где ощущается присутствие различных ассоциаций [5, с. 10], что подтверждает наличие психологического фактора в структуре значения.

Однако, предметы и явления онтологического пространства, обладающие объемным комплексом характеристик, находят лишь частичную экспликацию свойств и отношений в словесном знаке. Расплывчатость понятий и наличие потенциальных сем у слова делает возможным сочетать разнопонятные лексемы и креативировать интересные образные словосочетания. Сдвиг значения слова являет собой процесс вторичной номинации, т.е. «использование слова в его не прямой функции». Вторичная окказиональная номинация предполагает движение сем, а именно приглушение архисемы прямого номинативного значения слова и «индуцирование окказиональной семы» и последующей актуализацией потенциальной семы [4, с. 93-94].

Вторичная номинация предполагает использование в речевом акте уже существующих языковых единиц в качестве имени для нового обозначаемого. В качестве верифицирующего примера рассмотрим следующую ситуацию:

These freshmen had arrived already luminaries. They had been born directly into the limelight. But on this last day of summer 1954, more than a thousand, other potential comets were waiting to burst from dark of anonymity to light up the sky. [6, с. 5].

Особый интерес в указанном примере представляет метафора «*potential comets*». Основное значение лексемы *comet* определяется как «*a bright object in space that has a tail of gas and dust*» [7]. Однако в приведенном отрывке значение слова *comet* приобретает иной оттенок – это не просто малое небесное тело в данном предложении. Автор отождествляет будущих (потенциальных) выпускников Гарварда с яркими и порой необъяснимыми кометами, которые прибывают из глубины космоса. Вторичное окказиональное значение существительного *comet* возникает в процессе переосмысления его исходного значения в силу ассоциативного характера человеческого мышления. В акте вторичной номинации образовалась ассоциация по сходству между ярким и ослепительным светом кометы, которая оставляет за собой след, и высоким (заметным, неординарным) потенциалом студентов престижного учебного заведения Америки, которые способны внести весомый вклад в развитие страны и запомниться потомкам.

Традиционно считается, что понятия могут быть сравнимыми и несравнимыми. Сравнимые понятия, в свою очередь, могут быть совместимыми и несовместимыми. Сравнимые совместимые понятия могут вступать в определенные отношения. Это отношения равнозначности, перекрещивания и подчинения. Сравнимые несовместимые понятия характеризуются как соподчиненные, противоречащие и противоположные [8, с. 25].

В основе языкового механизма формирования сравнения находятся логические отношения сравнения между понятиями. В языковом плане внутренняя структура любого сравнения всегда синтаксична и в ней обязательно присутствуют три компонента. Структурность образа хорошо просматривается через классическую трёхкомпонентную модель построения образа, предложенную А. Ричардсом, которая включает в себя: *tenor* – предмет, который сравнивают (сравниваемый предмет), *vehicle* – предмет, вовлекаемый в создание образности (предмет сравнения), *ground of image* – основной признак или характеристика предмета, дающий возможность для сопоставления объектов онтологии [9, с. 18].

Рассмотрим следующий пример:

And so they taught their son and daughter that their Jewish background was like a little rivulet that poured from the Old Country to join with the mighty mainstream of American society [6, с. 15].

В приведённом отрывке изобилуют образные конструкции, например, *like a little rivulet, the mighty mainstream of American society, the Old Country*. Рассмотрим языковую структуру сравнения в выражениях *their Jewish background was like a little rivulet that poured from the Old Country*.

Сравниваемым объектом здесь выступает один из главных героев, его происхождение и образование (*Jewish background*), которое сопоставляется с маленьким ручейком (*a little rivulet*) по сравнению с мощным и стремительным потоком Американского общества. В приведенном примере основанием сравнения может служить немногочисленность представителей указанной нации (*the Jews*) в Американском социуме и характеристика лексемы *ручей* как небольшого временного или постоянного водотока.

Сравнительный оборот предполагает структурность (субъект сравнения, объект сравнения и основание сравнения) что отражает «архитектуру» логического выполнения операции срав-

нения в сознании носителя определенной языковой культуры. Уместно заметить, что неоднозначность и глубина образного сравнения основывается на том, что общий признак, свойство или характеристика сравниваемых объектов онтологии могут выступать неявно или вовсе отсутствовать у разнопонятийных сущностей [10].

Мы полагаем, что тип тропической экспликации зависит от характера обозначенных отношений, а именно перекрещивания, подчинения, противоречия:

а) отношения перекрещивания проявляются во взаимодействии сравнимых понятий, составляя основу стилистических приемов, как собственно сравнение, метафора, эпитет, олицетворение;

б) отношения подчинения между единицами ментального уровня представляют базовый фактор языковой экспликации процесса сравнения в форме метонимии, антономасии, синекдохи;

в) оксюморон и зевгматическая конструкция иллюстрируют взаимодействие сравнимых понятий, базирующихся на отношении противоречия.

Приведём пример для иллюстрации вышесказанного и продемонстрируем отношения между перекрещивающимися понятиями.

Do you realize, son, that I get at least three offers a week now from lawyers who want to represent me for free? Big lawyers. Famous lawyers. Rich lawyers. Some real slimy snakes [11, 111].

Отметим, что базисом формирования метафорической конструкции являются два исходных пространства, которые в теории концептуальной метафоры называются сфера-источник и сфера-мишень [12].

Интегрирование ментальных пространств змея (*snake*) и юриста (*lawyer*) актуализируется посредством четырехступенчатой фреймовой модели. Первый фрейм определяется через концепт пресмыкающиеся (*reptiles*) слотами которого являются *snake, amphibian, animal, arachnid, arthropod, cobra, beast* [7]. Вторым фрейм дефинируется через концепт *justice*, со следующими слотами: *lawyer, advocate, attorney, attorney general, bailiff, the bar, barrister, court, the bench* [7]. Представим схематически два описанных фрейма.

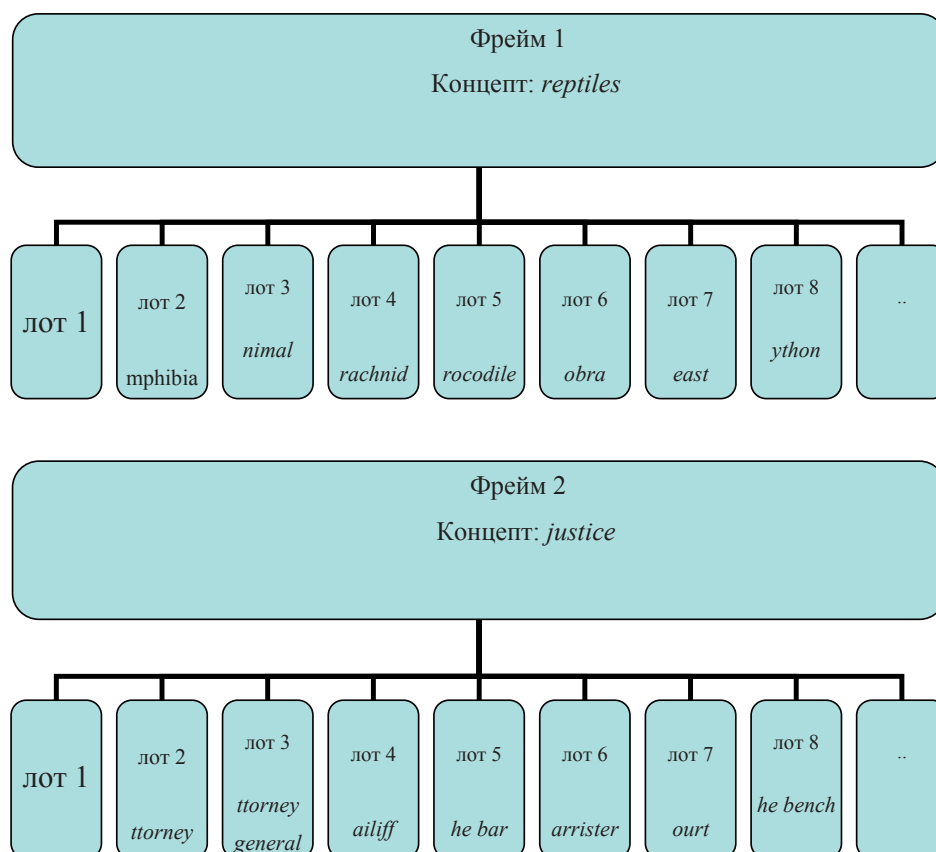


Рис. 1. Фреймовые структуры сложных концептов *reptiles* и *justice*

Далее актуализируется совмещение объемов понятий слов *snake* и *lawyer*. Представим сказанное схематически.

реципиента. Прочтение и интерпретация метафор, а именно прояснение смысловой неопределенности заданной

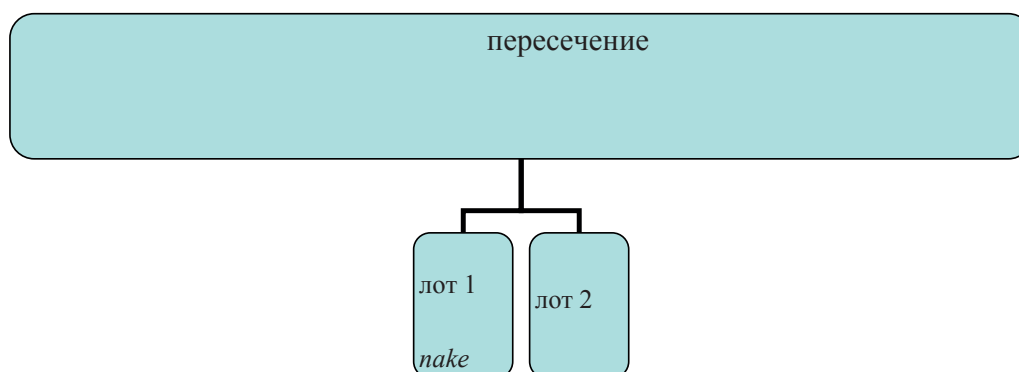


Рис.2. Тип взаимодействия единиц структурирования концепта

В представленном примере метафорической конструкции сфера-мишень адвокат (*lawyer*) сравнивается со сферой-источником змеей (*snake*). Переосмысление сущности лексемы адвокат (*lawyer*), и наделение ее негативным смыслом (оценкой) происходит за счет взаимодействия с лексемой змея (*snake*), которая определяется как *a long thin animal with no legs and smooth skin and some snakes have a poisonous bite that can kill* [7].

Эпитет *slimy*, задействованный в построении метафоры, усиливает сравнение и создает более глубокий и емкий образ нечестных адвокатов, которые могут вести двойную игру, учитывая лишь свои интересы и быть способными предать своего подзащитного.

Наложение двух ментальных пространств *snake* и *lawyer*, их смешение (*blend*) и, что важно, взаимодействие с родовым пространством (*generic space*) т.е. возможность апеллировать к интуиции адресата, его интеллектуальному багажу, предоставляет реципиенту возможность творчески интерпретировать предъявленный материал и инновативно подойти к процессу номинации, что может быть выражено в следующей схеме.

Бленд контаминирует признаки исходных пространств, создавая слот: *a lawyer whom you cannot trust*. Значения, заключенные в лексеме змея, в рассматриваемом контексте нивелируют денотативный компонент лексемы адвокат (*lawyer*), преобразуя сигнификативный компонент и расширяя интенционал этой лексемы. В результате вторичной номинации мы получаем не чистое (исходное) определение слова, зафиксированное в словаре, а *lawyer – someone whose profession is to provide people with legal advice and services*, а некоего беспринципного субъекта, способного обмануть, предать и воспользоваться ситуацией в своих целях.

В осмыслении и анализе метафор важны интеллектуальный потенциал, лингвистическая подготовка, уровень культуры и мышления, фоновые знания, а так же социальный опыт

ситуации, а также способность видеть один предмет «в свете» другого предмета действительности предполагает наличие определенного опытного знания в необходимом и требуемом объеме [13, с. 7].

Метафора предполагает совпадение знаний основных

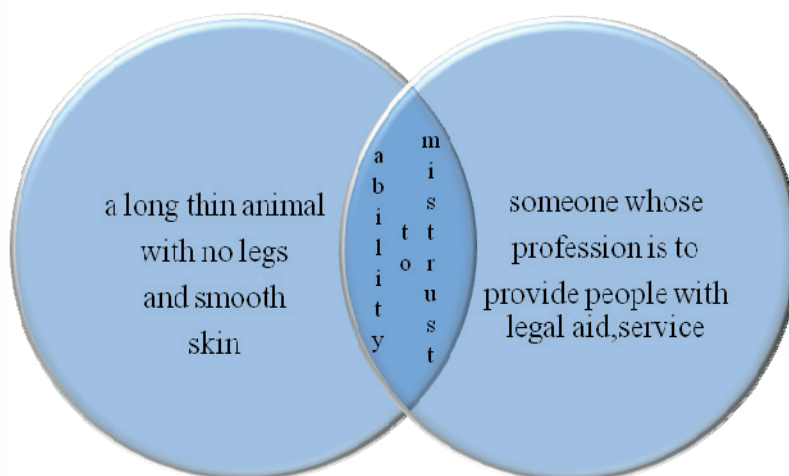


Рис.3. Взаимодействие ментальных пространств при реализации образного сравнения

характеристик сопоставляемых объектов онтологического мира репродуктора и интерпретатора, а также осознание того, какое значение слова (переносное или прямое) задействовано в контексте [14, с. 287].

Таким образом, мы полагаем, что анализ и изучение языковых структур сравнительных конструкций позволит понять языковые механизмы их построения, и выявить опосредованно характер ментальных действий вовлекаемых в процесс образования стилистических средств.

Библиографический список

1. Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность* Ленинград: Наука, 1974.
2. Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики*. Санкт-Петербург, 1996.
3. Кондаков Н.И. *Логический словарь*. Москва, 1971.
4. Азнаурова Э.С. *Стилистический аспект номинации словом как единицей. Языковая номинация (виды наименований)*. Отв. ред. Б.А. Серебренников; Акад. наук СССР, Инст. языкознания. Москва, 1977.
5. Кравченко А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания. *Вопросы языкознания*. 1999; 6.
6. Segal E. *The Class*. NY: Bantam Books, 1986.
7. *Macmillan English Dictionary* Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>
8. Грядовой Д.И. *Логика. Практический курс основ формальной логики*. Москва, 2003.
9. Защитина Г.В. *Стилистический потенциал вторичной и альтернативной номинации в языке британской прессы*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2008.
10. Огольцев В.М. *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*. Ленинград, 1978.
11. Grisham J. *The Chamber*. NY, 1994.
12. Lakoff G. Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.
13. Сапогова, Е.Е. Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении // *Вопросы психологии*. – 1996. – № 2.
14. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. – М., 2001.

References

1. Scherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost'* Leningrad: Nauka, 1974.
2. Nikitin M.V. *Kurs lingvisticheskoy semantiki*. Sankt-Peterburg, 1996.
3. Kondakov N.I. *Logicheskij slovar'*. Moskva, 1971.
4. Aznaurova E.S. *Stilisticheskij aspekt nominacii slovom kak edinicej. Yazykovaya nominaciya (vidy naimenovanij)*. Otv. red. B.A. Serebrennikov; Akad. nauk SSSR, Inst. yazykoznaniya. Moskva, 1977.
5. Kravchenko A.V. Klassifikaciya znakov i problema vzaimosvyazi yazyka i znaniya. *Voprosy yazykoznaniya*. 1999; 6.
6. Segal E. *The Class*. NY: Bantam Books, 1986.
7. *Macmillan English Dictionary* Available at: <http://www.macmillandictionary.com/>
8. Gryadovoj D.I. *Logika. Prakticheskij kurs osnov formal'noj logiki*. Moskva, 2003.
9. Zashitina G.V. *Stilisticheskij potencial vtorichnoj i al'ternativnoj nominacii v yazyke britanskoj pressy*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2008.
10. Ogol'cev V.M. *Ustojchivye sravneniya v sisteme russkoj frazeologii*. Leningrad, 1978.
11. Grisham J. *The Chamber*. NY, 1994.
12. Lakoff G. Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.
13. Sapogova, E.E. Vniz po krolich'ej nore: metafora i nonsens v detskom voobrazhenii // *Voprosy psihologii*. – 1996. – № 2.
14. Kacnel'son, S.D. Kategorii yazyka i myshleniya. Iz nauchnogo naslediya. – M., 2001.

Статья поступила в редакцию 29.01.15

УДК 811.512.153

Kaskarakova Z.Ye., Cand. of Sciences (Philology), senior researcher, Language Sector, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russia), E-mail: zinaidakaskarakova@mail.ru

Beloglazov P.Ye., Cand. of Sciences (Philology), senior researcher, Language Sector, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russia), E-mail: petrbeloglazov@yandex.ru

Kyzlasov A.S., Cand. of Sciences (Philology), Head of Language Sector, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russia), E-mail: kyzlasov60@mail.ru

ON THE QUESTION OF SYSTEM CONNECTIONS IN A LANGUAGE: SYSTEMATIC CHARACTERISTICS OF PLANT NAMES IN THE KHAKASS LANGUAGE. In the article an analysis problem of a semantic structure of plant names in the Khakass language is under consideration. Lexical meaning of a plant name is presentive-notional contents having a nominative function. The authors characterize the lexical meaning through its object orientation: plant names point to certain plants and serve their names. On the basis of a componential analysis a method of lexical meanings of semes is used in determining a semantic structure of plant names under research. Through the analysis of actual language material the authors conclude that the lexical meaning of a plant name is composed of a set of semantic components (marks), which are the smallest notional units (semes) included in its structure. It is believed that only a complex of all main semantic components provides an idea about the lexical meaning of a plant name as a semantic structure.

Key words: lexical meaning, integral (general) semes, distinctive (individual) semes, instant (essential) semes, potential (unessential) semes.

З.Е. Каскаракова, канд. филол. наук, с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E-mail: zinaidakaskarakova@mail.ru

П.Е. Белоглазов, канд. филол. наук, с.н.с. сектора языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E-mail: petrbeloglazov@yandex.ru

А.С. Кызласов, канд. филол. наук, зав. сектором языка ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан, E-mail: kyzlasov60@mail.ru

СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ В ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема анализа семантической структуры названий растений в хакасском языке. Лексическое значение названия растения – это предметно-понятийное содержание, имеющее номинативную функцию. Оно характеризуется, в первую очередь, предметной направленностью: указывает на определенное растение и называет его. На основе метода компонентного анализа исследованы лексические значения семем при выявлении семантической структуры названия растений. Путём анализа фактического языкового материала делается вывод о том, что лексическое значение названия растения складывается из набора семантических компонентов (признаков) – минимальных смысловых единиц (сем), входящих в ее структуру. Только совокупность всех основных семантических компонентов дает представление о лексическом значении названия растения как о семантической структуре.

Ключевые слова: лексическое значение, интегральные (общие) семы, дифференциальные (индивидуальные) семы, актуальные (существенные) семы, потенциальные (несущественные) семы.

Системные отношения в лексике привлекали внимание исследователей с давних времен, и интерес к их изучению за последнее время заметно усилился. И это неслучайно, поскольку лексические единицы в языке существуют не изолированно, а вступают в разного рода отношения друг с другом, образуя тем самым систему. Становление общетеоретических основ и конкретных методов практического исследования лексики как системы в отечественном языкознании неразрывно связано с именем В.В. Виноградова, опубликовавшего многочисленные труды, посвященные этой проблематике [1].

Семантические отношения описываются семантикой как разделом языкознания с разных точек зрения, включая ономастический и семасиологический подходы к изучению лексики. Лексическое значение названия растения – это предметно-понятийное содержание, имеющее номинативную функцию. Оно характеризуется, в первую очередь, предметной направленностью: указывает на определенное растение и называет его.

Ж.М. Омашева в работе «Лексико-семантическая структура названий лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках (НЛТР)» отмечает: «В лингвистике различают

лексическое значение и понятия. Значения – понятия, связанные знаком, и являются следствием этой связи. Связываясь со знаком, понятия становятся семантическими единицами – значениями или частями значений (семами). Сема – это элементарный и далее неделимый компонент значения, реализуемый внутри семемы. Таким образом, лексическое значение представляет собой совокупность семантических признаков, связанных зависимостями и образующих структуру лексического значения» [2].

Как известно, существуют различные методы исследования лексического значения слова. Одним из признанных, широко распространенных является компонентный анализ. В основе компонентного анализа лежит идея возможности разложения лексического значения семем на минимальные семантические элементы – семы, не поддающиеся членению [3, с. 158]. Так, например, первое значение общетюркской лексемы *хараиат* “смородина” (хак.) (букв. черная ягода) – многолетний полукустарник из семейства крыжовниковых, с ягодами – можно представить в виде следующих сем: ‘полукустарник’, ‘многолетний’, ‘из семейства крыжовниковых’, ‘с ягодами’. На подобные же семы можно разбить и второе его значение – его чёрные и сладкие ягоды, используемые в пище: ‘ягоды’, ‘чёрные’, ‘сладкие’, ‘используемые в пищу’.

Семы лексического значения по своим функциональным особенностям неоднородны. Они различаются по уровню абстракции – общему и индивидуальному.

Общие и индивидуальные семы именуются авторами по-разному. Так, Д.Н. Шмелев называет их интегральными и дифференциальными семами, а Л.М. Васильев – идентифицирующими и дифференцирующими [4, с. 7, 50]. В.Г. Гак в этом случае говорит об архисемах родового значения и дифференциальных семах видового значения [5, с. 371]. Нам представляется более приемлемым термин, используемый Д.Н. Шмелевым.

Интегральные (общие) семы – это семы родовых значений, общие для всех членов одной лексико-семантической группы (ЛСГ). Они объединяют в группы отдельные лексемы по значениям. А дифференциальные (индивидуальные) семы различают близкие по значению слова в пределах той или иной группы, отличают данную семему от других членов ЛСГ [6, с. 27].

Здесь следует отметить, что дифференциальные семы входят в значение данной конкретной семемы, но не входят в значения других семем. Возьмём, например, лексему *яблоня*, *яблоко*, *айазы* (яблоня). В её семантической структуре содержатся два значения: 1. садовое, фруктовое дерево, разводимое на юге страны и в Хакасии, со съедобными плодами; 2. крупный и сочный плод этого дерева, имеющий округлую форму, зеленого или красного цвета, с мелкими семечками. В этих значениях более общая сема ‘дерево’, менее общее – ‘садовое’, ‘фруктовое’. Что касается семы ‘разводимые на юге страны и в Хакасии’, ‘со съедобными плодами’, ‘крупный плод’, ‘сочный плод’, ‘имеющие округлую форму’, ‘зелёного или красного цвета’, ‘с мелкими семечками’, то они являются дифференциальными.

По отношению к акту речи семы также делятся на две группы: актуальные (существенные) и потенциальные (несущественные) семы. Актуальные семы, отражающие признаки, присущие денотату всегда, реально существуют в значении семемы ‘как бы сами по себе, самостоятельно’ [7, с. 59]. Они составляют основу значения в толковых словарях. А потенциальные семы, присущие денотату с той или иной степенью вероятности, отсутствуют в них, но способствуют ей, сопровождают ее в языковом сознании. Они отражают потенциальные свойства растений и актуализируются в случае необходимости. Так, семы ‘со съедобными плодами’ и ‘с мелкими семечками’ лексемы *яблоня*, *яблоко*, *айазы* являются потенциальными, малосущественными. Поэтому их можно опускать в системе лексического значения. Зато может актуализироваться сема ‘зелёного или красного цвета’, так как плоды яблони в большинстве случаев имеют зелёный или красный цвет.

Исследователь казахского языка Б.К. Калиев отмечает: «Чтобы получить определённое понятие о каком-то растении, нужно выявить эти общие и дифференциальные, актуальные и потенциальные семы. Выявление их в лексических значениях названия растений представляется чрезвычайно важным, так

как это позволяет, во-первых, обнаружить все предельные смысловые элементы, во-вторых, определить существенные и несущественные признаки растений, на основе которых устанавливаются лексические значения семемы...» [8, с. 39].

Членение семемы на семы имеет количественный предел, так как ограничено число признаков предметов, с которыми соотносится лексическое значение. Иначе говоря, количество сем определяется коммуникативной насыщенностью данной семемы. В языке есть семемы с меньшей или большей емкостью информации. Например, значение лексемы *аар оды* ‘клевер луговой, красный’ (букв. пчелиная трава) расчленяется на четыре семы: ‘злак’, ‘луговой’, ‘красный’, ‘употребляющийся как корм’. А значение название растения *тирек* ‘тополь’ состоит из восьми сем: ‘дерево’, ‘листопадное’, ‘из семейства ивовых’, ‘с глянцевыми и широкими листьями’, ‘с высоким и прямым стволом’, ‘используемое в основном в озеленении’, а также ‘с мягкой и легкой древесиной’, ‘употребляемое в бумажном и спичечном производстве’ и пр. Совокупность этих сем является отражением семантики лексем *аар оды* и *тирек*. Хакасы выделяли два вида: *хара тирек* “чёрный тополь” (вид крепкого тополя) и *ах тирек* “белый тополь” (вид хрупкого тополя). Это слово восходит к древнетюркскому “terek”.

Также следует отметить, что многие названия растений отличаются сразу комплексом признаков. Например, попробуем сопоставить лексический компонент дефиниций названия растений *хазыу* “берёза” и *ос* “осина”.

Хазыу – листопадное дерево из семейства берёзовых с белой корой и седцевидными листьями, древесину которого используют в мебельном производстве, а берестяная кора, т.е. береста “тос” у хакасов широко применялась в быту и хозяйстве, березовые почки, листья в народной медицине.

Осина – высокое дерево из семейства ивовых, с гладкой серой корой и с продолговато-ланцетными, по краю остропильчатыми листочками, древесину которого используют в хозяйстве и быту, а кору в народной медицине, древесину в целлюлозно-бумажной, спичечной промышленности для производства фанеры.

Наиболее общими, т.е. интегральными семами для этих двух названий растений являются ‘дерево’, ‘лиственное’, ‘древесину которого используют в быту и мебельном производстве’, а ‘другие части применяют в народной медицине’. Именно они объединяют данные названия растений в одну ЛСГ. Для лексемы *ос* “осина” дифференцирующими семами являются: ‘из семейства ивовых’, ‘с гладкой серой корой’, ‘с продолговато-ланцетными, по краю остропильчатыми листочками’, а для *хазыу* “берёза” – ‘из семейства берёзовых’, ‘с белой корой’ и ‘сердцевидными листьями’. Эти дифференцирующие семы составляют основу лексического значения каждого из названных названий растений.

Из сказанного следует, что значение каждого названия растений состоит из набора семантических признаков (сем), число которых может быть разным, но достаточным для ограничения значения данной лексемы от всех остальных лексем конкретного языка. Поэтому при определении названия растений иногда достаточно использования наиболее основных и существенных признаков растений.

Как и Б.К. Калиев, к таким признакам (семам) мы относим: 1) тип растения (*дерево, кустарник, трава, цветок, овощи, фрукты и др.*), 2) внешний вид (*высота, ширина, форма и т.д.*) и цвет растений, 3) основные отличительные различия растений от других (*дикое/культурное, однолетнее/многолетнее, сорное, ядовитое, эфемерное, эндемное, зерновое, бобовое, светлюбивое и пр.*), 4) место произрастания (*садовое, полевое, луговое, горное, водное, болотное, комнатное, южное, северное и пр.*), 5) хозяйственное назначение (*пищевое, кормовое, фруктовое, лекарственное, дубильное, красильное, декоративное, техническое и пр.*) [8, с. 40].

Таким образом, лексическое значение названия растения складывается из набора семантических компонентов (признаков) – минимальных смысловых единиц (сем), входящих в её структуру. Только совокупность всех основных семантических компонентов даёт представление о лексическом значении названия растения как о семантической структуре.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва, 1977; Виноградов В.В. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. Москва, 1975; Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва, 1972.

- Омашева Ж.М. *Лексико-семантическая структура названий лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках*. Available at: [http://www.rusnauka.com/18 DNI 2010/Philologia/69369.doc.htm](http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69369.doc.htm).
- Васильев Л.М. Методы семантического анализа. *Исследования по семантике*. Уфа, 1975; Гак В.Г. К проблеме геносеологических аспектов семантики слова. *Вопросы описания лексико-семантической системы языка*. Тезисы докладов. Москва, 1971; Ч.1: 95-96.
- Шмелев Д.Н. *Очерки по семасиологии русского языка*. Москва, 1964; Васильев Л.М. Идентификация и дифференциация лексических синонимов. *Вопросы теории и методики русского языка*. Ульяновск, 1969.
- Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики. *Проблемы структурной лингвистики*. Москва, 1972.
- Кузнецов А.М. Проблемы и методы лексико-семантических исследований. *Проблемы лингвистической семантики*. Москва, 1981.
- Стернин И.А. Актуализация сем и выразительность текста. *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск, 1980.
- Калиев Б.К. *Названия растений в казахском языке*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Алма-Ата, 1991.

References

- Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. Moskva, 1977; Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoj grammatike*. Moskva, 1975; Vinogradov V.V. *Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moskva, 1972.
- Omasheva Zh.M. *Leksiko-semanticheskaya struktura nazvanij lekarstvennykh travyanistykh rastenij v kazahskom i russkom yazyke*. Available at: [http://www.rusnauka.com/18 DNI 2010/Philologia/69369.doc.htm](http://www.rusnauka.com/18_DNI_2010/Philologia/69369.doc.htm).
- Vasil'ev L.M. Metody semanticheskogo analiza. *Issledovaniya po semantike*. Ufa, 1975; Gak V.G. K probleme genoseologicheskikh aspektov semantiki slova. *Voprosy opisaniya leksiko-semanticheskoy sistemy yazyka*. Tezisy dokladov. Moskva, 1971; Ch.1: 95-96.
- Shmelev D.N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka*. Moskva, 1964; Vasil'ev L.M. Identifikaciya i differenciaciya leksicheskikh sinonimov. *Voprosy teorii i metodiki russkogo yazyka*. Ul'yanovsk, 1969.
- Gak V.G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki. *Problemy strukturnoj lingvistiki*. Moskva, 1972.
- Kuznecov A.M. Problemy i metody leksiko-semanticheskikh issledovanij. *Problemy lingvisticheskoy semantiki*. Moskva, 1981.
- Sternin I.A. Aktualizaciya sem i vyrazitel'nost' teksta. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Novosibirsk, 1980.
- Kaliev B.K. *Nazvaniya rastenij v kazahskom yazyke*. Avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk. Alma-Ata, 1991.

Статья поступила в редакцию 28.01.15

УДК 821.161.1

Kieva Z.H., senior researcher, Department of Ingush Language, Ingush Research Institute of Humanities n.a.
Ch. E. Ahriev (Magas, Russia), E-mail: uzlipat066@mail.ru

THE SYNTACTICAL WAY OF FORMATION OF LINGUISTIC TERMS IN INGUSH. The article studies the syntactical method of formation of Ingush linguistic terms, which is found to be one of the most common ways of formation of new linguistic terminology in the modern Ingush language. In the empirical analysis, the author shows that the syntactical method of formation of linguistic terms is traditional and retains its productivity in the modern Ingush language. The work presents the results of the research of linguistic terminology. The author states that the use of the syntactical method of building of terms is found in more than 80 per cent of all linguistic terms in the Ingush language. The Ingush linguistic terms, built with the help of syntactical means, are an integral and functionally important part of the linguistic terminology in the Ingush language. The word combinations that serve as terms are mostly presented by attributive constructions consisting of two elements.

Key words: Ingush language, linguistic terminology, consistency, system relationships, signs of consistency.

З.Х. Киева, старший научный сотрудник отдела ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, г. Магас, E-mail: uzlipat066@mail.ru

О СИНТАКСИЧЕСКОМ СПОСОБЕ ОБРАЗОВАНИЯ ИНГУШСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Статья посвящена синтаксическому способу образования ингушских лингвистических терминов – одному из самых распространенных способов в современной лингвистической терминологии ингушского языка. На анализе фактического материала автор показывает, что синтаксический способ образования лингвистических терминов относится к числу традиционных и сохраняет свою продуктивность в современном ингушском языке. С помощью синтаксического способа образовано более 80 % лингвистических терминов ингушского языка. Ингушские лингвистические термины, образованные синтаксическим способом, являются неотъемлемой и функционально значимой составляющей лингвистической терминологии ингушского языка.

Ключевые слова: ингушский язык, лингвистическая терминология, синтаксический способ, составной термин, терминологическое сочетание.

В деривационной системе лингвистической терминологии ингушского языка наиболее продуктивным можно считать синтаксический способ образования терминологических номинаций, заключающийся в соединении двух или более слов в одну сложную терминологическую номинацию. Обращение к сложным составным понятиям происходит в тех случаях, когда односложная терминологическая единица не способна выполнять потребность в терминологической номинации. В специальной литературе отмечается широкое распространение составных терминов в терминологии разных языков, что свидетельствует о «преобладании терминологических словосочетаний (составных терминов) над однословными терминами в современной терминологии» [1, с. 135]. Простые терминологические

сочетания являются первичными вариантами сложных составных терминологических сочетаний, так как они определяют или разъясняют те или другие лингвистические понятия в соответствии с уже известными понятиями. В связи с этим С.В. Гринев-Гриневич отмечает, что «при рассмотрении тенденций развития словосочетаний в первую очередь внимание должно быть обращено на двухкомпонентные словосочетания как наиболее многочисленные и как исходные для образования более протяженных словосочетаний» [2, с. 145].

Ведущее место среди терминов-словосочетаний занимают простые атрибутивные словосочетания, состоящие из двух компонентов: *карадерзара бувзам «подчинительная связь»*,

зовне оаз «звонкий звук», кьора оаз «глухой звук», регрессивни тарадерзар «регрессивная ассимиляция» и т.д.

Сравните фразовые примеры из лингвистических источников ингушского языка: 1. **Хандеша ха** – хандеша морфологен дошхуцадалара кертерча категорех ца1 я [3, с. 102] 2. **Хандеша оттаме** сказуеме кертера дакъа санна лел **хандеша формаш**, **хандеша белгалза форма** [4, с. 29] / Составные глагольные сказуемые могут быть выражены глагольными формами: деепричастием, неопределенной формой глагола и др.

Синтаксический способ терминообразования подразделяется на два вида: 1) лексико-синтаксический способ; 2) морфолого-синтаксический способ.

Лексико-синтаксический способ терминообразования – это способ создания ингушских лингвистических терминов простым сочетанием лексических единиц без использования морфологических средств: *эрга дожар* «косвенный падеж», *нийса ма1ан* «прямое значение», *к1аьда хьарак* «мягкий знак», *мукъа оаз* «гласный звук», *шолха алапаш* «удвоенные буквы».

При образовании ингушских лингвистических терминов морфолого-синтаксическим способом одновременно со сложением слов происходит присоединение определенных аффиксов к одному (двум) из компонентов составного термина: *ло1амза форма* «несамостоятельная форма», *чоалхане предложени* «сложное предложение», *чудерзора дош* «обобщающее слово». Одна из составных частей этих лингвистических терминов несёт на себе основную семантическую нагрузку. В сфере лингвистической терминологии ингушского языка в количественном отношении преобладают разнообразные по структуре термины-словосочетания, что подтверждает общую терминологическую закономерность в этом плане. Наиболее распространенным видом составных терминов является двухкомпонентное атрибутивное словосочетание, состоящее из основного ядерного элемента, выраженного именем существительным, и атрибутивного, определяющего компонента: *мукъа оаз* «гласный звук», *мукъаза оаз* «согласный звук», *зовне оаз* «звонкий звук» и т.д.

Анализ двухкомпонентных составных терминосочетаний по языковой принадлежности позволяет классифицировать их следующим образом:

1) термины, созданные за счёт внутренних ресурсов ингушского языка: *ц1ера дожар* «именительный падеж», *дацара кеп* «отрицательная форма», *меттига лоаттам* «обстоятельство места», *хандеша цхьанкхийтта дешаш* «глагольные словосочетания». Ср.: *Цхьантайпара маъженаш* *в1ашаг1тохареи*, *в1ашаг1кьоастореи*, *в1аши духьалареи хоттаргашица ювзалу* [4, с. 23] / **Однородные члены** связываются соединительными, разделительными и противительными союзами.

2) заимствованные термины: *исторически грамматика* «историческая грамматика», *фонетически транскрипци* «фонетическая транскрипция», *сонорни фонема* «сонорная фонема». Ср.: **Морфологен парадигма** (дешай) *оал деша*, *метта юкъе мел йолча грамматикан формай* (дешаформай) *оттамах* (системах) / **Морфологическая парадигма** (слова) – совокупность грамматических форм (словформ) словоизменения данной лексической единицы.

3) термины-гибриды: *лексически ма1ан* «лексическое значение», *деепричасте корчам* «деепричастный оборот», *сказуеме оттам* «состав сказуемого», *легара система* «система склонения». Ср.: *Хоттаргаши доацаш ювзалуча чоалхане цхьанкхийттача предложешка* *интонаце предложене доакъош хоттарел сова1а*, *царна юкъера ма1ан гучадоакх*

[4, с. 50] / В **бессоюзных сложных предложениях** интонация не только связывает части сложного предложения, но и раскрывает смысл предложений.

Классификация составных лингвистических терминов с точки зрения структуры позволяет выделить термины, состоящие из различного количества компонентов. В ингушской лингвистической терминологии отмечаются составные термины, число компонентов которых отмечается от двух до шести. Наиболее распространёнными моделями двухкомпонентных терминологических словосочетаний являются: (*Суц* + *Суц*): *ц1ердеша легар* «склонение существительных», (*Прил* + *Суц*): *кертера дош* «главное слово».

Расширение структуры лингвистического термина за счёт добавления других компонентов приводит к созданию многокомпонентного термина. Исходный термин входит в образованный многокомпонентный термин, который мотивирован исходным и формально и в содержательном плане. Многокомпонентный термин укладывается в определенное понятие «термин» и отвечает основным требованиям, предъявляемым к терминам (системности, мотивированности, понятийной ориентации, лингвистической правильности, точности и др.). Такие термины появляются в лингвистической терминологии ингушского языка не в самом начале зарождения терминологии, а значительно позже, когда терминологическая система уже сформировалась, а новые открытия вызывают потребность в уточнении и модификации уже существующих.

Трёхкомпонентные словосочетания, характеризующие тесными структурно-семантическими отношениями, представлены следующими структурными моделями: (*Суц* + *Прил* + *Суц*): *ц1ердеша грамматически класс* «грамматический класс существительного»; (*Прил* + *Суц* + *Суц*): *гойтара ц1ерметтдешай легар* «склонение указательных местоимений». Образование и употребление многокомпонентных терминов вносит изменение в общее учение о термине, потому что противоречит таким общепринятым характеристикам, как краткость и удобство образования производных. Многокомпонентные термины ингушского языка различных сфер лингвистики характеризуются семантической однозначностью, что нельзя сказать о многих однословных терминах. Еще академик Д.С. Лотте указывал, что образовать точный термин легко, если не ограничивать его составных частей, но такой термин не обладает производными свойствами, что характерно для однословного термина [5, с. 154].

В лингвистической терминосфере ингушского языка широко используются составные термины, обозначающие морфологические и синтаксические номинации. Сравните фразовые примеры из лингвистических источников: 1. *Г1он кьамаьла доакъош* (*г1он дешаш*) *да: дешт1ехьенаш, хоттаргаши, дакъилгаш* / **Служебными частями речи** (служебными словами) являются: *последоги, союзы, частицы*. 2. *Гулдара таьрахьдешаша хьахьокх нах е х1амаш лоарх1ача хана гулдара ма1ан хилар* [6, с. 107] / **Собирательные числительные** обозначают как единое целое количество считаемых лиц или предметов. Части **сложносочиненного предложения** связываются между собой без союзов, каждая часть предложения может употребляться самостоятельно.

Анализ фактического материала показывает, что синтаксический способ образования лингвистических терминов относится к числу традиционных и сохраняет свою продуктивность в современном ингушском языке. С помощью синтаксического способа образовано более 80 % лингвистических терминов ингушского языка. Таким образом, ингушские лингвистические термины, образованные синтаксическим способом, являются неотъемлемой и функционально значимой составляющей лингвистической терминологии ингушского языка.

Библиографический список

1. Ахриева Р.И., Бекова П.Х., Мальсагова Л.Д., Оздоева Ф.Г., *Х1анзара г1алг1ай мотт*. Назрань, 1997.
2. Гринев-Гриневич С.В. *Терминоведение*. Москва, 2008.
3. Барахоева Н.М. *Х1анзара г1алг1ай мотт* (лоацца дошпорг-хоаттарг). Магас, 2008.
4. Оздоева Ф.Г., Кульбу М.А. *Г1алг1ай метта синтаксис* (дешара пособие). Магас, 2006.
5. Лотте Д.С. *Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов*. Москва, 1969.
6. Гандалоева А.З. *Ингушский язык: учебник для студентов 1 курса*. Магас: Сердало, 2009.

References

1. Ahrieva R.I., Bekova P.H., Mal'sagova L.D., Ozdоеva F.G., *H1anzara g1alg1aj mott*. Nazran', 1997.

2. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie*. Moskva, 2008.
3. Barahoeva N.M. *H1anzara g1alg1aj mott (loacca doshlogr-hoattarg)*. Magas, 2008.
4. Ozdoeva F.G., Kul'bu M.A. *G1alg1aj metta sintaksis (deshara posobi)*. Magas, 2006.
5. Lotte D.S. *Obrazovanie i pravopisanie treh`elementnyh nauchno-tehnicheskikh terminov*. Moskva, 1969.
6. Gandaloeva A.Z. *Ingushskij yazyk: uchebnyk dlya studentov 1 kursa*. Magas: Serdalo, 2009.

Статья поступила в редакцию 19.12.14

УДК 821.111

Kokoshnikova N.A., postgraduate, Department of Foreign Literature, Russian State Pedagogical University n.a. A.I. Gertsen (Saint-Petersburg, Russia), senior lecturer, Foreign Languages Department, Saint-Petersburg National Research University of IT, mechanics and optics (Saint-Petersburg, Russia), E-mail: natalia.amateur@mail.ru

THE ARTISTIC MEANS OF VISUALISATION OF THE VERBAL IMAGE IN THE TALE "CHARLIE AND THE CHOCOLATE FACTORY" BY ROALD DAHL. Nearly all books for children by R. Dahl are illustrated by the same artist Quentin Blake. These are stories in pictures. So called "marking verbs" precede most of the illustrations: those are visual perception verbs. The author calls them archisemes of "visual perception", that is "to be able to see". In addition, the author suggests qualifying these means as so called "visualizing nouns" that make the artist create illustrations. Roald Dahl tries to help his readers to see and feel what things are like. One way of doing this is by using metaphors. The researcher states that Dahl creates his own fairy-tale reality. The work contains consideration that children are punished as the result of naughtiness, and how the results of punishment of children are shown in the literary work under research. The description of punishment is given via body transformation in the text. The story brings up kindness without the sense of boredom and mentorship. By the opinion of the author of the paper, though the story has some cruel point, this cruelty has a positive purpose.

Key words: Roald Dahl, Quentin Blake, archisemes of "visual perception", visualizing nouns, metaphor.

Н.А. Кокошникова, аспирант каф. зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург; старший преподаватель каф. иностранных языков Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики, г. Санкт-Петербург, E-mail: natalia.amateur@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА ВИЗУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ПРОИЗВЕДЕНИИ РОАЛЬДА ДАЛЯ «ЧАРЛИ И ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА»

Работа посвящена анализу повести Р. Даля «Чарли и шоколадная фабрика» на предмет визуальности. Изучение этого аспекта проводится на двух уровнях: лексико-семантическом и поэтическом. Подробно описано и обосновано влияние метафоры на визуальность повести. Делается вывод: метафоры в повести Р. Даля не только оживляют повествование, «визуализируют» предметы, но и без прямолинейного дидактизма помогают воспитывать читателя данной повести.

Ключевые слова: Роальд Даль, Квентин Блейк, визуальность, архисемы зрительного восприятия, визуализирующие существительные, дидактика.

Роальд Даль – английский писатель норвежского происхождения, поэт и сценарист, автор романов, сказок и новелл. Его рассказы знамениты своими неожиданными концовками, а детские книги – отсутствием сентиментальности и даже чёрным юмором [1]. Между тем, при жизни Даль пользовался большим признанием. И сейчас, по статистике, каждый третий ребенок в Великобритании приобретает одну из его книг каждый год, а большинство его произведений для детей занимают верхние позиции в списках самых популярных книг в Великобритании и США [2, с. 51].

Несмотря на критику, многие сказки Даля были экранизированы: «Вилли Вонка и шоколадная фабрика» (1971) и «Чарли и шоколадная фабрика» (2005), «Гремлина» (1984), «Матильда» (1986), «Ведьмы» (1990), «Джеймс и гигантский персик» (1996). Этот список может быть продолжен, так как недавно в прессе появились заметки о том, что знаменитый американский режиссер Стивен Спилберг собирается экранизировать ещё одно произведение Роальда Даля, а именно «БДВ, или Большой и Добрый Великан» (в оригинале – «The BFG», что в тексте расшифровывается как «Big Friendly Giant»). К съёмкам планируют приступить в 2015 году. Премьера состоится в середине 2016 года [3]. Такое внимание со стороны кинематографистов нам кажется закономерным, потому что визуальность заложена в самом тексте произведений Даля.

Почти все книги Даля, написанные им для детей, проиллюстрированы одним художником – Квентином Блейком. Это истории в картинках. Все иллюстрации выполнены в одной творческой манере и являются неотъемлемой частью самого текста. Некоторые критики называют их союз сотворчеством. Они

начали работать вместе в 1976 году, и с тех пор сотрудничали до самой смерти писателя. Блейк проиллюстрировал все книги Даля, кроме «The Minpins» (1991). Художник всегда делал много набросков, которые он сначала показывал автору. Даль любил, чтобы в его книгах было много иллюстраций. Например, количество иллюстраций для «БДВ, или Большого Доброго Великана» было увеличено вдвое к концу работы над этой книгой [4].



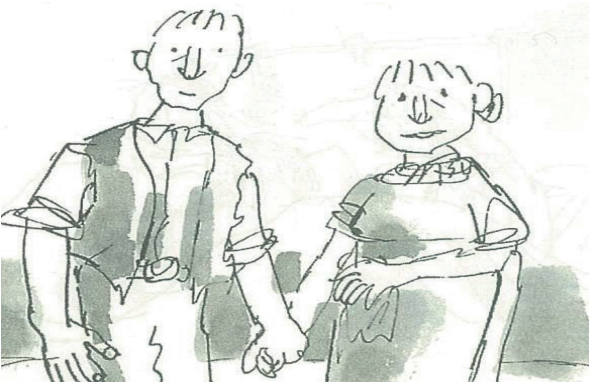

Большинство иллюстраций предваряются своеобразными «маячками»: глаголами зрительного восприятия. Эта категория глаголов выделяется в рамках компонентного анализа, при котором значение слов разлагается на его составляющие – «семы» – элементарные составляющие значения слова. Компонентный анализ показывает, как некое сложное явление можно объяснить через совокупность его компонентов, более простых и более доступных для наблюдения [5, с. 49]. Архисема (по терминологии В.Г. Гака) представляет собой категориально-лексическую сему. Архисемы являются важнейшими в организации лексического значения слова и образуют узловые пункты в классификации слов [6, с. 14]. Итак, архисема «зрительное восприятие» – обладать способностью зрения, – является определяющей для глаголов: see, look, observe, stare etc. Так мы и определяем данную архисему. Когда дети и родители, путешествуя по фабрике, попадают в самый первый цех, то Верука Солт, заметив маленьких необычных человечков, начинает кричать: «Look! Look over there!.. Down there below the waterfall! ... Everybody stopped picking buttercups and stared across the river» [7, p. 91]. Конечно, художник не мог не проиллюстрировать данный эпизод.



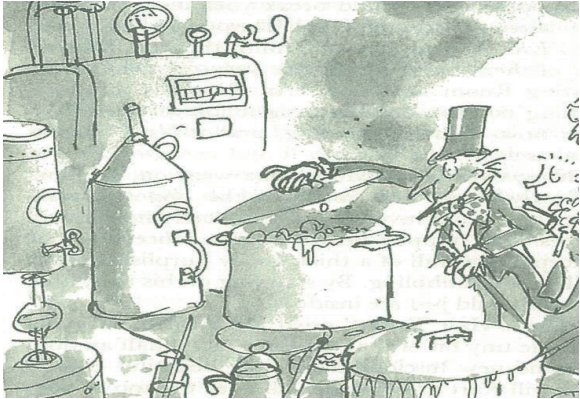
Также к сигналам, к маячкам, которые провоцируют художника на создание иллюстраций, а читателя на их ожидание мы относим «визуализирующие существительные»: photo, picture, view (фото, картинка, вид) и указательные местоимения this, that (тот, этот). Так, знакомство с остальными четырьмя детьми происходит не совсем обычно: мы узнаем о них из газетной заметки или

телевизионного репортажа. Например, о Веруке Солт, которая второй нашла золотой билет, семья Чарли узнает из газет: они не только читают заметку об этой счастливнице, но и видят её фотографию, напечатанную «в вечерней газете»: «The lucky person was a small girl called Veruca Salt... Once again Mr Bucket's evening newspaper carried a big picture of the finder» [7, p. 40].

Таблица 1.

Слова, провоцирующие создание иллюстраций

№	Charlie and the Chocolate Factory ILLUSTRATIONS	«MARKING WORDS»
1.		THESE two very old people are the father and of Mr Bucket.
2.		And THESE two very old people are father and mother of Mrs Bucket.
3.		THIS is Mr Bucket. This is Mrs Bucket.
3.		THIS is Charlie.

4.		<p>Once again Mr Bucket's evening newspaper carried a big PICTURE of the finder.</p>
5.		<p>The poor little fellow, LOOKING thin and starved , was sitting there trying to eat a bowl full mashed-up caterpillars without being sick.</p>
6.		<p>Mr Wonka himself had suddenly become even more excited than usual? And anyone could SEE that this was the room he loved best of all.</p>

Сам Квентин Блейк признавался, что «когда он читает текст, он думает, какие моменты могут быть проиллюстрированы, и как выглядят люди». Таким образом, логично предположить, что словесные указатели подсказывают ему, какой фрагмент текста может быть проиллюстрирован.

Итак, подтвердим наши догадки статистикой. В повести 180 страниц и 40 иллюстраций. Как мы и заявляли раньше, почти все иллюстрации предваряются маячками, и только несколько иллюстраций являются исключением, что в данном случае может служить исключением подтверждающим правило.

Эти маячки свидетельствуют о визуальном потенциале произведения, который провоцирует творцов визуальных искусств, находя своё воплощение в иллюстрациях и фильмах.

Исследователь творчества Р. Даля английский детский писатель и литературный критик Майкл Розен одну из причин такой популярности видит в том, что Даль был писателем крайностей – он любил писать обо всём необычном, странном, экстраординарном [8, с. 49-53]. Розен добавляет: работа писателя заключается в том, чтобы помочь читателю увидеть и почувствовать, как выглядят описываемые вещи. Один из способов добиться этого

– использовать метафоры и сравнения. А Даль еще с детства, в письмах к своей матери, которые он писал из пансиона, употреблял много метафор и сравнений, которые он придумывал сам, и все они звучали необычно, странно и забавно.

Почему же мы считаем, что метафора может являться одним из средств визуализации произведения?

Известно, что метафора (греч. *metaphora* – перенесение) вид тропа; перенос признака предмета на предмет на основе их ассоциативной связи, субъективно воспринятого сходства. Отметим, что метафора используется в художественных произведениях при описании предметов для подчеркивания их малозаметных свойств, для представления их под необычным углом зрения [9].

Очень часто определение метафоры дается через понятие образа. То, что образ оказывает влияние на все органы чувств, известно ещё с античных времен. Цицерон утверждал, что «там, где может быть подмечено сходство, а подмечено оно может быть везде, – там одним только словом, употреблённым метафорически вносится в речь яркий образ... Мысленный взор скорее обращается к зрительным образам, чем к слуховым» [10, с. 217].

«Образ становится художественным, получая определённое выражение в слове, камне музыке etc. Образность литературного произведения делает возможным его перевод на язык живописи, (например с помощью иллюстраций), театра, кино» [11, с. 67-68], тем самым он становится одним из средств визуализации художественного произведения.

Средства словесной образности, в частности, метафора, могут использоваться «ради того, чтобы предмет предстал перед нашими взорами» [10, с. 229].

Соответственно, метафора, являясь образным воплощением реальности, делает художественное произведение более визуальным.

Рассмотрим такое стилистическое явление как реализация метафоры, а также метафоры, ставшие частью сюжета, овеященные метафоры: сладкие обои, жвачка-обед, клейкие тянучки для болтливых родителей и т. д.

Начнём с анализа механизма образования реализованных метафор. А.Н. Веселовский в работах по исторической поэтике даёт общие законы образования метафор: «в древнюю пору зрительные, слуховые, обонятельные впечатления воспринимались слитно. Это закреплялось в языке – в его обиходных формулах: черная тоска, мертвая тишина и под» [12, с.52]. Подобные метафоры современные исследователи называют синкретическими языковыми. Под языковой метафорой Г.Н. Складневская понимает метафору, которая функционирует в языке как привычное явление. Исследователь добавляет, что в скреживании ощущений можно видеть интуитивное стремление разума воспринять мир синкретически. Это закрепились в языковых обиходных формулах, которые в современных исследованиях называются синкретическими языковыми метафорами: сладкий чай – сладкий голос (под языковой метафорой ученый понимает метафору, которая функционирует в языке как привычное явление) т.е. метафор, в основе которых лежит пять чувств человека, может быть бесконечное количество [12, с. 53].

Нас интересуют только так называемые вкусовые метафоры. Так, и в английском, и в русском языке очень много метафор со словами *sweet* / *sweet* в значении «хороший». Если обратить внимание на этот аспект творчества Даля, то можно заметить, что он наиболее активно использует «вкусовые метафоры», т.е. метафоры, основанные на вкусовых ощущениях. Даль активно использует такие языковые метафоры, по аналогии с ними создает свою авторскую, оригинальную метафору, даёт ей реальное воплощение в своем произведении. Таким образом, метафора оживает, «реализуется»: теперь её можно «видеть», «трогать», её можно «съесть».

fizzy lifting drinks [7, p. 133]

exploding sweet for your enemies [7, p. 151]

whipped scream [7, p. 111]

Даль строит художественную сказочную реальность на основе метафор. Сами метафоры как любое языковое явление порождены реальностью

реальность \longleftrightarrow метафора
сказочная реальность \longleftrightarrow метафора

Даль меняет обычный процесс образования метафор: он берёт метафору похожую на языковую, например, «взрывной вкус» и на её основе конструирует сказочную, художественную реальность: у конфет не просто «взрывной вкус», они действительно взрываются и могут убить своего врага.

По такому же принципу образованы и другие метафоры: они живут, сами становятся реальностью. Напитки не просто поднимают настроение, они могут поднять в воздух самого человека,

который их пробует; а сливки взбиты не от того, что их долго взбивали, а от того, что хлыстом били самих коров (в английском языке глагол *whip* имеет несколько значений, в том числе: хлестать, сечь; сбивать, взбивать – сливки, яйца) [13].

Метафоры у Даля оживают, заставляя читателя видеть необычные детали в самых заурядных вещах.

При описании второго вида метафор у Даля мы будем опираться на работы, касающиеся темы телесного в литературе. Телесный опыт, зашифрованный Далем в метафорах, становится частью сюжета. И у всех этих метафор есть одна общая черта – все они предполагают описание тела как чего-то необычного, смещаемого с привычного места, испытывающего некие изменения, т.е. тело само преобразуется, или происходит перемещение тела в непривычную для него среду [14]. Тела всех четырех невоспитанных детей претерпевают изменения: они меняются или только снаружи, или целиком (трансформация касается размеров тела или его цвета). В конце повести дети, кроме главного героя, уходят с фабрики изменившимися: Верука – испачканной помоями с ног до головы; Виолетта – синего цвета, а Майк – высоким и очень худым.

Даль не стремится к излишнему морализаторству, он только показывает нам пороки и возможные их последствия. Читатель легко может определить отношение самого автора к происходящему: его симпатии явно не на стороне этих испорченных детей. Но за этой простотой нельзя не заметить скрытого смысла, не задуматься о вечных темах: о добре и зле, справедливости.

«Метафора загадочна тем, что в ней реальность ускользает, как бы прячась от мысли. Тогда-то перед нами начинает возникать вторая, куда более глубокая и насущная роль метафоры в познании. Мы нуждаемся в ней не просто для того, чтобы, найдя имя, довести наши мысли до сведения других, – нет, она нужна нам для нас самих: без неё невозможно мыслить о некоторых особях, трудных для ума предметах. Она не только средство выражения, но и одно из основных орудий познания. Действительно, метафоры придают идеям, находящимся за порогом строгого логического осознания и формулирования, конкретную форму, тем самым позволяя их осознать» [15, с. 88]. Тем более это актуально для детской литературы.

Метафора в сказочной повести разрастается, обрастает множеством смыслов, трактовок, становится аллегорией. Москвин определяет аллегорию как незамкнутую метафору, которая извлекается из текста в виде суждения («морали») [10, с. 175]. Подобные художественные средства визуализации словесного образа приближают сказочную детскую повесть к такому аллегорическому жанру, как моралите – (фр. *moralité* или лат. *moralis* – нравственный) – дидактическое произведение на различные нравоучительные, религиозные и философские темы, имевшее распространение в 14-16 вв. в странах Западной Европы. В моралите обличались пороки, а персонажи являлись своеобразными *аллегориями*, в которых воплощались абстрактные понятия (дружба, смерть, богатство, бедность, зло и т.п.) Обычно моралите писались в стихах и были приспособлены к сценическому воплощению» [16].

Сближение с моралите служит ещё одним доказательством нашего предположения, что в самом тексте Даля заложен потенциал, требующий некоего визуального воплощения.

Таким образом, можно сделать вывод, что метафоры в повести Даля «Чарли и шоколадная фабрика» не только оживляют повествование, «визуализируют» предметы, но и без прямолинейного дидактизма помогают автору воспитывать своего читателя.

Библиографический список

1. *Roald Dahl*. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Roald_Dahl
2. Викторова Н.А. *Английская литературная сказка эпохи постмодернизма*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Казань, 2011.
3. *The Great Steven Spielberg To Direct Roald Dahl Adaptation «The BFG» For 2016 Release*. Available at: <http://screenrant.com/the-bgf-movie-dahl-spielberg/>
4. *Официальный сайт Квентина Блейка* Available at: www.quentinblake.com
5. Арнольд И.В. *Основы научных исследований в лингвистике*. Москва, 1991.
6. Гак В.Г. *Сопоставительная лексикология*. Москва, 1977.
7. Dahl, R. *Charlie and the Chocolate Factory*. London, 1995.
8. Rosen M. *Fantastic Mr Dahl*. London, 2012.
9. Метафора. *Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия*. Под ред. проф. А.П. Горкин. Москва, 2006.
10. *Античные теории языка и стиля*. Под общ. ред. О.М. Фрейденберг. Москва; Ленинград, 1936.
11. Москвин В.П. *Русская метафора: Очерк семиотической теории*. Москва, 2006.

12. Складневская Г.Н. *Метафора в системе языка*. Отв. ред. акад. Д.Н. Шмелёв. Санкт-Петербург, 1993.
13. Мюллер В.К. *Новый англо-русский словарь*. Москва, 2007.
14. Уракова А.П. *Образы и метафоры телесного в рассказах Э.А. По*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2004.
15. Маслова В.А. *Лингвокультурология*. Москва, 2001.
16. Моралите. *Словарь литературоведческих терминов*. Редакторы-составители Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. Москва, 1974.

References

1. *Roald Dahl*. Available at: <http://en.wikipedia.org/wiki/Roald_Dahl>
2. Viktorova N.A. *Anglijskaya literaturnaya skazka `epohi postmodernizma*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskiz nauk. Kazan', 2011.
3. *The Great Steven Spielberg To Direct Roald Dahl Adaptation «The BFG» For 2016 Release*. Available at: <<http://screenrant.com/the-bgf-movie-dahl-spielberg/>>
4. *Oficial'nyj sajт Kventina Blejka* Available at: www.quentinblake.com <<http://www.quentinblake.com>>
5. Arno'ld I.V. *Osnovy nauchnyh issledovanij v lingvistike*. Moskva, 1991.
6. Gak V.G. *Sopostavitel'naya leksikologiya*. Moskva, 1977.
7. Dahl, R. *Charlie and the Chocolate Factory*. London, 1995.
8. Rosen M. *Fantastic Mr Dahl*. London, 2012.
9. *Metafora. Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya `enciklopediya*. Pod red. prof. A.P. Gorkin. Moskva, 2006.
10. *Antichnye teorii yazyka i stilya*. Pod obsch. red. O.M. Frejdenberg. Moskva; Leningrad, 1936.
11. Moskvina V.P. *Russkaya metafora: Oчерk semioticheskoy teorii*. Moskva, 2006.
12. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka*. Отв. ред. акад. Д.Н. Шмелёв. Санкт-Петербург, 1993.
13. Myuller V.K. *Novyj anglo-russkij slovar'*. Moskva, 2007.
14. Urakova A.P. *Obrazy i metafory telesnogo v rasskazah `E.A. Po*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskiz nauk. Moskva, 2004.
15. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. Moskva, 2001.
16. Morallite. *Slovar' literaturovedcheskih terminov*. Redaktory-sostaviteli L.I. Timofeev i S.V. Turaev. Moskva, 1974.

Статья поступила в редакцию 22.12.14

УДК 81'33

Kulundariy V.V., postgraduate, Moscow Municipal Pedagogical University, senior teacher, English Language Department, Tuva State University (Kyzyl, Russia), E-mail: velmon@rambler.ru

EXPRESSIVENESS AND EMPHASIS OF INDUCEMENT. The article deals with the linguistic phenomenon of inducement and its main characteristics. The author aims at analyzing expressive means and emphasis in English incentive sentences. The examples of incentive sentences are extracted from the literary works of English writers such as Ch. Bronte, L. Carroll, A.C. Doyle and W. S. Maugham. They serve as the practical data for morpho-syntactical and pragmalinguistic analysis. Around ten linguistic means are found, which may contribute to expressiveness and emphasis in incentive sentences alongside with various semantic meanings (impatience, irritation, insistence etc.). According to the results of analysis, the author comes to conclusion that expressiveness and emphasis are peculiar mostly to such directive speech acts as order and command, request and plead insistent suggestion.

Key words: incentive sentences, expressiveness, emphasis, order, command, request, plead, suggestion.

В.В. Кулундарий, аспирант Московского городского педагогического университета, ст. преподаватель каф. английского языка Тувинского государственного университета, г. Кызыл, E-mail: velmon@rambler.ru

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ И ЭМФАЗА В ПОБУЖДЕНИИ

Данная статья посвящена теме побудительности как языковой категории и изучению её основных характеристик. Целью статьи является анализ английских побудительных предложений на предмет функционирования в них средств экспрессии и эмфазы. Практическим материалом послужила выборка примеров из художественных произведений англоязычных писателей Ш. Бронте, Л. Кэрролла, К. Дойла, С. Моэма. Результаты морфосинтаксического и прагматического анализа выявили около десяти языковых средств, которые вносят определенный вклад в выразительность и усиление силы побуждения, наряду с различными семантическими оттенками (нетерпение, раздраженность, настойчивость и др.). Исходя из результатов анализа, автор приходит к выводу, что экспрессивность и эмфаза более характерны для таких типов побудительных речевых актов как приказ и команда, просьба и мольба, (настойчивое) предложение.

Ключевые слова: побудительные предложения, экспрессивность, эмфаза, приказ, команда, просьба, мольба, предложение.

Проблема определения побудительности как языковой категории, её основные параметры и характеристики становились предметом исследования многих отечественных ученых (см. труды Е.И. Беляевой, Я.Н. Еремеева, А.С. Вежбицкой, А.Ю. Масловой, Н.В. Гуровой и др.), а также зарубежных лингвистов (Д. Изимхенмен, Э. Постда, Дж. Серль, Д. Вандервекен, Дж. Остин и др.). В целом, учёные сходятся в том, что термин «побудительность» означает возможность людей и других явлений реальности вызывать изменение окружающей действительности [1]. Вопрос о неоднозначности терминологии побудительности рассматривался в научной статье автора, в которой также представлен сравнительный обзор существующих терминов, обозначающих различные побудительные речевые акты в английском языке [2].

По мнению Е.С. Сагалавой, побудительность представляет часть ситуативной модальности, включающей значения возможности, необходимости и желательности [3]. Побудительные предложения воздействуют на волю адресата, предполагают его ответную реакцию, при котором говорящий, как правило, ожидает выполнения требуемого действия. В целях убеждения адресата и достижения желаемого результата при общении, говорящий прибегает кособым языковым средствам выражения побуждения в эмоциональном плане.

Помимо побудительной экспрессивной интонации, характерной для побудительных предложений, существует ряд языковых средств для передачи экспрессии и эмфазы на лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях. Структурные и лексико-семантические особенности побудительных предложений

исследованы автором на материале художественных произведений Агаты Кристи [4], в данной же работе рассматриваются средства выражения эмфазы на материале англоязычных художественных произведений Ш. Бронте, Л. Кэрролла, К. Дойла, С. Моэма.

Результаты анализа практического материала выявили, что для выражения категорического побуждения (*prescriptive*), употребляется экспрессивная структура предложения как синтаксический повтор:

1. *"Sit down, sit down, Dr. Mortimer" said Holmes* [5, с. 5].

2. *"Go back, Alice, go back!" said the Duchess* [6, с. 95].

Повтор смыслового глагола в повелительном наклонении в примерах (1) и (2) усиливает воздействие на адресата, который собирается начать или продолжить действие.

3. *"Carter—hurry!—hurry! The sun will soon rise, and I must have him off."* [7, с. 279].

4. *"Hasten! hasten!"* [7, с. 319].

В предложениях (3-4) приведены примеры лексического повтора, его основной функцией является усиление и/или нарастающие эмотивности высказывания, т.е. выражение постепенного увеличения силы эмоций. Помимо функции эмфазы лексический повтор используется для придания побуждению дополнительного оттенка нетерпения и раздраженности. В примере (5) повтор глагола в повелительном наклонении усиливает этот оттенок, который дополняется эмоционально окрашенным наречием *instantly*:

5. *"Go back! Go back to London, instantly!" said Sherlock Holmes* [5, с. 91].

Эмфатический глагол *do*, стоящий перед глаголом в повелительном наклонении усиливает выражение приказа, придавая ему более сильную окраску высказывания, выступая как особое средство эмоциональности и экспрессивности. Выражение побуждения как бы дублируется, так как передается двумя глагольными аналитическими формами: эмфатическим глаголом *do* и смысловым глаголом в побудительной форме:

6. *"Yes, you are right: do sit down"* [7, с. 120].

7. *"Do shut up!" cried Holmes* [5, с. 117].

В приведённых примерах приказ выражается категорически и имеет настойчивый характер.

Команду, как и приказ, тоже можно усилить с помощью эмфатического глагола *do*, наличие которого добавляет к приказному тону дополнительный оттенок нетерпения и раздраженности. Эмоционально-усиливающий эффект команды может достигаться также с помощью лексической единицы *just*, употребляемой непосредственно перед смысловым глаголом в повелительном наклонении:

8. *"Do hurry up, please!"* [7, с. 250].

9. *"Just give me your hand," he said: "it will not do to risk a fainting fit."* [7, с. 491].

Для выражения смягчённого побуждения (*request*) характерно наличие конечных форматов как *will you*, *won't you*. Подобные конструкции отличаются большей экспрессивностью, при этом императив переходит в категорию реквизитов (*request*).

10. *Say I'm here, will you?* [7, с. 450].

11. *Come in, won't you?* [7, с. 344].

Следует тут же отметить, что частица *just* в начале императивного предложения, в совокупности с конечным формативом *will you*, вносит смягчение в оттенок просьбы.

12. *Just come here (for) a minute, will you?* [7, с. 176].

По своей иллокутивной силе мольба интенсивнее просьбы. Основная конструкция представлена повелительным наклонением глаголов.

13. *"Have mercy! Have mercy, Aunt Reed!"* [7, с. 43].

14. *"Help! help! help!" three times rapidly* [7, с. 266].

В подобных конструкциях часто встречаются лексические повторы смыслового глагола, основной функцией которого является функция усиления, или эмфазы. В примере (14) лексический повтор используется, чтоб показать высшую степень нужды в помощи.

Эмфатическая экспрессия мольбы может быть выражена с помощью фраз *"God grant"* или *"For God's sake"*, когда говорящий призывает на помощь даже имя Бога, взывает к слушающему во имя всего святого:

15. *God grant it may be so! Here, Jane, is an arbour; sit down* [7, с. 315].

16. *For God's sake don't be ironical!* [7, с. 340].

Говоря об эмфазе, экспрессивности и дублировании побуждения, к этим средствам также следует отнести конструкции с глаголом *let*, предполагающие совместное действие:

17. *Let there be no opposition, and no discussion about it; let us agree amongst each other, and decide the point at once* [7, с. 510].

18. *"Let us go home," said Miss Wilkinson* [8, с. 142].

В состав таких конструкций также может входить эмфатическое *edo*, которое выражает настойчивое предложение, нетерпение и спешку.

19. *"Oh, Philip, do let's go there* [8, с. 484].

В побудительных предложениях, выраженных смысловыми глаголами в повелительном наклонении, нередко встречается употребление личного местоимения 2-го лица единственного числа *you*, которое несет функциональную нагрузку эмфазы или особой эмоциональной окраски (раздражение, нетерпение и т.п.). Когда общение происходит между двумя людьми, и если адресант употребляет прямое обращение к адресату, то это приводит к усилению иллокуции приказа. В данном исследовании обнаружены также побудительные предложения прескриптивно-го типа с выраженным адресатом *you*:

20. *"You shut your blasted mouth," said the Rabbit angrily* [6, с. 216].

21. *"You keep that pistol handy," cried Lestrade* [5, с. 115].

В ходе анализа были выявлены также побудительные предложения, в которых перед эмфатически выделенным местоимением *you* стоит глагол *do* в отрицательной форме (*don't*). Адресант призывает к действию, выражая нетерпение и упрек.

22. *"Don't you look away from me Barrymore," said Sir Henry sternly* [5, с. 79].

23. *"Don't you mess it up," yelled the Gryphon at the top of its voice* [6, с. 243].

Языковые средства экспрессивности и эмфазы в побудительных типах предложений представлены в нижеследующей сводной таблице.

Таблица 1

Языковые средства экспрессивности и эмфазы

№	Языковые средства экспрессивности и эмфазы в побуждении	Тип побудительных предложений
1	Местоимение <i>you</i> в роли выраженного адресата в повелительных предложениях	приказ, команда с оттенком раздражения, нетерпения
2	Эмфатический глагол <i>do</i>	приказ, команда с оттенком нетерпения и спешки, настойчивое предложение
3	Глагол <i>let</i>	настойчивое предложение о совместном действии
4	Лексический повтор	приказ, команда, мольба
5	Лексическая единица <i>instantly</i>	команда с оттенком раздражения
6	Лексическая единица <i>just</i>	команда, смягченная просьба
7	Синтаксический повтор	категоричный приказ
8	Синтаксическая конструкция с <i>"Don't you..."</i>	приказ, команда с оттенком нетерпения и упрека
9	Конечные форматы <i>will you</i> , <i>won't you</i>	смягченная просьба, мольба
10	Устойчивые фразы <i>"God grant"</i> или <i>"For God's sake"</i>	настойчивая просьба, мольба

Таким образом, экспрессивность и эмфаза в побуждении выражается не только при помощи специфической интонации, но и посредством различных лексических, грамматических средств

выражения, таких как синтаксический и/или лексический повтор, эмфатический глагол *do*, лексические единицы *instantly* и *just*, глагол *let* и др.

Библиографический список

1. Гурова Н.В. Категория побудительности и её функции в политической коммуникации. *Политическая лингвистика*. 2011; Вып. 4.
2. Кулундарий В.В. О природе побуждения и побудительности. *Мир науки, культуры, образования*. 2014; 2 [45].
3. Сагалова Е.С. *Функционально-семантическое поле побудительности в древнеанглийском языке*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Новгород, 2009.
4. Кулундарий В.В. Структурные и лексико-семантические особенности побудительных предложений в произведениях Агаты Кристи. *Тез. докл. XVI Междунар. конф., посвящ. проблемам общественных и гуманитарных наук*. Москва, 2014; Ч.1.
5. Doyle A.C. *The Hound of Baskervilles*. London, 1998
6. Bronte Ch. *Jane Eyre*. Oxford University Press, 2008.
7. Carroll L. *Alice in Wonderland*. Москва, 1979.
8. Maugham W.S. *Of human bondage*. London, 1916.
9. Беляева Е.И. *Грамматика и прагматика побуждения: английский язык*. Воронеж, 1992.
10. Еремеев Я.Н. Директивные высказывания с точки зрения диалогического подхода. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. – 2000; Вып. 2.
11. Вежицкая А.С. Речевые акты. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1985; Вып. 16.
12. Маслова А.Ю. *Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским)*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Москва, 2009.
13. Isimhenmhen D. An approach to the syntax and semantics of the imperatives in English. *School of English Literature, Language and Linguistics*. Newcastle, 1985.
14. Postdam E. Analysing the word order in the English Imperative. *Imperative Clases in Generative Grammar*. Amsterdam, 2007.
15. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986; Вып. 19.
16. Остин Дж. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986; Вып. 17.

References

1. Gurova N.V. Kategoriya pobuditel'nosti i ee funktsii v politicheskoy kommunikatsii. *Politicheskaya lingvistika*. 2011; Vyp. 4.
2. Kulundariy V.V. O prirode pobuzhdeniya i pobuditel'nosti. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014; 2 [45].
3. Sagalova E.S. *Funktsional'no-semanticheskoe pole pobuditel'nosti v drevneanglijskom yazyke*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Novgorod, 2009.
4. Kulundariy V.V. Strukturnye i leksiko-semanticheskie osobennosti pobuditel'nykh predlozhenij v proizvedeniyah Agaty Kristi. *Tez. dokl. XVI Mezhdunar. konf., posvyasch. problemam obschestvennykh i gumanitarnykh nauk*. Moskva, 2014; Ch.1.
5. Doyle A.C. *The Hound of Baskervilles*. London, 1998
6. Bronte Sh. *Jane Eyre*. Oxford University Press, 2008.
7. Carroll L. *Alice in Wonderland*. Moskva, 1979.
8. Maugham W.S. *Of human bondage*. London, 1916.
9. Belyaeva E.I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: anglijskij yazyk*. Voronezh, 1992.
10. Eremeev Ya.N. Direktivnye vyskazyvaniya s točki zreniya dialogicheskogo podhoda. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. -2000; Vyp. 2.
11. Vezhbickaya A.S. Rechevye akty. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. 1985; Vyp. 16.
12. Maslova A.Yu. *Kommunikativno-semanticheskaya kategoriya pobuditel'nosti i ee realizatsiya v slavyanskikh yazykakh (na materiale serbskogo i bolgarskogo yazykov v sopostavlenii s russkim)*. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2009.
13. Isimhenmhen D. An approach to the syntax and semantics of the imperatives in English. *School of English Literature, Language and Linguistics*. Newcastle, 1985.
14. Postdam E. Analysing the word order in the English Imperative. *Imperative Clases in Generative Grammar*. Amsterdam, 2007.
15. Serl' Dzh., Vanderveken D. Osnovnye ponyatiya ischisleniya rechevykh aktov. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. 1986; Vyp. 19.
16. Ostin Dzh. Slovo kak dejstvie. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. 1986; Vyp. 17.

Статья поступила в редакцию 29.01.15

УДК 81'33

Kulundariy V.V., postgraduate, Moscow Municipal Pedagogical University, senior teacher, English Language Department, Tuva State University (Kyzyl, Russia), E-mail: velmon@rambler.ru

INDUCEMENT FEATURES IN ENGLISH STATEMENTS AND INTERROGATIVE SENTENCES. In English inducement may be expressed by all types of sentences (imperative, narrative and interrogative). English imperatives have been extensively investigated and received the nuclear status of the functional and semantic field of inducement (E.V. Fomicheva (2009), N.I. Formanovskaya (1994)). The article deals with incentive potentials of only narrative and interrogative constructions, which usually receive less attention of researchers. The practical data for analysis is taken from English novels and stories. The results have reveal six inducement features in English statements and three types of interrogatives, which might be classified as incentive sentences. The author uses the new facts of the research to make a conclusion that they confirm the results of other studies on inducement (Smikhova, 2005; Khabirova, 2004; Petrova, 2008 and others).

Key words: *inducement, incentive sentences, narrative and interrogative constructions, prescriptives, requests, advice.*

В.В. Кулундарий, аспирант Московского городского педагогического университета, ст. преподаватель каф. английского языка Тувинского государственного университета, г. Кызыл, E-mail: velmon@rambler.ru

ПРИЗНАКИ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ У ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматривается побудительный потенциал двух коммуникативных типов предложений – повествовательного и вопросительного предложений в современном английском языке. Побудительный же потенциал повелительных предложений исследован достаточно обширно, и в научной литературе императив получил статус ядра функционально-семантического поля побудительности (Е.В. Фомичева (2009), Н.И. Формановская (1994) и др.). Практическим материалом послужили предложения, отобранные методом сплошной выборки из англоязычных художественных произведений. Результаты анализа подтвердили наличие шести побудительных признаков у повествовательных предложений и выявили три типа вопросительных предложений побудительного характера в английском языке. В заключении автор отмечает, что полученные данные в целом созвучны с результатами других исследований по побудительности (Смыкова, 2005; Хабирова, 2004; Петрова, 2008 и др.).

Ключевые слова: побудительность, побуждение, побудительные предложения, повествовательные и вопросительные конструкции, прескриптив, реквестив, адвисив.

Побуждение любого рода имеет конечной целью достижение желаемого результата, при этом не все побудительные акты приводят к положительной ответной реакции слушающего. В связи с этим, говорящий должен объективно оценивать речевую ситуацию, своих партнеров по коммуникации, чтобы своевременно отбирать наиболее эффективные языковые средства воздействия и взаимодействия с коммуникативными партнерами. Выбор тех или иных способов выражения побуждения (также как и лексических, стилистических и интонационных), во многом зависит от прагматических параметров побудительности, такие как статусно-ролевые отношения между коммуникантами, среда коммуникации (обстановка), а также тональность общения. По мнению А.С. Корж «между социальным статусом коммуниканта и его речевым поведением существует связь, которая проявляется при языковом оформлении различных вербальных действий говорящего» [1, с. 248]. Непосредственно на грамматическое оформление высказывания коммуникантов влияет тональность общения. Хотя побуждение может быть выражено в языке всеми тремя коммуникативными типами предложений, в данной статье рассматриваются повествовательные и вопросительные конструкции, побудительный потенциал которых (в отличие от повелительных конструкций) обязательно следует рассматривать с учетом вышеуказанных прагматических параметров.

Побудительная интенция может быть выражена прямым или косвенным способом (более подробно см. Е.А. Смыкова (2005), К.С. Неустров (2008), А.Ю. Маслова (2009), А.Н. Рамазанова, (2005) и др.). Языковые средства, побудительная сила которых воспринимается адресатом однозначно, представляют прямой способ выражения побуждения. Косвенный способ выражения побуждения реализуется через языковые формы, которые не имеют побудительного элемента в семантике. Под побудительным элементом понимаются побудительная интенция говорящего, компоненты прагматической ситуации побуждения.

Побудительные признаки английских повествовательных предложений

Анализ повествовательных предложений английского языка на предмет наличия в них побудительных признаков проводился на языковом материале, отобранном из художественных произведений англоязычных писателей – С. Мозма, Ш. Бронте, К. Льюиса. У повествовательных предложений наблюдается огромный функционально-семантический потенциал для выражения побудительных интенций. Повествовательное предложение, содержащее намек или побуждение адресата к выполнению действия является косвенным имплицитным способом выражения побуждения. Соблюдение принципа вежливости/ приличия определяет имплицитность самого побуждения к совершению действия адресатом, например, молодая женщина, прогуливаясь мимо витрин ювелирного магазина, восторженно вздыхает в присутствии своего поклонника:

This ring is just gorgeous!

В свете прагматической ситуации данное повествовательное предложение можно интерпретировать двояко – «подари мне это кольцо» или ещё дальше – «сделай мне предложение руки и сердца», и в том, и другом случае ощущается наличие побудительной интенции говорящего. Если бы её партнером по коммуникации был не молодой человек, а допустим, ребёнок – то, высказывание вряд ли можно расценивать как побудительное.

По своему морфосинтаксическому составу повествовательные предложения, выражающие побуждение делятся на три

подгруппы – с глагольными предикатами, с модальными предикатами, с инфинитивными конструкциями с опативными глаголами.

Как известно, повествовательные предложения с перформативными глаголами в форме *Present Simple Active, Indicative Mood* сочетании с подлежащим первого лица единственного числа *I* служат прямым эксплицитным способом выражения побуждения. Дж. Остин называет эти формы «эксплицитными перформативами» [2, с. 67]. Е.А. Смыкова в своей кандидатской диссертации, посвященной исследованию языковых средств означивания времени в директивных речевых актах, классифицировала перформативные глаголы по семантическому признаку на группы приказа, просьбы, предложения, совета, рекомендации, разрешения, запрещения, мольбы, требования, предостережения и др. [3, с. 5]. Данные семантические группы в той или иной степени подтверждены классификацией коммуникативно-семантических групп, выражающих побудительную интенцию, предложенной А.Ю. Масловой [4].

В наших примерах повествовательных предложений, выражающих побуждение, найдено шесть признаков побудительности. Далее приведены образцы побудительных повествовательных предложений с интерпретацией их побудительного значения.

1) *It is going to rain.*

Данный пример содержит сигнал к вмешательству в сложившуюся ситуацию со стороны адресата, т.е. в побудительном значении данный пример можно интерпретировать в зависимости от ситуации, как «*Let's go home!*» или «*We shouldn't go outside*», «*Put on the raincoat*», «*Take an umbrella*» и т.д.

Предложение (2) сообщает адресату, что действие, которое должно было произойти, не произошло, что равноценно императивной конструкции «*Tell us your story*»:

2) *You haven't told us your story.*

3) *While you are sitting here, your youth is passing by...*

Пример (3) содержит имплицитно выраженный призыв к адресату через отрицательный комментарий его настоящих действий, например: *Do something about it!*

Намёк на то, чтобы адресат изменил ситуацию в лучшую сторону, имеется в примере (4):

4) *You might make a little less noise. (= Stop making noise!)*

Желание авторитетного лица, чтобы выполнили какое-либо действие можно продемонстрировать с помощью примера (5):

5) *"I came on purpose to find you, Jane Eyre," said she; "I want you in my room..."*

(= Come to my room)

Указание или распоряжение по поводу чьих-либо действий в будущем, содержащее в следующем примере:

You should act tonight. (= Do what I tell you).

Таким образом, все вышеприведённые примеры являются побудительными по своему характеру, что можно подтвердить семантически равноценными императивными конструкциями.

Побудительные признаки английских вопросительных предложений

Вопросительные предложения являются косвенным эксплицитным способом выражения побуждения. В прагматической ситуации побуждения вопросительные предложения выявляют наличие или отсутствие у адресата возможностей или желания совершить действие или материальных условий, необходимых для совершения действия, к которому побуждают. Вопросительное предложение может также выражать будущие действия

Таблица 1.

Вопросительные предложения, выражающие побуждение

	Тип вопросительного предложения	Примеры	Тип побуждения
1	Общий вопрос	<i>"Will you let me have another cup?"</i>	Просьба, запрос разрешения
2	Специальный вопрос	<i>Why should he not go to the home of his father's?"</i>	Предложение с оттенком раздражения и упрека
3	Разделительный вопрос	<i>We'll change over, shall we?"</i>	Предложение совместного действия

адресата, исполнение которых выгодно для говорящего. Данные аспекты можно считать побудительными признаками вопросительного предложения.

Вопросительные побудительные предложения употребляются только для выражения реквестивов (просьба, мольба) или адвисивов (предложение, совет, приглашение и т.д.), поскольку в таких ситуациях именно адресат принимает решение о (не)совершении потенциального действия, к которому его побуждают. В подобных ситуациях, говорящий сначала выясняет вышеперечисленные аспекты в форме вопросительного высказывания. Что касается прескриптивов (приказ, команда и др.), социально-статусные отношения между коммуникантами исключают саму необходимость запрашивать у адресата вышеперечисленные аспекты для выполнения потенциального действия. Следует отметить, что в вопросительных предложениях, выражающих побуждение, модальные глаголы часто употребляются для выяснения условий успешности просьбы, по мнению Р. Конрада «возникает ситуативно обусловленная, стереотипная связь между вопросом и просьбой» [5, с. 376].

Относительно вопросительных конструкций, найдены примеры общего, специального и разделительного вопросов, выражающих просьбу, предложение и совет. Примеры вопросительных предложений, выражающих побуждение, представлены ниже.

Библиографический список

1. Корж А.С. К проблеме изучения прагматического аспекта категории обвинения. *Вестник КГПУ*. 2013; Вып. 3.
2. Остин Дж. Слово как действие. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986; Вып.12.
3. Смыкова Е.А. *Языковые средства означивания времени в директивных речевых актах (на материале современного английского языка)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2005.
4. Маслова А.Ю. *Коммуникативно-семантическая категория побудительности и её реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским)*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Санкт-Петербург, 2009.
5. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. *Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов*. 1986; Вып.17.
6. Фомичева Е.В. Средства выражения побудительности в английском языке в свете семантики и прагматики. *Современные проблемы науки и образования*. 2009; Вып. 4.
7. Формановская Н.И. Прагматика побуждения и логика языка. *Русский язык за рубежом*. 1994; Вып. 5-6.
8. Хабирова, Н.М. *Способы выражения побудительных интенций в татарском и английском языках*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Казань, 2004.
9. Петрова Е.Б. Категоризация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике. *Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2008; Вып. 3.
10. Неустров К.С. *Способы выражения побуждения и воздействия*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2008.
11. Рамазанова А.Н. *Побудительный потенциал английских пословиц*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Уфа, 2005.
12. Bronte Ch. *Jane Eyre*. Oxford University Press, 2008.
13. Carroll L. *Alice in Wonderland*. M., 1979.
14. Maugham W.S. *Of human bondage*. London, 1916.

References

1. Korzh A.S. K probleme izucheniya pragmasemanticheskogo aspekta kategorii obvineniya. *Vestnik KGPU*. 2013; Vyp. 3.
2. Ostin Dzh. Slovo kak dejstvie. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. 1986; Vyp.12.
3. Smykova E.A. *Yazykovye sredstva oznachivaniya vremeni v direktivnyh rechevyh aktah (na materiale sovremennogo anglijskogo yazyka)*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2005.
4. Maslova A.Yu. *Kommunikativno-semanticheskaya kategoriya pobuditel'nosti i ee realizaciya v slavyanskikh yazykakh (na materiale serbskogo i bolgarskogo yazykov v sopostavlenii s russkim)*. Avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2009.
5. Konrad R. Voprositel'nye predlozheniya kak kosvennye rechevye akty. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Teoriya rechevyh aktov*. 1986; Vyp.17.
6. Fomicheva E.V. Sredstva vyrazheniya pobuditel'nosti v anglijskom yazyke v svete semantiki i pragmatiki. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2009; Vyp. 4.
7. Formanovskaya N.I. Pragmatika pobuzhdeniya i logika yazyka. *Russkij yazyk za rubezhom*. 1994; Vyp. 5-6.

8. Habirova, N.M. *Sposoby vyrazheniya pobuditel'nyh intencij v tatarskom i anglijskom yazykah*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Kazan', 2004.
9. Petrova E.B. Katalogizaciya pobuditel'nyh rechevyh aktov v lingvisticheskoj pragmatike. *Vestnik VGU, seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2008; Vyp. 3.
10. Neustroev K.S. *Sposoby vyrazheniya pobuzhdeniya i vozdejstviya*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Rostov-na-Donu, 2008.
11. Ramazanova A.N. *Pobuditel'nyj potencial anglijskikh poslovic*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Ufa, 2005.
12. Bronte Sh. *Jane Eyre*. Oxford University Press, 2008.
13. Carroll L. *Alice in Wonderland*. M., 1979.
14. Maugham W.S. *Of human bondage*. London, 1916.

Статья поступила в редакцию 29.01.15

УДК 81'27; 81'42

Lutovinova O.V., Doctor of Sciences (Philology), Senior lecturer, professor of English Philology Department, Volgograd State Sociopedagogical University (Volgograd, Russia), E-mail: con_amore@mail.ru

VIRTUAL LINGUISTIC PERSONALITY: DEFINING THE NOTION. The article views a virtual linguistic personality as a new type of linguistic personality characterized by a set of peculiar features: specific values, changed attitude to time and space, a high degree of involvement into virtual activities, specific aims and strategies of communication, etc. The author analyses different existing approaches to the understanding of the notion "virtual personality" in the light of the relevance to linguistic studies of communication on the Internet and considers a virtual linguistic personality as an interlocutor of the virtual discourse, one of the possibly distinguished types of discourse on the Internet. Virtual discourse is understood here as a text involved in the situation of communication in virtual reality, a specific model of reality appearing on the base of new information technology with the help of computer and non-computer means and displaying such a mode of interlocutors' interactions as the communication of images.

Key words: discourse, virtual discourse, linguistic personality, virtual personality, virtual linguistic personality, virtual reality.

О.В. Лутовинова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград, E-mail: con_amore@mail.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Статья рассматривает виртуальную языковую личность как новый тип языковой личности, характеризующийся набором специфических черт: особыми ценностями, изменившимся отношением ко времени и пространству, высокой степенью поглощенности виртуальной деятельностью, специфическими целями и стратегиями коммуникации и т.п.. Автор анализирует различные существующие подходы к трактовке понятия «виртуальная личность» в свете актуальности для лингвистических исследований коммуникации в Интернете и рассматривает виртуальную языковую личность как участника виртуального дискурса, одного из возможных типов дискурса в рамках Интернета. Виртуальный дискурс здесь понимается как текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, особой модели реальности, возникающей на основе новых информационных технологий при помощи компьютерных и некомпьютерных средств и реализующей такой принцип взаимодействия пребывающих в ней субъектов как коммуникация образов.

Ключевые слова: дискурс, виртуальный дискурс, языковая личность, виртуальная личность, виртуальная языковая личность, виртуальная реальность

Интернет, возникший в конце прошлого века как средство передачи данных, к настоящему времени успел превратиться не только в огромное информационное поле, но и новую коммуникативную среду, позволившую выделить различные способы взаимодействия людей. В рамках социолингвистического подхода к исследованию языка, где текст, погруженный в ситуацию общения, рассматривается как дискурс [1, с. 137], это дало возможность выделить новые типы дискурса, не существовавшие ранее: компьютерный (электронный) дискурс, сетевой дискурс, интернет-дискурс, виртуальный дискурс.

Общей характеристикой всех типов дискурса, выделяемых на основе коммуникативной среды Интернета, является опосредованность общения, а отличительными признаками, частично накладывающимися друг на друга, – виртуальная коммуникативная среда (виртуальный дискурс), электронный канал общения (компьютерный/электронный дискурс), множественный режим общения (сетевой дискурс и его разновидность – интернет-дискурс).

Любой тип дискурса выделяется, прежде всего, на основе своих конститутивных признаков, то есть признаков, определяющих его сущность, те его свойства, без которых он перестал бы быть тем, что он есть, самим собой. Эти признаки основываются на постулатах речевого общения и представляют собой один из принципов нормальной человеческой коммуникации. Рассма-

тривая конститутивные признаки дискурса, прежде всего, нужно говорить об участниках общения, а уже затем об их целях, ценностях, стратегиях, используемых прецедентных (культурогенных) феноменах и жанрах речи, поскольку именно языковая личность как участник дискурса является тем ядром, вокруг которого разворачивается все «действие».

Исследуя новое коммуникативное пространство, появившееся на основе Интернета, в последние годы лингвисты все больше и больше обращаются к изучению различных характеристик участников дискурса, являющихся языковыми личностями, то есть личностями, которые существуют в языковом пространстве, пользуются вербальными знаками и представляют собой совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов) [2, с. 245]. Стараясь отразить специфические характеристики данного типа личности уже в самом ее именовании, исследователи нередко используют словосочетания «виртуальная личность» и «виртуальная языковая личность» [3; 4; 5; 6; 7 и др.]. Однако при этом многообразии исследований далеко не во всех из них уточняется, что именно понимается под виртуальной языковой личностью или под виртуальной личностью, хотя, как показывает анализ научных публикаций по проблемам языковой личности в коммуникативном пространстве Интернета, трактуются данные понятия весьма разнообразно, поскольку виртуальная личность «не является

монолитным феноменом, которому можно дать четкое определение, а покрывает множество вариантов реализации субъективности в электронной среде» [8].

В связи с этим проведем систематизацию наиболее часто встречающихся подходов к определению рассматриваемого феномена.

Во-первых, в связи с компьютерно-опосредованной коммуникацией можно говорить о предельно широком понимании виртуальной личности как любой личности, использующей Интернет в качестве средства связи [9; 10; 11 и др.]. Данный подход основывается на том, что любая коммуникация в Интернете считается виртуальной и, следовательно, любой пользователь Интернета будет являться виртуальной личностью. Нередко у отечественных исследователей синонимом виртуальной личности в данном понимании выступает метафора «человек-кликающий» [12], а у западных – «пост-человек» (*англ. post-human*) [13, с. 20]. И хотя некоторые исследователи, рассматривающие специфические особенности «человека-кликающего», говорят о его своеобразном стиле поведения, специфичном языке, собственной системе ценностей и собственной «философии» [9], на наш взгляд, выделение каких-то особенностей виртуальной личности в данном контексте, по сравнению с личностью в ситуации коммуникации в действительной реальности, является весьма спорным, поскольку такая личность предстает слишком обобщенной, вмещающей в себя как отличительные, так и сходные с неаватарной личностью характеристики.

Во-вторых, под виртуальной личностью может пониматься интернет-зависимая личность. Здесь следует отметить, что исследователи, (например, В.В. Афанасьева [14, с. 64]), говорящие о подобной виртуальной личности, не ставят эксплицитного знака равенства между виртуальной личностью и интернет-зависимым пользователем, описывая виртуальную личность в общих чертах, как человека в информационно-коммуникативном пространстве Интернета, выделяемые ими специфические характеристики виртуальной личности, среди которых присутствуют несвобода, зависимость от виртуального пространства, пренебрежение своим реальным здоровьем и т.п., позволяют сделать вывод о том, что именно интернет-зависимая личность и понимается как виртуальная. В подобном русле рассматривается личность и В.И. Выгонским, говорящим о виртуализации человеческой психики и виртуальной реальности как массовой галлюцинации. Специфической особенностью выделяемого типа личности является разрушение традиционного образа мышления, приводящее к патологическим последствиям [15]. Однако такое понимание виртуальной личности, по нашему мнению, релевантно все же для области психологии, а не лингвистики. Отметим лишь, что подобная трактовка виртуальной личности присуща не только психологам, но также и обыденному пониманию, когда нередко пользователи Интернета называют интернет-зависимых людей виртуалами, или виртуальными личностями, что также вносит свой вклад в размытие рассматриваемого понятия.

В-третьих, виртуальной личностью называют компьютерную программу, имитирующую разумное поведение [8; 16]. «Разновидности этих программ варьируют от простых скриптов, порождающих псевдоосмысленные тексты путем рекомбинации элементов, заложенных в базу данных, или выполняющих какие-то предзаданные действия и текстовых роботов разной степени сложности, способных поддерживать беседу, реагируя на вопросы собеседника (примеры: Элиза, The John Lennon Artificial Intelligence project, Гельман-2), до сложных анимированных персонажей, наделенных способностью к движению, мимикой и искусственным интеллектом» [8]. И хотя виртуальная «личность» является компьютерной программой, запускаемой либо компьютером пользователя, либо сервером, на котором располагается посещаемый им ресурс, в обыденном понимании она соотносится именно с виртуальной личностью, называемой так же ботом (сокращенное от «робот»). Несмотря на быстрый темп развития новых информационных технологий, программы, имитирующие языковые личности, все еще несовершенны. Они обладают конкретным набором типичных повторяющихся фраз, не всегда адекватно реагируют на ту или иную реплику и легко распознаются как имитирующие программы. Это обстоятельство находит отражение в назывании скучного или невпопад отвечающего собеседника ботом.

Хотя с лингвистической точки зрения данная виртуальная личность не является релевантной для исследования, подобные программы могут быть полезны как средство учета частоты

употребления того или иного слова в процессе общения на каком-то сетевом ресурсе (преимущественно в чате). Некоторые программы построены таким образом, что робот реагирует заданной фразой на определенное слово, употребленное пользователем. И на основе частотности употребляемой лексики в данном случае можно проанализировать ценностные ориентиры пользователей: что является для них наиболее актуальным, что вызывает интерес, какие проблемы их волнуют и т.д. Есть и более совершенные программы, когда робот ведет беседу с человеком, строя свои фразы на основе заложенной в него базы данных из миллионов диалогов. Находя в базе данных фразы, сходные с фразами собеседника по использованной лексике и необходимой синтаксической конструкции, робот поддерживает таким образом диалог.

Сходным образом, то есть не имеющим отношения ни к языковой личности, ни к личности вообще, рассматриваемый термин используют применительно к идентификаторам входа и выхода на тот или иной сайт, номерам кредитных карточек и т.п. Некоторые исследователи, стараясь все же отграничить подобную «личность» от действительной личности, выделяют ее как особый подтип виртуальной личности и вводят дополнительные термины для ее называния, как, например, «цифровая личность» [17]. Также в этом ключе можно говорить и о понимании под виртуальной личностью личности, погружающейся в тот тип виртуальной реальности, которая вызывается при помощи специального оборудования: шлема, очков, перчаток [18]. И хотя данная личность является личностью в полном смысле этого слова, она не представляет интереса для лингвистических исследований, так как во время пребывания в виртуальной реальности не вступает в общение с другими языковыми личностями.

В-четвертых, виртуальной личностью считают сконструированный в игровом виртуальном мире и управляемый пользователем персонаж. Исследованиями в данном направлении занимаются в основном философы и психологи, поскольку даже в ролевых многопользовательских играх возможность речевого общения между персонажами вынесена в большинстве случаев вне игрового действия. Также данное направление в изучении виртуальной личности, по нашим данным, получает большее развитие у зарубежных исследователей, чем у отечественных [19; 20; 21; 22]. В русле данного подхода ученых интересует, как предпочтения пользователей отражаются на выборе аватара. Под аватаром в данном случае понимается воплощение пользователя в представляемом и управляемом в игре образе. Как отмечает Р. Бартл, многие пользователи управляют в виртуальном мире сразу несколькими персонажами, каждый из которых служит для специальных целей [19, с. 160].

Здесь также интересен взгляд самих пользователей на взаимоотношения управляемых ими аватаров с другими аватарами. Хотя в процессе игры пользователь виртуального мира и ассоциирует себя и других с определенными аватарами, наделенными их создателями теми или иными качествами, они более четко и ясно, чем в других случаях коммуникации в Сети, отдают себе отчет в том, что реальная личность, создавшая определенный аватар, вполне может не совпадать с ним.

В-пятых, под виртуальной личностью понимают вымышленную личность, выдаваемую за реальную личность и используемую для определенных целей [16; 23, 24; 25; 26 и др.]. Среди синонимов, используемых для обозначения данного типа личности, можно отметить следующие: «виртуал» (сокращенно «вирт»), «клон», «мульти», «фейк», «фиктивная личность», «фальшивая личность», «квазиличность» и др. Количество виртуальных личностей, созданных одним человеком, может быть «настолько велико, насколько хватает времени и сил для их создания» [25].

При данном подходе к пониманию виртуальной личности исследователи рассматривают ее в терминах частичности и производности, говоря о «маске», которую осознанно надевает человек, создающий виртуальную личность. «Маска – это особый защитный механизм личности, самоконструирующаяся поведенческая стратегия, направленная на поддержание другого “Я”, вытекающая из желания создать ложное впечатление и обрести анонимность» [5, с. 106]. «Надевание маски» – желание личности экспериментировать со своей идентичностью, пробовать нечто несвойственное ей, «примерять» на себя тот способ поведения и взаимодействия с другими, которого личность не может осуществить в своей реальной жизни. Здесь «маска» выполняет компенсаторную функцию, давая личности

возможность обрести нечто желаемое, но недостижимое другими способами [5; 17; 27; 28].

Сравнивая «маску» виртуальной личности с социальной маской в ситуации реального общения, где она представляет собой «набор приличного поведения», Т.А. Бондаренко отмечает несовпадение с «маской» виртуальной, поскольку последняя «это не просто маска, это сложное образование, активно действующее в виртуальном мире. Это новая личность, которая может существенным образом отличаться от реальной личности, во многом компенсируя ее недостатки и слабости как физического, так и социально-психологического плана. У этой новой личности может быть своя внешность, голос, привычки и особенности поведения, причем не обязательно в единственном экземпляре» [29, с. 41].

Виртуальная личность создается также для поддержания реальной личности, взаимодействующей онлайн. Подобный «тактический» ход нередко используется людьми, занятыми в продвижении в Интернете своего творчества, профессиональной деятельности и т.п. В сетевом обиходе подобное творчество получает название клонотворчества. Виртуальная личность, созданная с подобной целью, обычно используется для написания хвалебных отзывов реальной личности, являющейся ее создателем, которые направлены на поднятие ее репутации, или для ведения полемики с противниками реальной личности, когда реальная личность не хочет выступать с критикой открыто, чтобы не вызвать негативной реакции в свой адрес [30].

Виртуальная личность как специально сконструированная личность также может являться и жанром сетевого творчества, представляя собой синтез понятий «персонаж» и «псевдоним» и будучи подобной «приватным фантазиям мечтателя, вынесенным на публику, то есть существует по законам художественного творчества» [8]. Имя виртуальной личности «может быть как оригинальным, так и заимствованным. В последнем случае оно может совпадать с именем исторического лица или ныне живущего человека, именем фольклорного, литературного, кинематографического и т.п. персонажа, а также с именем создателя виртуальной личности» [Там же]. Такая виртуальная личность всегда ориентирована на широкую публику, «демонстративна, часто агрессивна, активна, напориста, готова к ответу как к защите. Ее презентация проходит в условиях сетевой публикации, а последняя максимально открыта для отклика, комментария и критики. Собственно, обратная связь и является целью сообщения. И каждый текст, в результате, обрывает «нарочитостью» и пафосом» [31, с. 191]. Принимая во внимание творческий потенциал и производимые действия данной виртуальной личности, ее вполне можно рассматривать как языковую личность, исследуя с лингвистических позиций.

Проанализировав исследования виртуальной языковой личности в контексте данного подхода в отечественной и зарубежной науке, мы не можем не согласиться с Е.А. Горным, что виртуальная личность как жанр сетевого творчества «не имеет точного аналога в англоязычном Интернете <...>. В контексте западного Интернета виртуальная личность, как правило, остается более или менее приватным опытом, ограниченным рамками конкретного виртуального сообщества (многоролевой игры, форума, чата и т.п.). В русском же Интернете, особенно в его ранний период, виртуальные личности порождали формы и содержания, которые оказывались ценными для гораздо более широкой аудитории» [8]. Наиболее известными подобными виртуальными личностями Рунета являются Май Иванович Мухин, Мирза Бабаев, Иван Паравозов, Катя Деткина, Мери Шелли, Робот Дацюк, Нанияз Ашуратова. Выполняя свою функцию, определенную ее создателем, виртуальная личность прекращает свое существование: «автор либо раскрывает своё авторство, либо перестает поддерживать свои виртуальные личности. Заметим, что развиртуализация есть по сути деструкция виртуальной личности: неопределенный статус существования субъекта утрачивается; символ уплощается в знак; виртуал становится псевдонимом» [Там же].

Таким образом, трактуя виртуальную личность как вымышленный образ, как персонаж, живущий своей собственной жизнью, но «одухотворяемый» ее создателем, исследователи от-

деляют её от личности, которая, общаясь в Сети, действует от своего собственного лица, то есть ограничивают виртуальную личность от так называемой сетевой личности, являющейся той частью реальной личности, которая «формируется под воздействием виртуальной реальности и обеспечивает эффективное взаимодействие в виртуальном пространстве и психологически комфортное состояние пребывания в нем в момент виртуальной активности» [18, с. 30]. Однако такое разделение возможно только в том случае, если мы рассматриваем личность со стороны адресанта, поскольку именно ему доподлинно известно, конструирует ли он какой-либо образ для определенных целей или нет. Со стороны адресата как воспринимающего субъекта адресант будет всегда виртуален, если тот не знает его в реальной жизни.

В-шестых, виртуальная языковая личность понимается как сплав «я» личности реальной с ее сконструированным образом. С позиции адресата реальное «я» человека в виртуальном пространстве неопределимо. У участников виртуального дискурса, по словам М.Б. Бергельсон, отсутствует актуальная когнитивная модель друг друга [32], вследствие чего они никогда не могут быть полностью уверены в том, кем на самом деле являются их партнеры по коммуникации.

При данном подходе виртуальная личность предстает как условный образ реальной личности, воспринимаемый ее партнерами по коммуникации, как набор ассоциируемых с личностью характеристик [17; 23; 31; 32; 33; 34; 35]. Как отмечают в своем исследовании Г. Рива и С. Гэлимберти, здесь никто не может дать гарантии того, что партнером по коммуникации не является вымышленная личность, так же, как и не может отрицать того, что эта личность совпадает с реальной личностью отправителя сообщений [35, с. 40]. Виртуальная личность данного типа может как пользоваться вымышленным образом, так и не преследовать цели общаться от выдуманного лица, не разграничивая свою реальную личность и личность, взаимодействующую в Сети. Однако и во втором случае, стараясь предстать перед партнером по коммуникации в выгодном свете, человек акцентирует внимание на тех своих чертах характера, жизненных принципах, нравственных установках и т.п., которые, по его мнению, могут помочь ему предстать желаемым образом. Созданный образ воспринимается адресатом. И это происходит уже на основе мировоззрения и мироощущения адресата, то есть он, в свою очередь, также конструирует образ адресанта. Иными словами, виртуальные личности в русле данного подхода – личности с размытой идентичностью.

На наш взгляд, именно последний подход является наиболее релевантным для исследования языковых личностей пользователей Интернета. Однако здесь также стоит учитывать тот факт, что подобный тип личности будет характерен не для всех типов дискурса, выделяемых на основе коммуникативного пространства Сети, а только для одного из его типов – дискурса виртуального, который представляет собой текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности, выступающей как особая модель реальности, возникающей на основе новых информационных технологий при помощи компьютерной и некомпьютерной техники и реализующей такой принцип взаимодействия пребывающих в ней субъектов как коммуникация образов. Именно данный тип дискурса, а не какой-либо другой, дает возможность рассматривать того или иного участника дискурса как его условный образ, представляющий собой неразрывное соединение реальных и ассоциируемых характеристик личности.

Подводя итог, подчеркнем, что только в рамках виртуально дискурса все его участники никогда не могут быть полностью уверены в том, кем на самом деле являются их партнеры по коммуникации, поскольку реальное «я» человека в виртуальном пространстве неопределимо. Однако не все коммуникативное пространство Интернета, вызвавшее к жизни различные типы дискурса, виртуально, и именно по этой причине, рассматривая языковую личность в Интернете, термин «виртуальная языковая личность» следует применять с осторожностью, не делая синонимом вообще любой языковой личности, которая использует интернет-коммуникацию для самых разных целей и с различной степенью представленности в ней своего собственного я.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 2004.

3. Амурская О.Ю. Аспекты исследования виртуальной личности в зарубежной лингвистике. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013; 4.
4. Апажева Л.Т. Модель языковой личности субъекта виртуальной коммуникации. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2014; 16.
5. Галинская Т.Н. Местоимения «ты» и «Вы» в идиолексиконе виртуальной языковой личности. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2010; 11.
6. Гермашева Т.М. Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса. *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014; 2 (140).
7. Сергаева Ю.В. Роль виртуальной языковой личности в вербализации картины мира (на материале неологических интернет-ресурсов). *Studia Linguistica*. Санкт-Петербург, 2013; № XXII.
8. Горный Е. Виртуальная личность как жанр творчества (на материале русского Интернета). *Сетевая словесность*. 2007; 10 мая. Available at: <http://www.netslova.ru/gornyi/vl.html>
9. Ильин Ю. Жизнь виртуала. *Компьютер Online*. 2005; 13 декаб. Available at: <http://old.computerra.ru/features/243449>
10. Lucas Ch. Creating a positive Virtual persona. *Education.com. – Bringing Learning To Life*. 2010. Available at: http://www.education.com/magazine/article/Virtual_Persona
11. Razzell L. What is a "Virtual Personality"? *Weaver: Deep Social User Experience*. 2005; 08 Dec. Available at: <http://www.weaverluke.com/2005/12/what-is-virtual-personality.html>
12. Тарасенко В.В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы *Общественные науки и современность*. 2000; 5.
13. Nayar P.K. *Virtual Worlds: Culture and Politics in the Age of Cybertechnology*. New Delhi, 2004.
14. Афанасьева В.В. HomoVirtualis: психологические характеристики. *Известия Саратовского университета*. Философия. Психология. Педагогика. 2010; Т. 10, № 2.
15. Выгонский С.И. Виртуальная реальность как массовая галлюцинация. *Школа эффективных лидеров: дистанционное образование*. 2006; 27 декаб. Available at: <http://www.gilbo.ru/index.php?page=psy&art=2414>
16. Кригер Б. Виртуальная личность: мифы и реальность. *Мир будущего*. 2008; 28 янв. Available at: <http://mirbudushego.ru/ram/kriger/ch3.htm>
17. Kokswijk van J. *Digital Ego: Social and Legal Aspects of Virtual Identity*. Glasgow, 2007.
18. Бондаренко Т.А. *Виртуальная реальность в современной виртуальной ситуации*. Автореферат диссертации ... доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2007.
19. Bartle R.A. *Designing Virtual Worlds*. Boston; San Francisco, 2004.
20. Kozinets R.V. Avatar: Auto-Netnographic Research in Virtual Worlds / R.V. Kozinets, R.I. Kedzor. *Virtual Social Identity and Consumer Behaviour*. New York, 2009.
21. Peachey A., Chids M. Virtual Worlds and Identity. *Reinventing Ourselves: Contemporary Concepts of Identity in Virtual Worlds*. London, 2011.
22. Waggoner Z. *My Avatar, My Self: identity in Video Role-Playing Games*. Jefferson, 2009.
23. Грязнова Е.В. *Виртуально-информационная реальность в системе «Человек – Универсум»*. Нижний Новгород, 2006.
24. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. *Психология жителей Интернета*. Москва, 2008.
25. Donath J.S. Identity and Deception in the Virtual Community. *Communities in Cyberspace*. New York, 2002.
26. Winder D. *Being Virtual: Who You Really Are Online*. Chichester, 2008.
27. Белинская Е.П. *Идентичность личности в условиях социальных изменений*. Диссертация ... доктора психологических наук. Москва, 2006.
28. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and Identity*. Edinburgh, 2006.
29. Бондаренко Т.А. *Трансформация личности в условиях виртуальной реальности*. Ростов-на-Дону, 2006.
30. Вишня Л. Кризис сетевой души. *Новая литература: литературно-художественный журнал*. 2004; (авг.) Available at: <http://old.newlit.ru/~wischnja/001433.htm>
31. Пупышева И.Н. Языковая личность: расширение сетевых коммуникативных горизонтов. *Вестник Тюменского государственного университета*. Философия. 2012; 10.
32. Бергельсон М.Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации. *Вестник московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2002; 1.
33. Асмус Н.Г. *Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Челябинск, 2005.
34. Rannenberg K., Royer D., Deuker A. *The Future of Identity in the Information Society. Challenges and opportunities*. Berlin, 2009.
35. Riva G., Riva G., Galimberti C. Virtual Communication: Social Interaction and Identity in an Electronic Environment. *Communication through Virtual Technologies. Identity, Community and Technology in the Communication Age*. Amsterdam, 2001.

References

1. Arutyunova N.D. Diskurs. *Lingvisticheskij `enciklopedicheskij slovar`*. Moskva, 1990.
2. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. Moskva, 2004.
3. Amurskaya O.Yu. Aspekty issledovaniya virtual'noj lichnosti v zarubezhnoj lingvistike. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013; 4.
4. Apazheva L.T. Model' yazykovoj lichnosti sub`ekta virtual'noj kommunikacii. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2014; 16.
5. Galinskaya T.N. Mestoimeniya «ty» i «Vy» v idioleksikone virtual'noj yazykovoj lichnosti. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010; 11.
6. Germasheva T.M. Virtual'naya yazykovaya lichnost' v prostranstve blog-diskursa. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2014; 2 (140).
7. Sergaeva Yu.V. Rol' virtual'noj yazykovoj lichnosti v verbalizacii kartiny mira (na materiale neologicheskikh internet-resursov). *Studia Linguistica*. Sankt-Peterburg, 2013; № XXII.
8. Gornij E. Virtual'naya lichnost' kak zhanr tvorchestva (na materiale russkogo Interneta). *Setevaya slovesnost'*. 2007; 10 maya. Available at: <http://www.netslova.ru/gornyi/vl.html>
9. Il'in Yu. Zhizn' virtuala. *Komp'yuter Online*. 2005; 13 dekab. Available at: <http://old.computerra.ru/features/243449>
10. Lucas Ch. Creating a positive Virtual persona. *Education.com. – Bringing Learning To Life*. 2010. Available at: http://www.education.com/magazine/article/Virtual_Persona
11. Razzell L. What is a "Virtual Personality"? *Weaver: Deep Social User Experience*. 2005; 08 Dec. Available at: <http://www.weaverluke.com/2005/12/what-is-virtual-personality.html>
12. Tarasenko V.V. Chelovek klikayuschij: fraktal'nye metamorfozy *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2000; 5.
13. Nayar P.K. *Virtual Worlds: Culture and Politics in the Age of Cybertechnology*. New Delhi, 2004.
14. Afanas'eva V.V. HomoVirtualis: psihologicheskie harakteristiki. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika. 2010; T. 10, № 2.

15. Vygon'skij S.I. Virtual'naya real'nost' kak massovaya gallyucinaciya. *Shkola `effektivnyh liderov: distancionnoe obrazovanie*. 2006; 27 dekab. Available at: <<http://www.gilbo.ru/index.php?page=psy&art=2414>>
16. Kriger B. Virtual'naya lichnost': mify i real'nost'. *Mir buduschego*. 2008; 28 yanv. Available at: <http://mirbudushego.ru/ram/kriger/ch3.htm> <<http://mirbudushego.ru/ram/%20kriger/ch3.htm>>
17. Kokswijk van J. *Digital Ego: Social and Legal Aspects of Virtual Identity*. Glasgow, 2007.
18. Bondarenko T.A. *Virtual'naya real'nost' v sovremennoj virtual'noj situacii*. Avtoreferat dissertacii ... doktora filosofskih nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
19. Bartle R.A. *Designing Virtual Worlds*. Boston; San Francisco, 2004.
20. Kozinets R.V. Avatar: Auto-Netnographic Research in Virtual Worlds / R.V. Kozinets, R.I. Kedzor. *Virtual Social Identity and Consumer Behaviour*. New York, 2009.
21. Peachey A., Chids M. Virtual Worlds and Identity. *Reinventing Ourselves: Contemporary Concepts of Identity in Virtual Worlds*. London, 2011.
22. Waggoner Z. *My Avatar, My Self: identity in Video Role-Playing Games*. Jefferson, 2009.
23. Gryaznova E.V. *Virtual'no-informacionnaya real'nost' v sisteme «Chelovek – Universum»*. Nizhnij Novgorod, 2006.
24. Kuznecova Yu.M., Chudova N.V. *Psichologiya zhitelej Interneta*. Moskva, 2008.
25. Donath J.S. Identity and Deception in the Virtual Community. *Communities in Cyberspace*. New York, 2002.
26. Winder D. *Being Virtual: Who You Really Are Online*. Chichester, 2008.
27. Belinskaya E.P. *Identichnost' lichnosti v usloviyah social'nyh izmenenij*. Dissertaciya ... doktora psihologicheskikh nauk. Moskva, 2006.
28. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and Identity*. Edinburgh, 2006.
29. Bondarenko T.A. *Transformaciya lichnosti v usloviyah virtual'noj real'nosti*. Rostov-na-Donu, 2006.
30. Vishnya L. Krizis setevoy dushi. *Novaya literatura: literaturno-hudozhestvennyj zhurnal*. 2004; (avg.) Available at: <<http://old.newlit.ru/~wischnja/001433.htm>>
31. Pupysheva I.N. Yazykovaya lichnost': rasshirenie setevykh kommunikativnykh gorizontov. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. 2012; 10.
32. Bergel'son M.B. Yazykovye aspekty virtual'noj kommunikacii. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2002; 1.
33. Asmus N.G. *Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Chelyabinsk, 2005.
34. Rannenbergh K., Royer D., Deuker A. *The Future of Identity in the Information Society. Challenges and opportunities*. Berlin, 2009.
35. Riva G., Riva G., Galimberti C. Virtual Communication: Social Interaction and Identity in an Electronic Environment. *Communication through Virtual Technologies. Identity, Community and Technology in the Communication Age*. Amsterdam, 2001.

Статья поступила в редакцию 23.01.15

УДК 494.3

Oorzhak B.Ch., *Cand. of Sciences (Philology), senior researcher, Tuva State University (Kyzyl, Russia),*
E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

ANTECEDENT IN THE SYSTEM OF TEMPORARY REPRESENTATIONS OF TUVINIANS. In the article the author analyzes the concept of "time" with respect to the sphere of the past tense in the Tuvan language. The paper describes the grammar (tenses) and lexical means (adverbs of time) as means to represent the idea of past-time as well as the relevant values are semantically related. The grammatical temporary forms along with a simple transfer into the actions that occurred before the speech transmit information about a source (direct or indirect sources), which is known to the speaker of the action. The work shows that adverbs of time serve to mark such characteristics as temporal distance and time. Set phrases in the Tuvan language are of particular interest in the interpretation of the events of the past tense in the perception by native speakers. The author studies set phrases with the meaning of time in Tuvan, including those that are of rare use in the modern language and have particular spheres of use.

Key words: Tuvan language, linguistic picture of the world, time concepts, the concept of "time", elapsed time, temporary forms, adverbs of time, set phrases.

Б.Ч. Ооржак, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Тувинского государственного университета, г. Кызыл,
E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

ПРОШЕДШЕЕ В СИСТЕМЕ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ТУВИНЦЕВ*

В статье предпринимается попытка анализа концепта «время» относительно сферы прошедшего времени в тувинском языке. Описываются грамматические (временные формы) и лексические средства (наречия времени), репрезентирующие идею прошедшего времени, а также релевантные значения, семантически связанные с ней. Грамматические временные формы наряду с простой передачей факта действия, произошедшего до момента речи, передают информацию об источнике (прямой или косвенный источник), от которого говорящему известно о действии. Наречиями времени маркируется временная дистанция и время. Особый интерес в интерпретации восприятия событий прошедшего времени носителями тувинского языка представляют устойчивые сочетания.

*Работа выполнена в рамках проекта «Отражение пространства и времени в тувинском языке» РГНФ №140400260.

Ключевые слова: тувинский язык, языковая картина мира, временные представления, концепт «время», прошедшее время, временные формы, наречия времени, устойчивые сочетания.

В современном языкознании одним из интересных и активно исследуемых вопросов является вопрос об особенностях отражения в естественных языках концептуальных смыслов, в которых проявляется мироощущение того или иного народа, носителя языка. Утверждается, что значимые единицы того или иного языка содержат в себе концептуальные смыслы – определённую систему знаний о мире, характеризующую мировоззрение говорящего на том или ином языке народа.

Исследования в данном направлении относятся к области когнитивной лингвистики, зародившейся и активно развивавшейся в США и Европе. Что касается отечественного языкознания, такие исследования начались только в 80-90-х годах XX столетия [1; 2; 3] и в настоящее время всё более обращают на себя внимание. Исследования отечественных лингвистов пока больше касаются описания данных аспектов в русском и западных языках, в тюркологии же решение данных вопросов находятся только в

зачаточном состоянии. Так, когнитивные смыслы в тувинском языке, формирующие картину мира его носителей, ещё не являлись объектом исследований. В данной статье представлен анализ языковых смыслов, репрезентирующих концепт «время» относительно прошедшего времени в тувинском языке.

Реальное физическое время осмысливается человеком через последовательность (или однонаправленное векторное движение во времени) реальных событий: происходивших или непосредственно им пережитых в прошлом (прошедших), происходящих или непосредственно им переживаемых в настоящем (настоящих), и, наконец, предстоящих в будущем (будущих). В большинстве современных языков время репрезентируется как противопоставление прошедшего и будущего по отношению к моменту речи. Данные значения находят своё выражение в тувинском языке в системе особых грамматических форм, в синтаксических конструкциях и различных лексических средствах с темпоральной семантикой. Среди названных способов обозначения временной семантики в языке особое место занимает морфологически выраженная темпоральность – система временных форм, в которых временные значения представлены в наиболее «концентрированном виде». Временная система тувинского языка (как и большинства тюркских языков) характеризуется наличием большого количества грамматических форм. Это объясняется тем, что временные формы в тюркских языках помимо собственно временных значений, имеют дополнительные семы эвиденциальности, косвенной модальности и аспектuality – обладают комплексными значениями – и различаются сферой употребления. Наиболее богато в тувинском языке представлена система прошедшего времени. В ней обнаруживается пять форм: *ды*, *-ган*, *-чык*, *-п-тыр*, *-бышаан*.

Формы прошедшего времени актуализируют следующие значения: предшествование действия моменту речи (*далее*: *МР*); засвидетельствованность / незасвидетельствованность – был ли говорящий свидетелем или участником действия, завершенность / незавершенность действия; а также категоричность и эмоциональность высказывания говорящим о наличии факта совершения действия.

1. Значение засвидетельствованного (визуально, посредством слуха) законченного одноразового действия, предшествовавшего *МР* выражается формой на *-ды* (*-ди*, *-ду*, *-дү*; *-ты*, *-ти*, *-ту*, *-тү*). Например:

(1) *Кижилер чыгылып кел-ди*. 'Люди собрались (я это видел)'.

(2) *Эжик сокта-ды*. 'В дверь постучали (я это слышал)'.

Дополнительное значение близкой временной дистанции, присущее данной форме, контекстуально обусловлено – оно проявляется при её употреблении в диалогах. Например:

(3) *Даштыгаа бир дааш дыңна-ды-м*. *Сен дыңна-ды-ң бе?* *Ол чүү дээр сен?* 'Я слышал какой-то шум на улице. А ты слышал? Что бы это могло быть?'

2. Значение засвидетельствованного (визуально, посредством слуха) законченного одноразового действия, предшествовавшего *МР*, выражается формой на *-чык* (*-чик*, *-чук*, *-чүк*, *-жык*, *-жик*, *-жук*, *-жүк*), употребляющейся только в разговорной речи. Информация о факте действия передается говорящим эмоционально, с интонацией подчеркнутого утверждения о его наличии на основе прямого восприятия действия. Например:

(4) *Ол-дур. Өрө кылбайн көр деп чеже катап аңаа чугаала-жык мен* [4, с. 48]. 'Ну вот. Ведь я сколько раз говорила ему, чтобы не делал долго'.

3. Значение действия, начавшегося до *МР*, не завершившегося и продолжающегося в *МР*, передается формой на *-бышаан* (*-бишаан*, *-бушаан*, *-бүшаан*; *-вышаан*, *-вишаан*, *-вушаан*, *-вүшаан*; *-пышаан*; *-пишаан*, *-пушаан*, *-пүшаан*). Например:

(5) *Хар чаг-бышаан*. 'Снег всё ещё идет'.

4. Значение неожиданного обнаруженного результата, следов предшествовавшего *МР* действия передается формой на *-п-тыр* (*-ып-тыр*, *-ип-тир*, *-уп-тур*, *-үп-түр*). Например:

(6) *Үр-ле боданып чыда, удуй бер-ип-тир мен* [5, с. 64]. 'Оказалось, что я уснул, довольно долго думая лежать'.

5. Значение простого указания на факт совершения действия до *МР* передается формой на *-ган* (*-ген*; *-кан*, *-кен*). Например:

(7) *Республиканың барыын талаккы кожуунарынга 3,5 баллдыг чер шимчээшкени бол-ган*. 'В западных районах республики произошло землетрясение силой 3,5 баллов'.

Дополнительное значение результата предшествующего действия, выражаемое формой на *-ган*, связано с семантикой

глагольной основы, в частности, с глаголами, в семантике которых содержится значение результирующего действия. Например:

(8) *Күсүк кэдээ ажыл доозул-ган*. 'Осенние сельские работы завершились'.

Временные значения морфологически выраженных форм времени в предложении конкретизируются дополнительными лексическими средствами (наречиями времени), а также синтаксическим фактором – структурой предложения.

Конкретные моменты и временные отрезки в прошедшем времени выражаются наречиями времени, обозначающими временные промежутки 1) относительно *момента речи* и 2) относительно *сегодняшнего дня*. В первую группу входят наречия времени, уточняющие временную дистанцию предшествования действия от момента речи:

– Близкое предшествование, ограниченное одними сутками, обозначается наречиями *чаа* 'только что, совсем недавно', *ам чаа* 'вот только что, совсем недавно, перед моментом речи', *демин* 'недавно, незадолго до момента речи', *демин чаа* 'вот только недавно, незадолго до момента речи'. Например:

(9) *Суурдан чаа кел-ди-м*. 'Я приехала из села только что (несколько минут назад, несколько дней назад)'.

(10) *База-ла демги "улуг аал" деп черинден чоокта чаа кел-ген* [6]. 'Он недавно (несколько дней назад) приехал из того же места, называемого "большое селение"'.

(11) *Бо кончуг чорумалдарымны демин чаа чемгерип ал-ган кижилер мен* [7]. 'Я только недавно (несколько минут назад) покормила этих заедлых путников'.

– Несколько отдалённое, больше, чем на сутки, предшествование обозначается наречиями времени *чоокта* (*чаа*) 'недавно', *мындаа* (*чаа*) 'недавно, на днях', а также наречие *чаа*, другим значением которого является значение 'совсем недавно, на днях'. Например:

(12) *Чоокта чаа чүве, оон бээр чүгле ийи чыл болду ийин* [8]. 'Недавно это было, с тех пор только два года прошло'.

(13) *Ол-дур, мындаа ылап-ла ону көргөн мен* [9]. 'Это был он, недавно я, действительно, его видел'.

– Далёкое предшествование: *шагда* 'давно', *шаанда* 'давно' (букв. в его время), *шаг шаанда* (или *шаанда шаг*) 'очень давно'. Основным обозначением далекого предшествования является наречие *шагда* 'давно'. Например:

(14) *Шагда бо кыйыглап ийи чаңгыс кижилер орайтай бергенде эрттеринден коргар чер дээр чүве* [10]. 'Давно говорили, что один-два человека боялись поздно проходить через боковую сторону горы напротив реки'.

(15) *Ханды шагда мени манааш, доңа берген боор* [11]. 'Ханды, давно ожидая меня, наверное, уже замерзла'.

(16) *Шаанда шаг дег өөнгө тыртыг баглап, тудар-суйбар кадалар дилеп турар кижилер ам кайда боор* [12]. 'Сейчас нет людей, которые, как в давние времена, искали бы повитух (букв. женщин, которые привязывали ремень к стенам юрты, держали-гладили)'.

Обозначение близости/давности произошедших событий, выражаемых рассмотренными наречиями времени связано с контекстуальным фактором и субъективной оценкой говорящего. Так, например, наречие времени *чаа* 'только что, совсем недавно, на днях' (пример 9) может выражать дистанцию от очень близкого предшествования (буквально за несколько минут до момента речи) до относительно удаленного от момента речи (нескольких дней). Наречие времени *шагда* 'давно' выражает также семантически связанные с контекстом относительно давние события, обозначающие дистанцию от нескольких часов до нескольких дней / месяцев / лет.

Описание событий неопределённой давности (или очень далёкие) обозначаются наречиями *кажан шагда* (букв. в когдашнее время), *кайы шагда* (букв. в которое время), *бир шагда* (букв. в одно время), *кажан бир шагда* (букв. в когдашнее одно время), которые можно передать как 'в неопределённо далёкое время'. Приведём примеры на употребление данных наречий:

(17) *Кажан шагда туткан чүве, даштындан көөргө-ле, элендизи эртип турар чиңге кырлаң бажың...* [12]. 'Неизвестно, когда его похоронили, стоит посмотреть только снаружи, дом весь износился'.

(18) *Кайы шагда читкен, өлүг-дирин билдинмес кижини диргизеринге мээң хамаарылгам чок боор ыңар* [11]. 'Моего участия не будет в воскрешении давным-давно (в неизвестное время) исчезнувшего и неизвестного человека'.

(19) *Бир шагда ол оңгар орнунга мал-маган кажалары турганы илдең* [10]. 'Было видно, что в давние времена вместо этой ямы были загоны для скота'.

Временные наречия, обозначающие дни, месяцы, годы, столетия определяют время по отношению к сегодняшнему дню (*дүүн* 'вчера', *бурунгу хун* 'позавчера', *бурундаа хун* 'накануне позавчерашнего дня'); по отношению к текущему месяцу (*эрткен айда* 'в прошлом месяце'); по отношению к текущему году (*эрткен чылын* 'в прошлом году', *бурунгу чылын* 'позапрошлом году', *бурундаа чылын* 'в год перед позапрошлым годом'); по отношению к данному столетию (*эрткен чүс чылда* 'в прошлом веке').

Относительно дней и лет отсчёт от сегодняшнего дня и текущего года лексически выражен на три порядка назад: *дүүн* 'вчера', *бурунгу хун* 'позавчера', *бурундаа хун* 'накануне позавчерашнего дня'; *эрткен чылын* 'в прошлом году', *бурунгу чылын* 'позапрошлом году', *бурундаа чылын* 'в год перед позапрошлым годом'. По отношению к месяцам и столетиям отсчёт назад лексически выражен только на один порядок: *эрткен айда* 'в прошлом месяце', *эрткен чүс чылда* 'в прошлом веке'. Для других сроков, не входящих в указанные две системы обозначений, используется наречие с пространственно-временным значением *бурунгаар* 'вперед', имеющее широкое употребление для тех временных порядков прошедшего, которые маркируются лексически. Например:

(20) *Григорий ... ында оон бир ай бурунгаар эккелгени демир-хууң долу дагаа чуургазы ... чыдып.калганын көрүп каан* [13]. 'Григорий увидел там, что целое ведро яиц, принесённых им месяц назад, протухло'.

(21) *Чээрби чыл бурунгаар болган таварылга-дыр* [12]. 'Этот случай произошёл двадцать лет назад'.

(22) *Маңаа дөрт хун бурунгаар келдим*. 'Я приехала сюда четыре дня назад'.

Для образной передачи очень давних событий в тувинском языке используются устойчивые сочетания: *тоол шагда* 'очень давно' (букв. в сказочное время), *шагда-дүпте* или *үе-дүпте* 'очень давно' (от *шаг*, үе 'время', *дүп* 'дно').

(23) *Мээң кадайым дээрге шагда-дүпте мегечи өртем-чейден аъттанып чоруткан кижиле болгай* [14]. 'Что касается моей жены, то она давным-давно умерла (букв. уехала верхом из этого лживого мира)'.

(24) *Харын-даа үе-дүпте татар-моол эжелелиниң дугай-ында тоол чугаа-даа сагышка кирип дивес сен бе* [15]. 'В голову даже пришли сказания о татаро-могольских завоеваниях, произошедших давным-давно'.

(25) *Хамык чүве хенертен-не тоол шагда дег апарган болза... Ай, хун херелдиг алдын даңгына дижик мен...* [16]. 'Если бы всё было так, как в давние сказочные времена... Допустим, я золотая царевна, похожая на луну и солнце...'.

Таким образом, прошедшее время события в тувинском языке передаётся грамматическими временными формами, в которых концентрированно представлена идея прошедшего действия, а также лексическими средствами, уточняющими данные значения, образное представление времени в восприятии тувинцев отражается в устойчивых сочетаниях. Наиболее полно данные значения передаются комплексно в предложении, где все данные средства сочетаются для выражения временных значений прошедшего.

Языковые средства, выражающие временные представления, репрезентируют осознание носителем языка реального времени и его отношения к нему. Иначе говоря, временные значения, содержащиеся в лексемах и грамматических формах, передают особые смыслы, отражающие этническое мировосприятие, участвуют в формировании уникальной для каждого народа модели мира.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Семиотика и информатика*. Москва, 1986; Вып. 28.
2. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу. *Вопросы языкознания* 1994; 5.
3. Беседина Н.А. *Морфологически передаваемые концепты*. Москва-Тамбов- Белгород, 2006.
4. Монгуш, В. *Кадай-кыска хаан-на мен. Тываның ном үндүрер чери*. Кызыл, 1999.
5. Бады-Монге Е. *Кым улугул? Тываның ном үндүрер чери*. Кызыл, 1990.
6. Кужугет, М. *Идегел*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
7. Кенин-Лопсан М. *Чылгычының өө* Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
8. Даржай А. *Чурттаарын күзеңиңзе*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
9. Кудажи К. *Таңды кезиңи*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
10. Куулар Ш. *Баглааш*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
11. Суван Ш. *Хемчик нояны*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
12. Сурун-оол С. *Ногаан ортулук*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
13. Байсалова, З. *Сурас*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
14. Кенин-Лопсан, М. *Калчан-Шилги*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
15. Танова Е. *Азалар*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
16. Кок-оол В. *Шиилер*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>

References

1. Апресян, Yu.D. Deixis in lexis and grammar and naive model of the world. *Semiotika i informatika*. Moscow, 1986; Vyp. 28.
2. Kibrik A.A. Cognitive studies in discourse. *Voprosy yazykoznaniya* 1994; 5.
3. Besedina N.A. *Morphologically transmittable concepts*. Moscow-Tambov- Belgorod, 2006.
4. Mongush, V. *Kadaj-kyska haan-na men. Tyvanyң nom үндүрер чери*. Kyzyl, 1999.
5. Bady-Monge E. *Kym ulugul? Tyvanyң nom үндүрер чери*. Kyzyl, 1990.
6. Kuzhuget, M. *Idegel*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
7. Kenin-Lopsan M. *Chylgychyның өө* Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
8. Darzhaj A. *Churттаарын күзеңиңзе*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
9. Kudazhy K. *Taңdy kezhi*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
10. Kuular Sh. *Baglaash*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
11. Suvan Sh. *Hemchik noyany*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
12. Surun-ool S. *Nogaan ortuluk*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
13. Bajsalova, Z. *Suras*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
14. Kenin-Lopsan, M. *Kalchan-Shilgi*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
15. Tanova E. *Azalar*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>
16. Kok-ool V. *Shiiler*. Available at: <http://www.tuvancorpus.ru/proza>

Статья поступила в редакцию 28.11.14

УДК 811

Rodionova O.S., Doctor of Sciences (Philology), professor, Head of Department of German and French Languages, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Abramova N.V., Cand. of Sciences (Pedagogy), senior lecturer, Department of German and French Languages, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia), E-mail: nataklenin@mail.ru

THE SPECIFICITY OF SYLLABIC AND ACCENTUAL STRUCTURE OF WORDS IN MODERN GERMAN. The article is dedicated to the specifics of syllabic and accentual structure of words in modern German. The article deals with specific features at the level of phonemic, syllabic and accentual word. The concept of word stress is considered in two aspects: its phonetic nature and its place in the word. The features, properties, stress and accent types of words are analyzed. There are languages with a fixed stress and free stress from the perspective of place of stress in the word. A comparative analysis of scientific literature on the research problem takes an important place in the work, it helps to identify the distinctive properties of word stress in German. The trends in verbal emphasis and the trends in the nominal stress are examined. Special attention is paid to the analysis of the accumulated conceptual and experimental material, that allows to consider the formal word features in German from the point of view of the language system. The specificity of stress in Germanic languages is revealed.

Key words: modern German, word stress, syllable structure and accent type, phonetic nature, sound.

О.С. Родионова, д-р филол. наук, проф., зав. каф. немецкого и французского языков Саратовской государственной юридической академии

Н.В. Абрамова, канд. пед. наук, доц. каф. немецкого и французского языков Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, E-mail: nataklenin@mail.ru

СПЕЦИФИКА СЛОГОВОЙ И АКЦЕНТНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию специфики слоговой и акцентной структуры слов в современном немецком языке, выявлению характерных особенностей на уровне фонемной, слоговой и акцентной организации слова. Рассматривается понятие словесного ударения в двух аспектах: его фонетическая природа, его место в слове; анализируются функции, свойства ударения и акцентные типы слов. С точки зрения места ударения в слове различают языки со связанным ударением и свободным ударением. Важное место в статье занимает сравнительный анализ научной литературы по проблеме исследования, который помог выделить отличительные свойства ударения в немецком языке. Исследуются тенденции изменения глагольного ударения, тенденции изменения именного ударения. Особое внимание уделяется анализу накопленного концептуального и экспериментального материала, что позволяет рассматривать формальные характеристики слов в немецком языке с точки зрения языковой системы. Выявляется специфичность ударения в германских языках.

Ключевые слова: современный немецкий язык, словесное ударение, слоговая структура, акцентный тип, фонетическая природа, звук.

В современной лингвистической науке существуют объективные подходы, основанные на анализе накопленного концептуального и экспериментального материала, что позволяет рассматривать формальные характеристики слов в немецком языке с точки зрения языковой системы. Анализ фактов языка позволяет выделить наиболее характерные особенности на уровне фонемной, слоговой и акцентно-ритмической организации слова.

Ударение представлено определённым образом в системе языка, которая в целом существует для обеспечения речевой коммуникации.

В области ударения в языке конца XX века шли активные процессы, которые касались различных разрядов слов. Просматриваются тенденции изменения глагольного ударения, тенденции изменения именного ударения (ударение в словоформах имен существительных), процессы, связанные с активизацией употребления слов, а также процессы, связанные с освоением заимствований. Однако эти процессы не представляли кардинально новых явлений, способных в какой-то степени повлиять на сложившуюся акцентную систему. Наблюдаемые процессы обусловлены действием давно сложившихся и известных на протяжении достаточно длительного периода тенденций. Новым является более широкий охват этими тенденциями различных категорий и групп слов, активность этих тенденций [1].

Для интонирования речи принципиально значимо словесное ударение, которое обладает словоразличительной и словоразделительной функцией. Словоразличительная функция заключается в возможности различать посредством ударения как разные слова, так и разные формы одного и того же слова. Особенно эта функция проявляется там, где существуют пары лексем, в которых ударение является единственным словоразличительным признаком, например: (der) Au'gust – 'August, (der) Te'nor – (der)'Tenor. Но таких пар лексем в языках, имеющих словесное ударение, небольшое количество. Кроме того, у большинства слов при изменении ударения происходит разрушение самого слова. В немецких словах (например, Sonne или Zimmer и

т.д.) невозможен перенос ударения с первого слога на второй, поскольку в этом случае слово потеряет своё значение и будет представлять собой бессмысленные сочетания звуков.

Таким образом, словоразличительная функция проявляется в том, что ударение – это необходимый элемент для каждого слова на определенном слоге, без которого слово было бы невозможно узнать и понять его значение.

Словоразделительная функция присуща ударению обычно в тех языках, в которых оно всегда во всех словах падает на определенный слог (первый, последний, предпоследний и т. д.).

Словесное ударение в немецком языке является фонетически свободным, оно может падать на любой слог в слове, например: 'machen (на первый слог), be'stehen (на второй), unter'gehen (на третий), vergegen'wartigen (на четвертый).

Корневой слог в немецких словах часто несёт ударение; имеет ударение большинство приставок, как глагольных, так и именных, ударенны и многие суффиксы. Словесное ударение в немецком языке никогда не падает на окончание.

В немецком языке простые слова произносятся с одним ударением: 'lesen, 'morgen. Сложные слова характеризуются двумя ударениями: один элемент несёт главное ударение, объединяющее все сложное слово, другой элемент несёт второстепенное ударение. Существует также небольшая группа слов, где обнаруживаются два ударения одинаковой силы.

Если в слове два ударения, то это даёт возможность различить в сложном слове определяющий и определяемый компонент: первый несёт сильное ударение, второй – слабое, например: 'Schlaf,zimmer (комната, где спят, а не столовая и т. д.) или 'Jahr'zehnt (десятилетие, а не столетие и т. д.).

Распределение ударений в сложном слове (сильное – слабое) отличает его от словосочетания, состоящего из двух знаменательных слов, где существует два сильных ударения, например: 'Rot,käppchen и 'Rot'Front.

В некоторых сложных словах употребление соответствующего типа ударения является единственным смысловозначи-

тельным фактором. Например, слова 'stein reich (каменистый, богатый камнем) и 'stein'reich (несметно богатый) различаются тем, что в первом из них есть слабое и сильное ударение и компонент stein- имеет свое прямое лексическое значение. Во втором слове распределение ударений другое, приближающееся к словосочетанию. Описание слогового строения иноязычных слов в немецком языке обнаруживает прежде всего универсальность ряда параметров, характеризующих особенности количественного и качественного состава слогов. Распределение ударений в сложных словах находится в зависимости от количества основ в составе слова от их происхождения. Акцентуация сложных существительных, в основе которых два компонента, характеризуется следующим:

1. В определительных сложных существительных главное ударение падает на ударный слог первого компонента (основы), а второстепенное ударение – на ударный слог второй основы, например: Schreibisch, Schnellzug, Körperteil. 2. В сложных существительных, таких как Jahrtausend второстепенное ударение падает на первый компонент, а главное ударение – на ударный слог второго компонента, например: Jahrhundert. 3. В копулятивных сложных существительных обе основы несут главное ударение, например: Freundfeind, Dichterkomponist.

В сложных существительных из трёх основ может происходить сдвиг ударения, обусловленный ритмическими причинами. Так, слово Althochdeutsch, составленное из Alt+Hochdeutsch, получает обычно дополнительное ударение на слове deutsch: 'Althoch deutsch; такой же сдвиг может быть в словах 'Urgroß, vater, 'Nachmit, tag и т. д. [2].

В вопросе о словесном ударении важны два аспекта: его фонетическая природа и его место в слове.

Вопрос о фонетической природе ударения – один из сложных для науки всех языков. Обычно считается, что понятие «ударение» – относительное и что какой-то слог в слове отличается от других теми или иными присущими ему фонетическими качествами, которыми не обладают другие слог.

Фонетические средства, которые в любом языке могут характеризовать ударение, следующие: длительность, сила, качество, высота. Факторы, определяющие длительность данного речевого сегмента, разнообразны как по природе, так и по степени влияния на данный признак. Для интонационных исследований особый интерес представляет длительность гласных. Именно увеличение (реже уменьшение) длительности гласных, особенно ударных, используется в разных языках для выражения интонационных значений.

Разные звуки требуют для образования и восприятия различного времени. Так, глухие щелевые согласные почти вдвое превышают по длительности сонанты в той же позиции. Этот факт, известный под названием собственной, или внутренней длительности звука, для гласных играет сравнительно небольшую роль, хотя на материале разных языков отмечено, что гласные верхнего подъема при прочих равных условиях имеют меньшую длительность, чем гласные низкого подъема, причем различия эти находятся выше слухового порога различения.

Другой фактор, определяющий длительность гласных, – это их позиция в слове и слог. Из наиболее общих, то есть наблюдаемых в большинстве языков закономерностей, следует отметить большую длительность гласного в открытом слог, особенно в абсолютном исходе слова, и сокращение длительности гласного (по сравнению со средней) перед глухими согласными. В языках, в которых одним из фонетических средств словесного ударения является увеличение длительности гласного, позиция гласного относительно места ударения оказывается одним из наиболее мощных факторов, влияющих на длительность этого гласного. В немецком языке, где долгота гласного создает особые фонемы, противопоставляющиеся кратким, это свойство не может быть использовано как основное в ударении.

Второе отличительное свойство ударения – это сила звука, с помощью которой выделяется ударный слог. Силовое ударение является физиологическим результатом усиления мускульного напряжения, что отражается акустически на большей громкости звука. В немецком языке различают по силе три степени ударения: главное (сильноударные слоги), второстепенное (слабоударные слоги) и нулевое (безударные слоги). Каждая из этих трёх степеней имеет свою морфологическую обусловленность, в основе которой лежит принцип семантического веса морфемы. Главным ударением в простых и многих производных словах бывает отмечен корень слова, например: /Abend, Ge/sellschaft, /Dämmerung, /lustig, а в сложных словах, состоящих из несколь-

ких корней, главное ударение получает корень определяющего компонента (он, как правило, первый).

Второстепенным ударением бывает отмечен прежде всего определяемый компонент сложных слов, например: /Arbeits buch, /Friedens kämpfer, а также некоторые суффиксы, например: /Freund schaft, /Sicher heit и др.

Третье относительное свойство ударения – качество гласного, которое может быть абсолютным его признаком и состоит в том, что гласный произносится ясно и четко, что придает ему акустически особый тембровый характер. Что касается контрастирования гласных ударных и безударных слогов по качеству в немецком языке, то оно отсутствует, поскольку в этом языке нет качественной редукции гласных.

Четвертый признак ударности – высота тона, выделяющая ударный слог. Такое ударение носит название музыкального.

Немецкое ударение в основе своей динамическое. Однако оно отличается от русского: во-первых, оно сильнее, чем русское; во-вторых, в немецком языке увеличение длительности ударного слога не носит такого абсолютного характера, как в русском языке, поскольку длительность гласных в немецком языке служит фонематическим признаком. Вследствие этого в ударном слоге в немецком языке могут употребляться как долгие, так и краткие гласные. В безударном слоге и те, и другие оказываются более краткими, чем в ударном слоге. Немецкое словесное ударение характеризуется контрастированием ударных слогов с безударными в основном по силе мускульного напряжения [3].

С точки зрения места ударения в слове различают языки со связанным ударением и свободным ударением. При связанном ударении оно всегда стоит на определенном слоге слова. В языках со свободным ударением оно может находиться на любом слоге слова, хотя каждое слово имеет свой определенный ударный слог.

Немецкий язык относят чаще всего к числу языков с морфологически связанным ударением, так как ударение связано с определённой морфемой слова (с корнем, приставкой или суффиксом). При этом различная степень силы ударения дифференцирует морфемы.

Морфологическая связанность немецкого ударения выявляется также и в том, что оно неподвижно. При изменении формы слова оно не передвигается на другой слог (/Monat – /Monate). Немецкое словесное ударение сохраняется, как правило, свое место в слове также и при образовании новых слов от корня (/Kauf – /kaufen). Вследствие своей морфологической связанности и неподвижности немецкое словесное ударение подчиняется ряду правил, в основе которых лежит морфологический принцип.

На основе изучения немецкой лексики выявлено, что наиболее употребительными в немецком языке являются двусложные слова. Двусложные слова преобладают среди существительных, прилагательных и наречий – около 80%, среди глаголов наиболее часто встречаются трёх- и четырёхсложные и т.д.

Среди лексических слов французского происхождения преобладают слова из двух и трёх слогов: Turnier, elegant, galant, nobel, amusant usw. К этой же группе относится большинство слов голландского, скандинавского и русского происхождения: Samowar, Juwel, Steppe, Taiga, Glasnost, Sputnik, Datscha usw. Значительная часть лексем из английского языка также имеет в своем составе два или три слога: Export, Import, Trainer, Training, Computer, Internet, Thriller, Smoking, Handy, однако достаточное их количество являются односложными: Fan, Box, Trust и т.д. При этом односложных слов французского происхождения почти в два раза меньше: Tanz, Fond. Слова, состоящие из четырёх и более слогов, преимущественно являются заимствованиями из французского.

В целом можно отметить, что количественные характеристики иноязычных слов в отношении слоговой организации отвечают основным закономерностям литературного немецкого языка [4].

Описание качественных характеристик слоговой организации иноязычных лексем связано с выяснением фонемного состава слогов и выделением наиболее типичных сочетаний гласного с согласным в лексике.

В заимствованных словах может появляться легкий слог в любой части иноязычного слова: в абсолютном начале, в инлауте или в конце слова.

Появление легких слогов может быть вызвано различными причинами, в том числе и внешними по отношению к собственной фонетической структуре слога, например, при «озвучивании» «немого» -е как носителя конечного слова: например, Branche.

Нужно отметить, что существует значительное количество слогов с полновзвучными гласными, которые встречаются в непроизводных основах и могут располагаться как до ударного слога, так и после него: Management и т.д.

Акцентная характеристика иноязычных слов обуславливается количеством слогов и местом ударения. Акцентные типы иноязычных лексических единиц соответствуют основным акцентным типам немецкого языка, которые выступают в качестве особых структурных единиц фонетической системы языка.

Так как ударение в немецком языке свободно, то выявить все правила ударения не представляется возможным, но в некоторых частях речи можно указать тенденции к выделению ударением той или иной морфемы.

Ударение во многих иноязычных словах в немецком языке остаётся исконное. Поэтому в наиболее трудных случаях нужно обратиться к словарю происхождения. Многие иноязычные заимствования имеют ударение на суффиксе, наиболее употребительные из них приводятся в правилах.

Следующие характеристики являются значимыми при описании акцентно-ритмической организации иноязычного слова: количество, распределение главного и второстепенного ударений. Эти характеристики положены в основу выделения основных акцентных типов иноязычных слов:

Акцентный тип I [ˈ -] характеризуется одним ударением в слове, наиболее широко распространен в словах, поступивших в немецкий язык из различных языков, которые состоят из одного, двух и более слогов. Акцентный тип II [ˈ ˈ -], который встречается значительно реже, характеризуется двумя равнозначными ударениями, характерен для сложносоставных структур, в том числе оформляет сложные иноязычные слова.

Акцентный тип III [ˈ ˈ -] характеризуется первым второстепенным и вторым главным ударением, встречается в основном в сложносоставных словах французского происхождения, отличается неустойчивостью. Как правило, все лексические единицы, оформленные данным акцентным типом, имеют параллельные варианты, реализуемые на основе моделей с одним или двумя равновеликими ударениями.

Акцентный тип IV [ˈ ˈ -] характеризуется первым главным и вторым второстепенным ударением, представлен в небольшом количестве сложносоставных слов. При сопоставлении данных акцентных типов с основными моделями немецкого словесного ударения, можно выявить, что акцентная модель с одним главным ударением наиболее широко отвечает закономерностям оформления акцентно-ритмической организации лексических единиц в немецком языке.

Закрепление германского ударения на основе слова способствовало непрерывному возрастанию грамматической релевантности порядка слов. Вследствие закреплённости немецкого ударения на корневой морфеме характерным для немецкого ритмического строя является функционирование, наряду с главным, второстепенного ударения, формирующего четкую иерархию ударений в рамках многосложных структур.

В германских языках ударение есть признак единицы, которую называют ритмической группой, ударной группой, стопой, тактом и которая состоит из ударного слога плюс возможные безударные. Ритмическая группа германских языков не совпадает со словом – лексико-грамматической единицей, так как не все слова немецкого языка имеют начальное ударение. Германская ритмическая группа может включать части слов и даже слогов, поскольку первый согласный ударного слога может переходить в ближайшую ритмическую группу.

Однако никто на этом основании не отрицает существования словесного ударения в германских языках. Учитывая, что ударение, несомненно, присуще слову германского языка в слове, можно согласиться с реальностью словесного ударения в германских языках и одновременно признать функциональность ритмического членения – его коррелированность с установлением словесных границ, пусть и носящую вероятностный характер [5]. Специфичность германского ударения заключается в особом характере фонетического слова – ритмической группы в германских языках; эта единица может включать в свой состав части слов.

Библиографический список

1. Родионова О.С. Система языка – определяющий фактор просодической делимитации звучащего текста в современном немецком языке. Диссертация ... доктора филологических наук. Москва, 2001.
2. Кравченко М.Г., Зыкова М.А., Светозарова Н.Д., Братусь И.В. Ударение и интонация в немецком языке. Москва, 1973.
3. Родионова О.С. Интонация – самостоятельный уровень языковой структуры. Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007; 2.
4. Абрамова Н.В. О некоторых теоретических вопросах заимствования в немецком языке. Инновации в современной филологии и методике преподавания иностранных языков в высшей школе: перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции 9 апреля 2014 года. Саратов, 2014.
5. Родионова О.С. Универсальность и особенность компонентов интонации // Современные проблемы и тенденции развития внутренней и внешней торговли. Материалы международной научной конф. 15 – 26 апреля. Саратов, 2013.

References

1. Rodionova O.S. Sistema yazyka – opredelyayuschij faktor prosodicheskoy delimitatsii zvuchashego teksta v sovremennom nemeckom yazyke. Dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2001.
2. Kravchenko M.G., Zyкова M.A., Svetozarova N.D., Bratus' I.V. Udarenie i intonatsiya v nemeckom yazyke. Moskva, 1973.
3. Rodionova O.S. Intonatsiya – samostoyatel'nyy uroven' yazykovoy struktury. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2007; 2.
4. Abramova N.V. O nekotorykh teoreticheskikh voprosakh zaimstvovaniya v nemeckom yazyke. Innovatsii v sovremennoy filologii i metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov v vysshej shkole: perspektivy razvitiya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 9 aprelya 2014 goda. Saratov, 2014.
5. Rodionova O.S. Universal'nost' i osobennost' komponentov intonatsii // Sovremennye problemy i tendentsii razvitiya vnutrennej i vneshnej torgovli. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konf. 15 – 26 aprelya. Saratov, 2013.

Статья поступила в редакцию 06.12.14

УДК 821.161.1

Shkapa Ye.S., postgraduate, Russian State Humanities University (Moscow, Russia), E-mail: elena_shk89@mail.ru

N.S. LESKOV AS A SUCCESSOR OF DICKENS'S CHRISTMAS TRADITIONS. This article is dedicated to a topical problem of the study of the literary heritage of N. S. Leskov. The objective of the research is to prove the succession of the Christmas traditions in the analysis of short novels by Ch. Dickens and N. S. Leskov, and also to bring to light the presence of elements of a Gothic novel in the Christmas stories foreshortened of intertextuality. The comparative analysis conducted in the paper is realized on different levels

of the text: structural, thematic, narrative, figurative, motif-related. The author demonstrates that under the influence of the Christmas stories by Dickens the formation and development of Leskov's Christmas creations take place. Beginning some polemics with his English predecessor, N.S. Leskov creates his works, remarkable for their originality and literary personality.

Key words: N.S. Leskov, Ch. Dickens, Christmas, Christmas stories, Gothic tradition, gift, miracle, faith, salvation, charity.

Е.С. Шкапа, аспирант Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва,
E-mail: elena_shk89@mail.ru

Н.С. ЛЕСКОВ КАК ПРЕЕМНИК РОЖДЕСТВЕНСКИХ ТРАДИЦИЙ Ч. ДИККЕНСА

Данная работа посвящена актуальным проблемам исследования литературного наследия Н.С. Лескова. В качестве исследовательской задачи была определена попытка дать обоснование преемственности рождественской традиции при анализе рассказов Ч. Диккенса и Н.С. Лескова, а также выявить присутствие элементов готического романа в святочных рассказах в ракурсе интертекстуальности. Сравнительный анализ проведен на разных уровнях текста: структурном, тематическом, сюжетном, образном, мотивном. Автор статьи доказывает, что под влиянием рождественских повестей Ч. Диккенса происходит становление и развитие лесковского святочного творчества; вступая в некоторую полемику со своим английским предшественником, Н.С. Лесков создает свои произведения, отличающиеся своей самобытностью и писательской индивидуальностью.

Ключевые слова: Лесков, Диккенс, Рождество, святочные рассказы, готическая традиция, дар, чудо, вера, спасение, милосердие.

В последнее время литературное наследие Н.С. Лескова все чаще привлекает внимание исследователей, при этом следует отметить некоторую избирательность литературоведов к его творчеству. Многие рассказы святочного жанра писателя недостаточно изучены или вовсе остались вне поля внимания лесковедов. Вопрос о роли Диккенса в становлении лесковского святочного рассказа уже поднимался в работах исследователей. Е.М. Пульхритудова утверждает, что поэтика традиции диккенсовской рождественской повести наравне с другими составляющими определяет специфику святочного творчества Лескова [1, с. 149-185]. В работах Н.Н. Старыгиной [2, с. 113-127] прослеживается влияние Диккенса на происхождение, становление и развитие русского святочного рассказа. Отметим диссертационное исследование М.И. Бондаренко, которая справедливо замечает, что святочные произведения Лескова, как и других русских писателей (Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова), «следует рассматривать как пример взаимодействия собственно русской святочной культуры с традициями жанра, созданного Диккенсом» [3]. А.А. Новикова-Строганова подчеркивает «эстетическое воплощение христианских идей», жанровую и образную близость повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» и святочного рассказа Н.С. Лескова «Зверь», отмечая своеобразие святочной фантастики авторов [4]. М.А. Першина, рассматривая межтекстовые связи Н.С. Лескова с английской литературой, отмечает жанрообразующую роль повестей Диккенса для произведений святочного цикла Лескова через «интеркстему», особо подчеркивая «разнообразие форм присутствия прецедентного текста» [5].

Вопросы непосредственной преемственности Лескова диккенсовских рождественских традиций и поэтики готических мотивов в системе интертекстуальных связей не находят целостного и многостороннего освящения, более глубокое их изучение поможет полнее раскрыть содержание и смысл святочных произведений писателя. Обращаясь к осмыслению научной проблемы межтекстовых связей святочных рассказов Н.С. Лескова с литературным опытом Ч. Диккенса, мы делаем попытку не столько по-новому взглянуть на святочную традицию в творчестве русского писателя, сколько привлечь внимание исследователей к недостаточно изученной области лесковедения - проблеме диалогических отношений его святочных произведений с диккенсовской прозой как специфической формы интертекста в аспекте рождественских традиций и отсылок к готическим мотивам, что делает данную работу актуальной и перспективной. На святочное творчество писателя наибольшее влияние оказали первые рождественские произведения Ч. Диккенса, объединенные в цикл «Рождественские повести», поэтому именно они взяты нами для анализа; также материалом для исследования служат святочные рассказы как вошедшие в одноименный цикл Лескова, так и опубликованные отдельно.

Ч. Диккенса считают основоположником жанра рождественского рассказа в европейской литературе. Как верно отмечает исследователь А. Новикова-Строганова, «жанровый канон святочного рассказа в русской беллетристике во многом складывался под воздействием западноевропейской традиции и, в частности, под влиянием цикла Диккенса «Рождественские повести»

[4]. Н.С. Лескова по праву можно отнести к признанным авторитетам святочного рассказа в русской литературной традиции; известный советский и российский филолог Д.С. Лихачев называет Лескова «русским Диккенсом» [6, с. 15]. В своем петербургском предрождественском письме (11.12.1888 г.) известному издателю и публицисту А.С. Суворину писатель замечает: «*Форма рождественского рассказа сильно поизносилась. Она была возведена в перл в Англии Диккенсом. У нас не было хороших рождественских рассказов с Гоголя до "Запечатленного" ангела. С "Запечатленного" ангела" они опять пошли в моду и скоро испортились*» [7, с. 406].

Задуманный английским писателем цикл произведений, получивших название «Рождественские книги» (англ. «The Christmas Books»), публиковался ежегодно в конце декабря и приурочивался к рождественским праздникам. Вышедшие в 40-х годах XIX века первые пять рождественских произведений Ч. Диккенса вошли впоследствии в сборник «Рождественские повести». Единственным из русских писателей XIX века, кто также создал цикл святочных рассказов, является Н.С. Лесков.

В XIX веке в западноевропейской литературе происходит некоторая трансформация «готического канона»: если в традиционных готических романах действие происходит в эпоху средневековья, то «поздняя готика отказывается от перенесения места действия в отдаленные страны, предпочитая разворачивать события в современной и хорошо знакомой читателю действительности» [8]. Ч. Диккенс воспроизводит реальные картины реальной жизни, он пишет свои рождественские проповеди в надежде привлечь внимание к классовым противоречиям и нравственным проблемам: именно в великий праздник Рождества Спасителя происходит семейное единение людей у домашнего очага, прощение обид и примирение врагов. В его рождественских произведениях перед читателем чаще предстают не заброшенные монастыри и замки, а современный Диккенсу Лондон, реальная жизнь обычных англичан, которая оказывается не менее страшной, чем сюжет готического романа: «Диккенс <...> изображает на страницах своих книг реальный мир, улицы и трущобы Лондона, бедняков в лохмотьях и роскошные особняки богачей. Даже в самых фантастических «Рождественских рассказах», где по закону готического жанра появляются сверхъестественные существа, Духи, действие все равно происходит в Англии, а время совпадает со временем жизни писателя» [9].

Н.С. Лесковым проблема социальной несправедливости и неравенства переживалась не менее остро: в своих рассказах, приуроченных к святкам, он отражает актуальные явления в российском обществе, продолжая и развивая диккенсовские традиции реального изображения событий. Но, в отличие от Диккенса, направленность святочной прозы Лескова на изображение современных общественных тенденций, с одной стороны, и исследование этнопсихологических свойств русского человека — с другой, более очевидна. Писатель переосмысливает и расширяет границы святочного рассказа, который «может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы» [10, с. 433]. Лесков, в отличие от Диккенса, создаёт более реалистичные произведения, носившие нравучи-

тельный характер, фантастические события протекают на фоне современной действительности. Преобладающее большинство святочных рассказов писателя организовано мотивом «русского чуда» – гениального в своей простоте и, одновременно, абсурдного выхода из безвыходного положения» [11, с. 194]: «...наш самобытный русский гений, который вы отрицаете, – вовсе не вздор. Пускай там говорят, что мы и Рассея, и что у нас везде разлад да разлад, но на самом-то деле, кто умеет наблюдать явления беспристрастно, тот и в этом разладе должен усмотреть нечто чрезвычайно круговое, или, так сказать, по-вашему, «социабельное»» [10, с. 282].

Один из ведущих приёмов построения готического текста – присутствие рассказчика, который выступает как мнимый автор и ведет свое повествование от первого лица. «Функции главного повествователя у Диккенса аналогичны функциям сказочной Шахерезады: его фигура придает произведению целостность», отмечает исследователь Н.В. Ткачева [12]. Своеобразный эффект многих святочных произведений Н.С. Лескова также связан с образом рассказчика – происходит «композиционное замещение авторского слова» [13]: в «Отборном зерне», «Путешествии с нигилистом», «Обмане», «Жемчужном ожерелье», «Маленькой ошибке», «На краю света» автор выступает в роли рассказчика, начиная повествование, будучи в тесном вагоне, в семейном кругу или теплой компании; такой сюжетный ход создает атмосферу доверительности и «уютта запертой рождественской комнатки», как у Диккенса [14]. В других произведениях святочного жанра Лесков творчески преобразует «базовый» сюжет: в рассказах «Пугало», «Зверь», «Привидение в инженерном замке», «Неразменный рубль» рождественские события преломляются через призму детских воспоминаний, повествование воспринимается как результат коммуникации, как диалог между читателем и рассказчиком.

Активным элементом готических романов является *готический злодей*, играющий роль антагониста. Ч. Диккенс «персонафицированное» зло выразил через скупого Эбинизера Скруджа и чертового владельца фабрики игрушек мистера Тэкклтона; подготовленный читатель находит сходные черты у героя рождественского рассказа Лескова «Зверь», дяди, которого, по воспоминаниям рассказчика, «боялись все, а я всех более...» [10, с. 261], «он был очень богат, стар и жесток» [10, с. 260], «я в доме такого хозяина гостил неохотно и с немалым страхом» [10, с. 260]. А.А. Новикова-Строганова, желая подчеркнуть узнаваемость, сходство персонажей, ссылается на американского исследователя: «...Хью Маклейн по аналогии с диккенсовским “мистером Скруджем” остроумно назвал дядю Лескова “мистер Страх”» [4].

Местом обитания злодея в готической литературе служили обветшалый замок, таинственный дом с призраками или старая заброшенная усадьба. Дом, где проживал Скрудж, «был весьма старый <...> и весьма мрачный» [15, с. 17], а уединенная квартира передавала характер своего нелюдимого хозяина: «это была мрачная анфилада комнат, занимавшая часть невысокого угрюмого здания в глубине двора» [15, с. 17]. Описание темного двора и непогода усиливают мистическое настроение: «в черной подворотне дома клубился такой густой туман и лежал такой толстый слой инея, словно сам злой дух непогоды сидел там, погруженный в тяжелое раздумье» [15, с. 17]. В соответствии с готической традицией, «в имени дяди был огромный каменный дом, похожий на замок. Это было претенциозное, но некрасивое и даже уродливое двухэтажное здание с круглым куполом и с башнею, о которой рассказывали страшные ужасы» [10, с. 261]. Лесков перенимает манеру своего английского предшественника, используя характерный для готического романа параллелизм между образом дяди и завыванием ветра в струнах воздушной арфы: «всего ужаснее было то, что наверху этой башни, в пустом, изогнутом окне были натянуты струны, то есть была устроена так называемая «Эолова арфа». Когда ветер пробежал по струнам этого своеобразного инструмента, струны эти издавали сколько неожиданные, столько же часто странные звуки, переходившие от тихого густого рокота в беспокорные нестройные стоны и неистовый гул, как будто сквозь них пролетал целый сонм, пораженный страхом, гонимых духов» [10, с. 261].

Доминирующая идея рождественских произведений – нравственное изменение героя, «излечение» от пороков. Неожиданная для окружающих благотворительность таких мизантропов как Скрудж, Тэкклтон, является следствием сказочной трансформации персонажей, изменений в лучшую сторону, и воспринимается читателем как рождественское чудо. Архетип

рождественского чуда у Диккенса представлен «всегда в фантастическом обрамлении» [3]. М.М. Меретукова делает интересное наблюдение, что метаморфоза диккенсовского героя не имеет религиозной окраски [16] и происходит благодаря вмешательству мистических существ, сверхъестественные силы выступают как преобразующие: скряга Скрудж изменился благодаря призраку умершего компаньона и Духам Рождества, Джону Пирибинглу увидеть себя со стороны, помириться с женой и научиться ценить дом и семью помог хранитель очага Сверчок и многочисленные домашние феи.

В святочном рассказе Лескова «Зверь» показывается взаимное понимание «укротителя зверя» Фералонта и медведя Сганареля и человекоподобное поведение зверя, а одно из чудесных событий в «Звере» – милость главы семьи, который и устроил эту травлю на медведя. Увидев «человеческие» отношения между укротителем и зверем и выслушав рождественскую проповедь старого священника, дядя расплакался. Поведение человека и зверя, милость хозяина дома здесь относятся к чудесным явлениям, поскольку их невозможно рационально объяснить. Духовное преобразование в Рождество Христово происходит без вмешательства потусторонних сил, через милосердие и христианское покаяние, «ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать» [17, Лк 9:56]. Сравним описание дяди рассказчика в начале и в конце рассказа: «В характере у него преобладали злобность и неумолимость, и он об этом нимало не сожалел, а напротив, даже щеголял этими качествами, которые, по его мнению, служили будто бы выражением мужественной силы и непреклонной твердости духа» [10, с. 260]. И в конце святочного рассказа: «Вдруг что-то упало... Это была дядина палка... Её ему подали, но он до неё не коснулся: он сидел, склонясь набок, с опущенною с кресла рукою, в которой, как позабытая, лежала большая бирюза от застёжки... Но вот он уронил и её, и... её никто не спешил поднимать. Все глаза были устремлены на его лицо. Происходило удивительное: он плакал! Священник тихо раздвинул детей и, подойдя к дяде, молча благословил его рукою» [10, с. 278].

Тема даров является одной из центральных тем рождественских произведений Ч. Диккенса. В идиллическом финале герои рождественских историй Скрудж и Тэкклтон, пережив нравственное возрождение, одаривают детей, продолжая традицию волхвов, принесящих дары Младенцу. В повести Ч. Диккенса «Одержимый, или сделка с призраком», последнем произведении рождественского цикла, мистер Редлоу научился ценить человеческую память благодаря злему Призраку, своему двойнику. Он принимает в «дар» от Привидения способность забывать все плохое, все неудачи и ошибки, но добра и счастья такой дар не приносит, герой перестает чувствовать и сочувствовать. Этот «дар» также передается всем, кого встречает мистер Редлоу, множатся зло, равнодушие и раздоры, пока Ученый не начинает ценить человеческую память и отказывается от дара мнимого в пользу истинного: под рождественские напевы и гимны он понимает, что память есть Дар Божий. Н.С. Лескова ведет полемику с Диккенсом, утверждая, что дар, «который и нынче, как и “во время оно”, всякий бедняк может поднести к яслям “рожденного отрока”, смелее и достойнее, чем поднесли злато, смиру и ливан волхвы древности» [10, с. 278]: «Дар – наше сердце, исправленное поЕгоучению» [10, с. 278]; поэтому в группе святочных рассказов Лескова центральным моментом является чудо, чаще всего заключающееся в преображении человека. Мотивы, выраженные чудом внутреннего преобразования человека, перерождением, духовной смертью и воскресением, обычно входят в мотивный комплекс пасхальных рассказов. К этой группе рассказов относятся «Чертогон», «Зверь», «Жемчужное ожерелье», «Неразменный рубль», «Пугало».

В «готическом тексте» соотношение реального и фантастического строится как постоянное и не имеющее исхода колебание между двумя возможными интерпретациями событий. Читателю предоставляется право самому выбрать, считать ли случившееся плодом воображения героя, сном, фантазией, галлюцинацией и т. д. или действительно имевшими место событиями» [18]. В рассказе Лескова «Привидение в Инженерном замке» главное место действия – Михайловский замок, бывший дворец императора Павла, в котором тот был убит. Аллюзии на исторические персонажи (императоров Петра Великого, Павла Петровича) противопоставляют реальный мир прошедшим эпохам умерших царей, чьи призраки блуждают по современному Инженерному замку. Подобно диккенсовскому Скруджу, попадающему в своих снах в прошлое, настоящее и будущее, у чита-

теля создается ощущение путешествия во времени, присущее готической литературе.

На создание многоплановости, эффекта смешения действительного и фантастического, субъективного и объективного направлен другой прием готической литературной традиции – смешение действительности и сна. В рождественских повестях Диккенса в результате использования этого приема размываются границы между реальным миром и фантастическим пространством, герои в своих снах, благодаря вмешательству сверхъестественных сил, видят ту действительность, которую они по мере своих возможностей должны изменить («Рождественский гимн в прозе», «Одержимый, или сделка с призраком», «Колокола»). Смерть персонажей Диккенса во сне (Тоби Вэк, Скрудж) символизирует метаморфозу героев в действительности.

Лесков искусно использует прием такого смешения в рассказе «Неразменный рубль» – имплицитная форма присутствия текста-прецедента реализуется на уровне сюжетного варьирования. Только в финале рассказа писатель раскрывает читателю, что события с маленьким героем происходят во сне, незаметно переходящем в действительность. Сон-притча в силу своей индизабельности и поучительности позволяет читателю понять мораль рассказа: «Суэта затемняет ум» [19, с. 24]. «Слабое, тусклое блистание» [19, с. 22] от никчемных «стекловидных пуговиц» на жилетке, надетой поверх полушубка, выступает как смысловая антитеза яркому свету «неразменного рубля», коим является талант: «Неразменный рубль — по-моему, это талант, который Провидение даёт человеку при его рождении. Талант развивается и крепнет, когда человек сумеет сохранить в себе бодрость и силу на распутии четырёх дорог. <...> Неразменный рубль – это есть сила, которая может служить истине и добродетели, на пользу людям, в чём для человека с добрым сердцем и ясным умом заключается самое высшее удовольствие» [19, с. 24]. А «человек в жилетке сверх тёплого полушубка – есть суэта, потому что жилет сверх полушубка не нужен, как не нужно и то, чтобы за нами ходили и нас прославляли» [19, с. 24]. Через мудрость бабушки и слезы раскаяния происходит чудесная рождественская метаморфоза мальчика, взросление, герой понимает истинное предназначение человека: «всё, что он сделает для истинного счастья своих ближних, никогда не убавит его духовного богатства, а напротив – чем он более черпает из своей души, тем она становится богаче» [19, с. 24].

В сюжетной линии «готического» рассказа как разновидности жанра романтизма непременно кроется тайна, присутствует элемент волшебства. Диккенс в своем раннем рождественском творчестве, заимствуя мотивы и приёмы готической литературы, воздействует на читателя посредством сказочной формы, создаёт мистические образы призраков, духов и фей, используя традиции западноевропейского фольклора и народных преданий, перед читателем предстаёт призрак умершего старика Марли и посланные им Духи Рождества из «Рождественского гимна в прозе», Духи колоколов из рассказа о духах церковных часов «Колокола», добрый Призрак Сверчок и многочисленные феи из сказки о семейном счастье «Сверчок за очагом», злой Призрак-двойник Редлоу из повести-сказки «Одержимый, или сделка с призраком». Обращение писателя к народному творчеству при создании рождественских произведений не случайно: сказки имеют счастливый конец, правда и добро торжествуют, а ложь, ненависть и злоба – наказаны и побеждены.

Русские национальные особенности нашли свое отражение у Лескова. Анализируя отдельные произведения, в том числе лесковские святочные рассказы, Е.В. Душечкина делает акцент на языческой традиции и её художественном воплощении [11]. В частности, в центре внимания исследовательницы находятся важнейшие «маркёры» святочной словесности: темы гадания, игрища, ряженья и так далее – в то время как христианские, библейские мотивы, связанные с событием Рождества, упоминаются лишь при анализе лесковских рассказов «Зверь», «Пугало». Одним из наиболее характерных признаков жанра календарного рассказа является «элемент чудесного», который выполняет функцию «новеллистического пуанта» в сюжетно-композиционной структуре произведения. Очевидно не рутинное понимание Лесковым категории «чудесного»: «Предлагаемые в этой книге двенадцать рассказов написаны мною одновременно, преимущественно для новогодних номеров разных периодических изданий. Из этих рассказов только немногие имеют элемент чудесного – в смысле сверхъестественного и таинственного. В прочих причудливое или загадочное имеет свои основания не в сверхъестественном или сверхъестественном, а истекает из свойств рус-

ского духа [выделено нами – Е.Ш.] и тех общественных веяний, в которых для многих, – и в том числе для самого автора, написавшего эти рассказы, заключается значительная доля странного и удивительного» [20, с. 2]. «Сущность чуда для него [Лескова – Е.Ш.] состоит не в противоречии необыкновенного явления естественным законам природы, но в выражении «сверхъестественной причинности», входящей в глубинный порядок мира» [21, с. 184-213]. – считает И.Ю. Виноцкий.

Если ранней диккенсовской рождественской повести присуща такая традиционная композиция готических произведений как «история с привидениями» («Рождественский гимн в прозе», «Одержимый, или сделка с призраком»), то Н.С. Лесков в своем святочном творчестве, по мнению литературоведов Л.П. Гроссмана, В.Н. Гебеля, «превращается» в мистификатора жанра и разоблачителя чудесного и мистического [22; 23]. А между тем сам Лесков упоминал о своей любви к этим категориям: «Я от природы немножко суеверен и всегда с удовольствием слушаю рассказы, в которых есть хотя какое-нибудь место таинственному» [10, с. 81]. Исследуя «художественный спиритуализм» Лескова, И.Ю. Виноцкий утверждает: «Художественная стратегия Лескова заключается в том, чтобы провести читателя между двумя ошибочными, по его мнению, крайностями – рационализмом, начисто отвергающим существование сверхъестественного, и суеверным страхом (перед привидениями – в образованном сословии и нечистой силой – в простом народе)» [21, с. 184-213].

В рассказах «Дух госпожи Жанлис», «Привидение в Инженерном замке», «Путешествие с нигилистом», «Белый орёл» реализуется традиционный сюжет о нечистой силе, в роли которой выступают привидения, духи и «нигилист, да в полном своем облачении, со всеми составами и револьвер-барбосом» [10, с. 126]. Это является традиционным святочным сюжетом, в котором чудо заключается в том, что с рассветом вся нечистая сила уходит и кошмар заканчивается. Как и в рождественских повестях Диккенса («Сверчок за очагом», «Битва жизни»), согласно закону готического жанра, у Лескова находит отражение сюжетно-образующий мотив тайны, раскрытие которой происходит в финале произведения («Путешествие с нигилистом», «Привидение в Инженерном замке», «Пугало», «Обман»). В «Путешествии с нигилистом» подозрительный персонаж [он же нигилист. – Е. Ш.] оказывается прокурором судебной палаты, таким образом, пусть и не физически, но исчезает, а вот болтун дьякон действительно куда-то пропадает: «дьякона уже не было; он бесследно пропал, как нахалкиканец, даже и без свечки. Она, впрочем, была и не нужна, потому что на небе уже светало и в городе звонили к рождественской заутрене» [10, с. 132]. В «Привидении в Инженерном замке» «привидениями» оказываются живые люди, надевшие простыни с намерением испугать кадетов и прохожих, а поэтому с рассветом кадеты снимают одеяния и нечистая сила, как и в других рассказах, исчезает; другим призраком, «трупом в белом, с распущенными седыми волосами» [11, с. 123] оказывается старая вдова покойного генерала, которая прощает и благословляет кадетов. Таким образом, сверхъестественное явление получило свое объяснение вполне естественным путем.

Расширение категории чуда у писателя зачастую связывается с обходом цензуры и сатирическим подтекстом произведений. Духи все же могут появляться в земной жизни человека и вмешиваться в нее, считает Лесков-мистик. Превращения потусторонних «сущностей» в веселых и приземленных «типов» наблюдаются в «Белом орле» и «Духе госпожи Жанлис»: призрак Ивана Петровича Аквиляльбова улетает, напевая «До свиданс, до свиданс, – же але о контраданс» [10, с. 25], а дух Фелисите «отколол (да, именно отколол) в строгом салоне такую школярскую штуку, что последствия этого были исполнены глубокой трагикомедии» [10, с. 87].

Тема семьи становится центром сюжетных ситуаций рождественских историй Диккенса, считавшего семью основой английского общества; по его мнению, именно семья способна поддержать человека в трудную минуту. Писатель подчеркивает ценность семейного очага, используя в качестве художественного приема антитезу: мрачным картинам одиночества героев-мигрантов (Скруджа, Тэклтона) писатель противопоставляет сцены семейного счастья бедняков (Крэтчитов, племянника Фреда, Пирибинглов, даже бедных рудокопов).

Безусловно, рождественские сюжеты, мотивы, идеи диккенсовских повестей восходят к библейской образности. Как отмечает исследователь М.И. Бондаренко, «Диккенс, используя комплекс литературных ассоциаций, связанных с «генетической памятью» жанра, создает еще два типа героя: герой-отец и ге-

рой-дита своим появлением в рождественской повести отсылают нас к библейским и мифопоэтическим сюжетам. Образ отца приобретает в силу этого в рождественском жанре онтологический характер» [3], во главе диккенсовской семьи стоит заботливый и переживающий отец — Боб Крэтчит, Джон Пирибингл, Калеб Паммер, Тоби Вэк, доктор Джэдлер; образ ребенка в рождественских историях Диккенса семантически связан с образом Младенца-Христа. Но, «хотя Диккенс довольно часто в рождественском цикле прибегает к библейской образности через реминисценции и аллюзии, он рисует светское Рождество и в сознании своих соотечественников закрепляет сугубо светский характер его празднования», — утверждает М.И. Бондаренко [3].

Семья, благочестие, дом по Лескову также составляют опору для человека, истинную ценность, а ребенок для писателя — «...всегда "Божий посол": через него Господь наше сердце пробует...» [24, с. 241]. Дети появляются на страницах святочных рассказов, чтобы напомнить читателю о Богомладенце, являющемся символами Рождества Христова. Отметим, что в рассказах «Пугало», «Зверь», «Неразменный рубль» ребенок — это живой, думающий, активный герой в отличие от безмолвных детских персонажей Диккенса.

Во многих святочных рассказах Лескова протагонист в одиночестве противопоставлен жестокому миру, утверждая христианскую мораль и нравственность, к примеру, как дворник Селиван из «Пугала», дед Федос из «Пустоплясов» или солдат из рассказа «Человек на часах». В некоторых святочных произведениях Лесков отступает от диккенсовской рождественской традиции, от канонов святочного рассказа — не все его произведения имеют «совершенно неожиданный весёлый конец» [25, с. 466], не все «оканчиваются непременно весело» [10, с. 433]. Так, в рассказе «Пустоплясы» воспроизводится поучительная история с трагическим концом. Дед Федос справедливо призывает своих односельчан задуматься: «Вот как жили мы в Божьих в любимицах — совсем, было, мы позабылись, — хотели всё справлять свои дурости, а теперь Господь опять нас наставит на лучшее» [24, с. 241].

В святочных рассказах Н. С. Лескова выделяются ряд жанрообразующих мотивов: «готический» мотив нечистой силы генетически связан с традицией святочных рассказов, низшей народной демонологией; мотивы страдания, прощения и внутреннего преображения/воскресения восходят к библейским и пасхальным текстам; упомянутый ранее мотив «русского чуда», на наш взгляд, сложнее по своему составу. Так, с одной стороны, сюжет рождественской утопии связан с диккенсовской традицией рождественских текстов; с другой стороны, нами был отмечен и актуализируемый в каждом случае мотив спасения, который по природе своей связан с пасхальными рассказами. Однако важно отметить, что спасителем во всех случаях является человек, будь то богат или простой мужик, что в свою очередь опять «возвращает» нас на землю. Как мы заметили ранее, ориентация на

«земное» связана с праздником Рождества, свершением чуда на земле, а «небесное» традиционно ассоциируется с праздником Пасхи как подтверждение существования жизни вечной.

Подведем некоторые итоги. Используя метод сравнительного анализа на разных уровнях текста (структурном, тематическом, сюжетном, образном, мотивном), мы показываем, что под влиянием рождественских повестей Ч. Диккенса происходит становление и развитие лесковского святочного творчества. Межтекстовые связи с рождественскими произведениями английского писателя становятся неотъемлемой частью поэтики святочных рассказов Лескова, присутствуя на имплицитном уровне. Готические стилизации Лескова ассоциативно связаны с диккенсовскими рождественскими повестями, а специфическое использование им готических традиций в произведениях святочного жанра позволяет говорить об индивидуальной творческой манере писателя и особенностях авторской рецепции. В своих произведениях, вслед за Ч. Диккенсом, Лесков обращается к читателю с проповедью христианских ценностей. Жанр «святочный рассказ» в творчестве Н.С. Лескова является синкретичным и обнаруживает в себе присутствие комплекса святочных, рождественских и пасхальных мотивов в различной сочетаемости. Человек предстает всегда в критической ситуации испытания злыми силами или морального выбора. В борьбе против привидений, демонов человека спасает реальность и его вера; распространенный мотив «русского чуда» связан с представлением человека как активного субъекта, содеятеля по улучшению реальности; ключевым становится мотив духовного страдания, прощения и преображения. Пробуждение героев неотделимо от постепенного проникновения в их внутренний мир эсхатологически окрашенных переживаний и устремлений, нарастающих и концентрирующихся в рамках цикла (от первого до последнего рассказа). Рождественская утопия Диккенса претерпела изменения в святочных произведениях Лескова: привлекая в качестве прецедентного текста рождественские повести Диккенса, вступая при этом в некоторую полемику с английским предшественником, Н.С. Лесков создает святочные рассказы, отличающиеся своей самобытностью и писательской индивидуальностью, искусно сочетающие в себе готический и реалистический стили, вводит христианский мотив спасения.

В данной работе нами сделана попытка провести целостный анализ влияния и преемственности рождественских литературных традиций Ч. Диккенса применительно к святочному творчеству Н.С. Лескова, делая акцент на готические мотивы и библейскую образность в аспекте интертекстуальности, что определяет теоретическую значимость исследования. Практическое значение работы заключается в возможности использования ее материалов в процессе преподавания вузовских и школьных дисциплин, спецкурсов по истории русской литературы, а также при написании исследовательских работ по творчеству Н.С. Лескова.

Библиографический список

1. Пульхритудова Е. Творчество Н.С. Лескова и русская массовая беллетристика. В мире Лескова. Москва, 1983.
2. Старыгина Н.Н. Святочный рассказ как жанр. *Проблемы исторической поэтики*. Петрозаводск, 1992; Вып. 2.
3. Бондаренко М.И. *Традиции «Рождественских повестей» Ч. Диккенса в русском святочном рассказе 1840-1890-х годов*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Коломна, 2006.
4. Новикова-Строганова А. Гимн во славу Рождества: «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса и святочный рассказ Н.С. Лескова «Зверь». *Русская народная линия: информационно-аналитическая служба*, 22.01.2014. Available at: http://ruskline.ru/analitika/2014/01/23/gimn_vo_slavu_rozhdestva/
5. Першина М.А. *Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н.С. Лескова*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Киров, 2013.
6. Лихачев Д.С. Слово о Лескове. *Литературное наследство*. Москва, 1997; Т. 101, Кн. 1.
7. Лесков Н.С. Письмо А.С. Суворину. 11 декабря 1888 г. *Собрание сочинений*: в 11 т. Москва 1956-1958.; Т. 11.
8. Полякова А.А., Федунин О.В. Готическая традиция в прозе А.К. Толстого («Упырь»). *Новый филологический вестник*. Москва, 2006; 1. Available at: http://ifi.rsuh.ru/vestnik_2006_1_5.html
9. Черномазова М.Ю. *Традиции готической литературы в творчестве Чарльза Диккенса*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2010.
10. Лесков Н.С. *Собрание сочинений*: в 11 т. Москва, 1956-1958; Т. 7.
11. Душекина Е.В. *Русский святочный рассказ: становление жанра*. Санкт-Петербург, 1995.
12. Ткачева Н.В. *Малая проза Чарльза Диккенса: Проблема «чужого слова»*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Тамбов, 2003.
13. Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва, 1972.
14. Честертон Г.К. *Чарльз Диккенс*. Москва, 1982.
15. Диккенс Ч. Рождественский гимн в прозе. *Собрание сочинений*: в 30 т. Москва: 1957-1959.; Т. 12. Рождественские повести.
16. Меретукова М.М. Жанровая и художественная специфика «Рождественских повестей» («Christmas Tales») Ч. Диккенса и английская фольклорная традиция. *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010; №2.

17. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические в русском переводе с парал. местами. Минск, 1992.
18. Полякова А.А. Готический канон и его трансформация в русской литературе второй половины XIX века: на материале произведений А.К. Толстого, И.С. Тургенева и А.П. Чехова: Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2006.
19. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. Москва, 1989; Т. 7.
20. Лесков Н.С. Святочные рассказы. Санкт-Петербург. Москва, 1886.
21. Вилицкий И. Русские духи: Спиритуалистический сюжет романа Н.С.Лескова «На ножах» в идеологическом контексте 1860-х годов. НЛО. 2007; 87.
22. Гроссман Л.П. Н.С. Лесков: жизнь – творчество – поэтика. Москва, 1945.
23. Гебель В.Н. Н.С. Лесков: в творческой лаборатории. Москва, 1945.
24. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. Москва, 1989; Т. 11.
25. Лесков Н.С. Маланина свадьба, святочный рассказ. Литературное наследство. Москва, 1997; Т. 101, Кн. 1.

References

1. Pul'hritudova E. Tvorchestvo N.S. Leskova i russkaya massovaya belletristika. V mire Leskova. Moskva, 1983.
2. Starygina N.N. Svyatochnyy rasskaz kak zhanr. Problemy istoricheskoy po'etiki. Petrozavodsk, 1992; Vyp. 2.
3. Bondarenko M.I. Tradicii «Rozhdestvenskih povestej» Ch. Dikkensa v russkom svyatochnom rasskaze 1840-1890-h godov. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Kolomna, 2006.
4. Novikova-Stroganova A. Gimn vo slavu Rozhdestva: «Rozhdestvenskaya pesn' v proze» Ch. Dikkensa i svyatochnyy rasskaz N.S. Leskova «Zver'». Russkaya narodnaya liniya: informacionno-analiticheskaya sluzhba, 22.01.2014. Available at: <http://ruskline.ru/analitika/2014/01/23/gimn_vo_slavu_rozhdestva/>
5. Pershina M.A. Angloyazychnaya literatura kak tekst-precedent v proizvedeniyah N.S. Leskova. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Kirov, 2013.
6. Lihachev D.S. Slovo o Leskove. Literaturnoe nasledstvo. Moskva, 1997; T. 101, Kn. 1.
7. Leskov N.S. Pis'mo A.S. Suvorinu. 11 dekabrya 1888 g. Sbranie sochinenij: v 11 t. Moskva 1956-1958.; T. 11.
8. Polyakova A.A., Fedunina O.V. Goticheskaya tradiciya v proze A.K. Tolstogo («Upr'») <http://ifi.ruh.ru/vestnik_2006_1_5.html>. Novyy filologicheskij vestnik. Moskva, 2006; 1. Available at: <http://ifi.ruh.ru/vestnik_2006_1_5.html>
9. Chernomazova M.Yu. Tradicii goticheskoy literatury v tvorchestve Charl'za Dikkensa. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2010.
10. Leskov N.S. Sbranie sochinenij: v 11 t. Moskva, 1956-1958; T. 7.
11. Dushechkina E.V. Russkij svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra. Sankt-Peterburg, 1995.
12. Tkacheva N.V. Malaya proza Charl'za Dikkensa: Problema "chuzhogo slova". Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tambov, 2003.
13. Bahtin M.M. Problemy po'etiki Dostoevskogo. Moskva, 1972.
14. Chesterton G.K. Charl'z Dikkens. Moskva, 1982.
15. Dikkens Ch. Rozhdestvenskij gimn v proze. Sbranie sochinenij: v 30 t. Moskva: 1957-1959.; T. 12. Rozhdestvenskie povesti.
16. Meretukova M.M. Zhanrovaya i hudozhestvennaya specifika «Rozhdestvenskih povestej» («Christmas Tales») Ch. Dikkensa i angliyskaya fol'klornaya tradiciya. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie <<http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-adygejskogo-gosudarstvennogo-universiteta-seriya-2-filologiya-i-iskusstvovedenie>>. 2010; №2.
17. Bibliya. Knigi Svyaschennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta: kanonicheskie v russkom perevode s paral. mestami. Minsk, 1992.
18. Polyakova A.A. Goticheskij kanon i ego transformaciya v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: na materiale proizvedenij A.K. Tolstogo, I.S. Turgeneva i A.P. Chehova: Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2006.
19. Leskov N.S. Sbranie sochinenij: v 12 t. Moskva, 1989; T. 7.
20. Leskov N.S. Svyatochnye rasskazy. Sankt-Peterburg. Moskva, 1886.
21. Vinickij I. Russkie duhi: Spiritualisticheskij syuzhet romana N.S.Leskova «Na nozhah» v ideologicheskom kontekste 1860-h godov. NLO. 2007; 87.
22. Grossman L.P. N.S. Leskov: zhizn' – tvorchestvo – po'etika. Moskva, 1945.
23. Gebel' V.N. N.S. Leskov: v tvorcheskoy laboratorii. Moskva, 1945.
24. Leskov N.S. Sbranie sochinenij: v 12 t. Moskva, 1989; T. 11.
25. Leskov N.S. Malan'ina svad'ba, svyatochnyy rasskaz. Literaturnoe nasledstvo. Moskva, 1997; T. 101, Kn. 1.

Статья поступила в редакцию 27.01.15

УДК 821.161.1

Shunkov A.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Prorector of Scientific and Innovation Work, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russia), E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

THE IMAGE OF EUROPE IN RUSSIAN TRAVEL NOTES AT THE END OF XVII CENTURY "TRAVEL NOTES OF BORIS PETROVICH SHEREMETIEV IN EUROPEAN COUNTRIES..."

Travel literature appeared in Russia as a genre in the early stages of its historical development. This genre was very popular in the XVII century. Travel literature includes ambassadors' notes that they had to prepare as reports on negotiations on all issues. However, almost all the Russian ambassadors' notes were not limited to those goals. The abundance of impressions from the trip expanded the scope of this type of notes. As a result, the notes in the history of Russian literature take place between documentary literature and fiction. The article is dedicated to one of the outstanding monuments of the Russian book of the turn of XVII-XVIII centuries, notes about the trip to Europe, compiled by Boris Petrovich Sheremetiev, field marshal and diplomat of Peter I epoch. Sheremetiev's notes are treated as a sample of the transition book memorials in this article. The composition is characterized by such features as poetics, which became Russian literature's discovery at the end of XVII century. It is an expression of individual views on the subject of the image, fictionalization of documentary storytelling, bringing the text the performance elements as a result of the influence of the Baroque style. The techniques used by the author are aimed at detailed description of the European space, being actively discovered by Russia at the end of XVII and beginning of XVIII centuries.

Key words: Russian literature at the end of XVII century, documentary and fiction, travel as a genre.

A.B. Шунков, канд. филол. наук, доц., проректор по научной и инновационной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств, г. Кемерово, E-mail: alexandr_shunkov@mail.ru

ОБРАЗ ЕВРОПЫ В РУССКИХ ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ КОНЦА XVII ВЕКА «ЗАПИСКИ ПУТЕШЕСТВИЯ ГРАФА БОРИСА ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА В ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА...»

Статья посвящена одному из ярких памятников русской книжности рубежа XVII–XVIII веков – запискам о путешествии в Европу, составленным Борисом Петровичем Шереметевым, фельдмаршалом, дипломатом эпохи Петра I. В статье записки Шереметева рассматриваются как образец книжного памятника, имеющего переходный характер. Для сочинения характерны такие черты поэтики, которые стали открытием русской литературы во второй половине XVII века, – это выражение индивидуального взгляда на предмет изображения, беллетризация документального повествования, привнесение в текст элементов театрализации как следствие влияния стиля барокко. В итоге как названные, так и другие приемы, использованные автором, направлены на детальное описание европейского пространства, активное открытие которого Россией стало происходить в конце XVII – в начале XVIII веков.

Ключевые слова: русская литература конца XVII века, документально-художественная литература, путешествие как жанр.

Рубеж XVII – начала XVIII века в российской истории представлен возросшим интересом русского человека к европейской культуре, открывавшейся для него в результате проведения Петром I реформ, носивших прозападнический характер. Одним из следствий государственных преобразований станет активизация дипломатического диалога России с европейскими странами, начало которому в переходный период русской культуры было положено Великим посольством 1697–1698 годов. Примеру Петра I активного познания европейского мира последовали крупные государственные деятели петровского времени, совершившие в это же время собственные «паломничества» на Запад не только с целью выполнения государственных внешнеполитических задач, но и открытия для себя нового культурного пространства. Одним из сопутствующих путешествию событий неизменно становились и описания новой картины мира – «путевые записки» участников и очевидцев происходившего [1; 2].

Генезис жанра литературного путешествия (хождение (паломнические записки) – путевые записки (статейные списки) – роман-путешествие) – отдельная тема, неоднократно становившаяся предметом научного исследования в отечественном литературоведении в разных аспектах [3; 4, с. 48–54]. Однако общее, что характеризует жанр на разных этапах его эволюции (от Древней Руси до Нового времени), – это его «пограничность» между литературой и деловой книжностью. Данный жанрообразующий признак «путевой литературы» отмечается в работах большинства исследователей [5, с. 319–346; 6, с. 257–265; 7, с. 5–25; 8; 9, с. 41–50; 10], что позволяет на отдельных книжных образцах проследить эволюцию мировоззренческих представлений автора, находящих свое выражение в словесном воплощении.

К традиции путевой книжности, получившей распространение в переходный период развития русской литературы (рубеж XVII–XVIII вв.), принадлежат «Записки путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в европейские государства, в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим, на Мальтийский остров» (в дальнейшем – «Записки Б. П. Шереметева»). Исторические причины, обстоятельства, детали маршрута, последствия путешествия Б. П. Шереметева в Европу, продолжавшегося почти два года (22 июня 1697 – 10 февраля 1699), на сегодняшний день прекрасно изложены в специальной литературе, равно как доступен и сам текст памятника, существующего в нескольких редакциях [11, с. 337–374].

Столь длительное странствование по странам Западной Европы русского человека само по себе уже является показательным примером того, как менялось представление о мире к концу XVII века. Известно, что согласно средневековой космографии, западу как части света в русском православном восприятии была отведена роль ада, наглядно изображавшегося в иконописной традиции «страшного суда». И наоборот – восточная часть вселенной воспринималась как средоточие святости, райского блаженства. «И насадил Господь Бог рай в Едеме **на востоке** (Курсив наш. – А. В.), и поместил там человека, которого создал», – читаем первое упоминание о географическом местоположении рая в Священном Писании (Быт. 2: 8).

Традиция паломнической литературы, начиная с первого в истории книжности Древней Руси «Хождения» игумена Даниила (нач. XII века) [12, с. 26–118], последовательно прививала идею о необходимости совершения христианином духовного подвига, связанного с посещением Святой земли, находящейся на Вос-

токе, и преклонением перед Гробом Господнем. Результатом духовного подвига должно было стать восстановление в себе образа Божьего, духовное приобщение к горнему миру [13]. В итоге, каноническая традиция паломнической литературы демонстрировала не только и не столько перемещение человека в горизонтальной плоскости земного пространства, сколько его восхождение, нравственное совершенствование, связанное с обретением «потерянного рая». Именно такая установка прослеживается в самом раннем памятнике русской паломнической литературы «Хождении» игумена Даниила: «Да будет же всем, читающим писание это с верою и с любовью, благословение от Бога, и от Святого Гроба Господня, и от всех мест этих святых: примут они награду от Бога наравне с ходившими по местам этим святым. Блаженны, увидев, поверившие, втройне же блаженны, не видя, верующие. Веря, пришел ведь Авраам в землю обетованную» [12, с. 117]. «Желание обрести утраченный рай заставляло средневекового человека искать его не только в «горнем мире», но и на земле, там, где сходятся небо и земля. И не всегда это были реальные путешествия, но и странствия по ландшафтам соборной души, ведь по сути дела сам человек представлял яркий образец такого локуса, в нем встречались небо и земля» [13].

Таким образом, русский человек на протяжении многовековой истории в познании и постижении законов бытия в большей степени был устремлен на восток, чем на запад, неизменно ассоциировавшийся с гибелью души. Именно по этой причине поступок ряда исторических деятелей Древней Руси при разных обстоятельствах и причинах бегства на Запад (Польша и Великое княжество Литовское) всегда получал отрицательную оценку современников. История имеет ряд показательных книжных примеров, в которых поступок беглеца на Запад не вызывал сострадания даже при всей той жестокости и суровости наказания, которое он мог получить со стороны государя в случае его покорного принятия складывавшихся отнюдь не благоприятных для него обстоятельств у себя на родине. Так, например, бегство Курбского в Литву и награда, полученная им от польского короля Сигизмунда II Августа на основе ленного права получает во владение город Ковель и окрестности Волыни, неизвестный книжник XVI века оценил как хуже смерти: «...Лутче ми смерть, нежели Курбьскаго княжения...», – так отзывался о нем анонимный древнерусский книжник, перефразировав слова Даниила Заточника» [14, с. 33].

Однако начиная с XVII века, ситуация в восприятии и оценке западноевропейского пространства начинает постепенно меняться [15, с. 31–46]. Исторические события (эпоха Смуты, Русско-польская война 1654–1667 гг. и другие события) не могли не изменить отношения русского человека к той части света, которая долгое время ассоциировалась с опасностью, грозящей для Руси. Европейский сюжет активно входил как повседневную жизнь русского человека, так и в пространство книжной культуры. «С тех пор, как Его Величество (царь Алексей Михайлович. Речь идет о Польском походе царя. – А. Ш.) был в Польше, видел тамошний образ жизни и стал подражать Польскому Королю, круг его понятий расширился: он начинает преобразовывать двор, строить здания красивее прежнего, украшать покои обоями и заводит увеселительные дома» [16, с. 207]. Война России с Польшей (1654–1667 гг.) во многом определила как дальнейший политический курс страны, так и ее новый культурный вектор развития, ориентированный на принятие и усвоение европейской модели мироустройства, что и было продолжено в эпоху Петра I.

О том, насколько европейское пространство в первой четверти XVIII века стало близко для русского человека и прочно укоренилось в его мировоззрении, может свидетельствовать одна из анонимных беллетристических повестей петровского времени «Гистория о Василии Кориотском...» [17, с. 50–58], в зачатке которой на равных правах уже используется «европейская» составляющая официального названия государства: «В **Российских Европиях** (курсив наш. – А. В.) некоторый живяше дворянин...» [17, с. 50].

Путевые записки (статейные списки русских послов), имевшие популярность в переходную эпоху, способствовали формированию нового представления о западном мире и позволяли России принимать и усваивать многие обычаи и потехи европейских монарших дворов, одним из которых, например, станет театр, занявший свое особое место в жизни царя Алексея Михайловича [18, с. 7–101]. Однако записки послов, составленные ими во время своего путешествия по Европе и содержащие подробное описание увиденного, сами по себе являются уникальными памятниками книжной культуры переходного времени.

Литературная природа жанровой формы путевых записок, определяемая как документально-художественная, позволяла их автору-составителю быть свободным в построении сюжета, в использовании книжных приемов, а, следовательно, проявлять индивидуальность как писателя, что в свою очередь является одним из признаков секуляризации русской литературы в переходный период ее развития. За приемами типизации повествования, широко распространенными именно в путевой литературе, тем не менее, просматривалась индивидуальность автора. «Авторское начало проявляется не только в отборе, но и в систематизации фактов: от воли писателя зависит то место, которое реалия займет в ряду других, ранее отобранных явлений действительности» [19, с. 308]. Приведенное наблюдение можно продолжить, конкретизировав его дополнительными уточняющими суждениями. Важным в проявлении авторского начала в путевых записках следует считать еще и тот факт, как автором изображаются увиденные им реалии, и как они включаются в общую сюжетную линию всего сочинения.

«Записки Б. П. Шереметева» как образец путевой книжности органично вписывается в жанровую традицию записок о путешествии своего времени. В исследованиях, посвященных этому книжному памятнику, отмечаются практически все признаки, характерные для традиции этого жанра, находящегося «на пограничье двух жанровых систем – документальной и художественной литературы» [19, с. 306]. В то же время наряду с традиционными жанрообразующими признаками путевых записок отмечается и определенная новизна этого сочинения как следствие влияния барокко на русскую культуру в переходный период ее развития. Одним из таких барочных элементов, придающих особый колорит поэтике «Записок Б. П. Шереметева», является энциклопедичность повествования, позволяющая русскому читателю войти в географическое, историческое, культурное пространство Европы. Очень много внимания уделено в «Записках ...» и реалиям, представляющим жизнь европейского человека в ее повседневном течении, и в ситуациях торжества и праздника. Б. П. Шереметев, находясь в длительном странствовании по Европе («по его охотѣ ... для видѣния тамошних странъ и государствъ» [20, с. 8], на основе своих наблюдений и впечатлений создает мозаику Европы, составленную из описаний городов, придворных церемониалов, нравов, обычаев, развлечений, пейзажных зарисовок местности, через которую проходила дорога вояжера, и многих других фактографических деталей европейской действительности, попадавших в поле его внимания. «А чрезъ которыя мѣста и города державы великаго нашего государя и иныхъ стран и государствъ путь нашъ надлежати будетъ и гдѣ какое о мнѣ будетъ поведение, и то все писано будетъ въ семь моемъ журналѣ» [20, с. 10].

Авторская установка подробно описывать все, что будет встречаться на пути следования, привносила особый колорит в образ Европы, который до этого в сознании русского человека порождал устойчивый ряд ассоциаций, связанных с опасностью для души русского человека. «Записки Б. П. Шереметева» наоборот несли в себе много того нового, что могло быть интересно не только автору-составителю сочинения, но и потенциальному читателю. Эта особенность путевой литературы петровского

времени отмечается и современными учеными: «... дипломат, рассказывая о стране, где он побывал, выступал в роли исследователя, пытающегося выявить общие тенденции, объяснить непонятное, зафиксировать типичное. Научно-исследовательское начало в путевых записках петровского времени настолько сильно, что современные специалисты в области истории, экономики, географии и других точных дисциплин используют эти произведения как материал документального порядка, не подвергая сомнению подлинность описаний» [19, с. 312].

Однако сочинение Б. П. Шереметева – это не просто документальный отчет о своем путешествии и общем количестве денег, потраченных им на разные нужды (хотя автор записок по-хозяйски точно приводит все счета и в конце выводит общую сумму, израсходованную за два года¹). Русского путешественника не могут не заинтересовать и привлечь его внимание «дикий» явления европейской жизни, получающие развернутое описание с элементами беллетризации. Такими, например, фрагментами записок могут быть названы мифологизированные картины извержения вулкана на острове Стромболи, внушающий ужас и страх местным жителям: «... а на верху той горы непрестанно горить миля на двѣ кругом. И говорятъ, что тутъ жилище диаволомъ. И такъ они въ томъ увѣрены, что и намъ такъ сказывали. И многіе-де были такія причины, что многія фелюки съ людьми диаволами утаскиваемы бывали къ той горѣ и потопляемы въ море. А нынѣ кто ѣдетъ мимо той горы, ставятъ кругъ фелюкѣ¹ многіе кресты – тѣмъ-де спасаются» [20, с. 67].

Описания ряда чудес, связанные с почитанием святых, органично вписываются в традицию агиографического жанра и по своей стилистике, и по сюжетному развертыванию чуда как композиционного элемента жития. Примерами здесь могут служить, например, описание чуда святого Януария (кипение крови святого, хранящейся в стеклянном сосуде) в одном из храмов Неаполя, происходящего во время совершения литургии, на которой присутствовал Б. П. Шереметев вместе со своими спутниками. «Многажды же во время святыя литургии оная святая кровь пречудно показуется кипѣниемъ, аки бы жива. ... Бояринъ и съ нимъ бывшіе – самовидцы онаго преславнаго чудеси» [20, с. 90–91].

Отметим, что в записках Б. П. Шереметева эпизоды, в которых представлен рассказ о посещении им в Европе католических соборов и поклонения христианским святыням, хранящимся в них, – занимают особое место. Они образуют отдельную тематическую группу в сюжете записок. К числу наиболее интересных могут быть отнесены эпизоды, где представлен рассказ о поклонении мощам святителя Николая в городе Баре [20, с. 92–93], посещение мест в Италии, связанных с апостольскими именами Петра и Павла, осмотр и поклонение святыням, хранящимся в соборах Флоренции, Венеции, Неаполя, Рима и т.д. В объяснении самого автора-составителя «Записок...» столь пристальное внимание Б. П. Шереметева к святыням, проявляющееся в детальном их описании, объясняется одной из целей путешествия боярина – в Европу (Рим) он отправился в паломничество, чтобы поклониться апостолам Петру и Павлу, небесным покровителям военачальника во время войны с турками и крымскими татарами. «Тогда подѣхася оныхъ побѣдъ имѣлъ я за патроновъ и крѣпко надежныхъ помощниковъ Божиихъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и далъ обѣщание ѣхать въ Римъ и поклониться честнымъ ихъ мощемъ» [20, с. 30–32]. Как отмечают исследователи, «эта фраза была расценена в Ватикане как начало переговоров по вопросу объединения католической и православной церквей» [19, с. 240]. Естественно, дипломат Б. П. Шереметев не получал и не мог получить от Петра I подобных поручений. Но интересен сам факт паломничества русского человека для поклонения святыням, находящимся не в Святой Земле (Иерусалиме), а тем, которые сосредоточены на Западе, на территории Римского престола.

Одна из таких святынь, которая произвела впечатление на русского дипломата, – это дом Богородицы в Лорето. Для осмотра Лорето русские путешественники специально задержались на сутки и в первую очередь для посещения дома Богородицы, чудесным образом перенесенного ангелами из Назарета. «Глаголютъ, тотъ домъ быти тотъ, который былъ въ Назаретѣ, въ которомъ Пресвятѣй Богородицѣ от архангела Гавриила было благовѣщание и въ которомъ воспитала сына своего, господя

¹ «Будучи онъ бояринъ Борисъ Петровичъ по волѣ великаго государя, ... в семь вышеписаномъ пути, истратилъ ... двадцать тысячъ пятацотъ пятацать рублевъ...» [20, с. 103].

² Филиага – парусно-гребное судно.

нашего Иисуса Христа...» [20, с. 51]. Святыня в «Записках...» получает детальное описание: в поле внимания рассказчика попадают предметы, находящиеся в доме («сосуды, чашечка и блюда, из которых сама Пресвятая Богородица и сын и Бог ея питался, глиняные»). Данный фрагмент интересен в том плане, что он одновременно демонстрирует особенности восприятия путешественником увиденного им сакрального предмета: с одной стороны он находится под воздействием священного трепета перед святыней, понимая, какой с ней связан масштаб событий, а с другой – в этом описании просматривается и чисто человеческий интерес и любопытство к увиденному.

От внутреннего переживания события евангельской истории, вызванного созерцанием святыни, автор-составитель записок обращается к описанию ее внешней формы: материала, из которого сделан дом, как он обустроен и сохраняем сейчас и др. «Тот домъ – палата каменная, стоитъ безъ фундамента четыреста лѣтъ, а стоитъ нынѣ въ великой церквѣ. И кругъ того дому снаружи обдѣлано вновь палатою изъ мрамора и по всему вырѣзаны притчи евангельскія и иныя весьма богато и искусно. И скрѣпь въ той церквѣ ея Пресвятая Богородица для дому ея, присланный отъ всѣхъ монаховъ и отъ великихъ знатнѣйшихъ особъ, отъ каменьева: алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ и иныхъ, также отъ золота, серебра и жемчугу – превеликий и неисчетный, чаю, будетъ на нѣсколько миллионовъ» [20, с. 51].

Официально заявив о своем намерении поклониться святыням, Б. П. Шереметев не мог не встречаться с католическим духовенством и непосредственно папой римским Иннокентием XII. Это отдельная тема, получающая свое развитие в сюжете «Записок Б. П. Шереметева». Чем она интересна? Для историков – это материал по изучению политической ситуации в Европе конца XVII века и участия Русского государства в европейских процессах. С историко-литературной точки зрения эти сюжетные эпизоды дают дополнительные возможности в расширении темы исследования «европейского сюжета и мотива» [21, с. 18–100] в русской литературе переходного периода.

Выше уже нами было отмечено, что европейское пространство (Рим) в восприятии русского человека ассоциировалось с угрозой для православия, покушением на национальные интересы и их попрание. Однако со второй половины XVII века ситуация постепенно начинает меняться, а особенно «после воцарения Петра I “латиняне” заметили, что традиционное неприятие русскими католического мира стало уступать место осторожному интересу» [19, с. 260]. «Записки Б. П. Шереметева» позволяют увидеть, как происходило изменение отношения русского человека к тому, что еще вчера казалось опасным. Встреча Б. П. Шереметева с понтификом – отдельный сюжет в повествовании «Записок...», демонстрирующий новизну во взаимоотношении двух миров. Не рассматривая подробно ожидания Рима от встречи с русским дипломатом (они подробно освещены в специальных исследованиях этого вопроса³), остановимся на описании поведения в этой истории Б. П. Шереметева.

Официальная встреча русского дипломата и папы римского состоялась 27 марта 1698 года, о чем подробно можно прочитать в составленных путевых записках. Описание аудиенции дано согласно книжной традиции, чину, предусматривавшему соблюдение определенных жанровых требований, одним из которых было обязательное включение произносившихся речей участников проводимого церемониала. Другим обязательным требованием жанрового канона «чиновников»⁴ было подробное описание поведения участников самого церемониала: их местоположения, жестов, общего поведения на протяжении всей церемонии и т.д. С этой стороны записки выглядят весьма интересно и позволяют рассматривать их в контексте традиции церемониальной книжности, занимавшей не последнее место в придворной культуре уже второй половины XVII века – эпохе правления царя Алексея Михайловича.

Соблюдая общую схему дипломатического церемониала при встрече с папой Иннокентием XII, Б. П. Шереметев в то же время позволяет себе отступить от правил поведения русского человека и поступает при встрече с папой, нарушая русский церемониал, но соблюдает правила европейского этикета, – целует ногу понтифика, как того велит церемониал. Хотя в самом тексте записок этого момента нет. Автор-составитель описывает аудиенцию совершенно иначе. Принятый папой Иннокентием XII

Б. П. Шереметев целует у него руку, как это можно прочитать в «Записках...»: «И бояринъ, выслушавъ рѣчь, цѣловалъ папину руку, а папа, объѣмъ его, поцѣлывалъ въ голову и зѣло принималъ любезно и весело» [20, с. 59]. «Б. П. Шереметев подчинился придворному этикету Ватикана, требовавшему “целования ноги” понтифика. Этот церемониал соблюдали все европейские короли-католики и не видели в нем ничего зазорного. <...> Б. П. Шереметев был одним из первых русских дипломатов, согласившихся “приложиться к ногѣ” римского папы, что наотрез отказывались делать до него послы Московского государства» [19, с. 265]. Таким образом, «Записки Б. П. Шереметева...» как книжный памятник, принадлежащий эпохе переходного времени, демонстрирует новую модель поведения государственного деятеля, принимающего церемониальные традиции католической Европы, теперь уже не вызывающей ассоциации с гибелью души.

Вхождение в инокультурное пространство Европы, все больше интересующее и привлекающее внимание русского человека, заметно не только на высоком дипломатическом уровне, но и в обыденном, повседневном течении жизни. Путешественника не может не привлекать мир, в который он перемещается, следуя внутреннему своему желанию «по охотѣ его для видѣнія тамошнихъ странъ» [20, с. 34]. Насколько органичным для русского человека оказался мир, могут служить такие примеры, как облачение в европейское платье, в котором Б. П. Шереметев постоянно предстает перед монархами: «Къ тому столу ѣздилъ бояринъ о осьмомъ часу ночи, убравшись въ нѣмецкое платье» [20, с. 36].

Не оставляет без внимания Б. П. Шереметев и увеселительные мероприятия, которые доставляют русским путешественникам массу положительных эмоций. «И у него ужинали и банкетовали, и съ дочерью его и съ иными панями, которыя пришли изъ замку отъ пань подскарбиной, танцовали часу до девятой ночи» [20, с. 16]. «И потомъ позвали до стола въ другую палату, и сѣли кругъ стола круглаго, в кушаньѣ довольство было изрядное. И пили венгерское вино, <...> и во всемъ удовольствование было великое» [20, с. 17]. «И между собою танцовали, потомъ кушали всѣ вмѣстѣ, а въ кушаньѣ и во всемъ великолѣпие было многое» [20, с. 36–37].

В душе у Б. П. Шереметева находят отклик и потехи, в которых он принимает участие: «Ноября въ 14 день изволилъ бояринъ ѣздить из Кракова въ поле и тѣшилъ метаниемъ стрѣлъ изъ луковъ со знакомцы и с людьми, бывшими при немъ, которой стрѣльбы смотрѣли многие поляки и нѣмцы» [20, с. 14]. В этом же ряду находится и посещение в Неаполе зверинца, о котором автор оставляет запись: «Потомъ были во звѣринцѣ и видѣли большихъ львовъ, и львицъ, и по полугоду молодыхъ львовъ, также барсовъ, медвѣдей, волковъ, лисицъ, песцовъ бѣлыхъ, котовъ морскихъ и великихъ орловъ» [20, с. 98].

В Неаполе, например, внимание Б. П. Шереметева привлекает система обучения в духовной академии иезуитов, «въ которой учатъ письменнымъ всякимъ наукамъ и инымъ многимъ художествамъ, и бояринъ ѣздилъ» [20, с. 93]. Здесь же, в академии, Б. П. Шереметеву продемонстрировали обучающие поединки с холодным оружием и искусством танца. «Потомъ казали, как бивались прежние богатыри копьями и саблями, убравъ шесть человекъ въ латы. Потомъ многие знатныхъ отцовъ дѣти бились на рапирахъ. <...> Потомъ, поставя изъ дерева сдѣланную лошадь, всякия волтижирования оказывали, садясь на ту лошадь и черезъ перескакивая, а наконецъ разные танцы и миноветы танцовали. Всему этому учат особливые мастера – мирские люди, а не иезуиты» [20, с. 94]. Нетрудно заметить, что подобная методика обучения через два десятилетия будет представлена и в российской системе образования и изложена в знаменитом сочинении «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению» (1717). Первый учебник хорошего тона, появившийся в России как результат культурных реформ Петра I, будет направлен «на воспитание типа общеевропейской культуры бытового поведения, характерной для дворянства», а также будет содержать в себе перечень наук, обязательных для овладения: «иностранные языки, верховая езда, фехтование, танцы, светский разговор – все это неотъемлемые признаки воспитанного дворянина, почерпнутые из европейского дворянского быта» [22, с. 21]. По этому поводу можно высказать предположение, что путешествия русских дипломатов, совершавшиеся на рубеже

³ «Получив ложные сведения о склонности Б. П. Шереметева к уни, понтифик через русского военачальник, как “апостола новой веры”, попытался осуществить проект католизации России» [19, с. 261].

⁴ Чиновники – особый книжный жанр, предусматривавший подробное описание проведения различного рода церемонии.

XVII–XVIII веков, не могли не заложить и основы будущего просветительской деятельности Петра I, а подробно составленные описания увиденного явились в России прообразами многих нововведений.

Таким образом, «Записки путешествия графа Бориса Петровича Шереметева в европейские государства...» как документально-художественный книжный памятник обладает теми признаками, которые органично вписывают его в литературную традицию переходного времени, также представленными книжными памятниками, обладающими двойственной природой⁵. Одним из наиболее заметных таких признаков является образ автора-составителя записок, демонстрирующий тот тип творческой личности, которая уже не связана традициями средневековой литературы. Раскрепощенность авторского сознания позволяет писать свободно о том, что он видел сам. Акценты

ставить на те моменты путешествия, которые интересны с его точки зрения. В итоге на всем повествовательном пространстве «Записок...» как из отдельных фрагментов складывается образ Европы, предстающий в своем многообразии нравов народов, политических и культурных традиций, исторических реалий прошлого и настоящего. Можно сказать, что сочинения путевого характера рубежа XVII–XVIII веков в силу своей жанровой природы явились одним из механизмов культурных преобразований в России, носивших переходный характер. Путевая литература не могла не выполнить ту функцию, которая ей была предназначена самой природой жанра, – посредством слова ввести читателя в совершенно другое культурное пространство, раскрыть перед ним мир, традиции которого будут приняты Россией в первой четверти XVIII века, превратив ее в «Российские Европии».

Библиографический список

1. *Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697–1699*. Москва: Наука, 1992.
2. Матвеев А.А. Архив, или статейный список, Московского посольства, бывшего во Франции из Голландии инкогнито в прошлом, 1705 году, сентября в 5 день. *Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева*. Ленинград, 1972.
3. Россия и Запад: взаимосвязи и взаимовлияние (IX – начало XX в.). Available at: <http://i.uran.ru/ruswest/>
4. Кириллин В.М. Различные подходы при изучении западной темы в древнерусской литературе (к вопросу о комплексном анализе). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2002; 2(8).
5. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы. *Путешествия русских послов XVI – XVII вв.: Статьи и списки*. Москва; Ленинград, 1954.
6. Белоброва О.А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века. *История жанров в русской литературе X–XVII веков. ТОДРЛ*. Ленинград, 1972; Т. 27.
7. Прокофьев Н.И. Хожения: путешествие и литературный жанр. Вступительная статья. *Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV веков*. Москва: Сов. Россия, 1984.
8. Травников С.Н. *Путевые записки петровского времени: поэтика жанра*. Диссертация ... доктора филологических наук. Москва, 1991.
9. Глушанина Н.И. К проблеме жанрового своеобразие «Архива, или статейного списка» А.А. Матвеева. *Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России*. Новосибирск, 1992; Вып.16.
10. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков. Диссертация ... кандидата филологических наук. Волгоград, 1999.
11. Ольшевская Л.А., Решетова А.А., Травников С.Н. Археографический обзор списков и редакций «Путешествия по Европе боярина Б. П. Шереметева». *Путешествие по Европе боярина Б.П. Шереметева 1697–1699*. Москва: Наука, 2013.
12. Хождение игумена Даниила. *Библиотека литературы Древней Руси*. Санкт-Петербург: Наука, 1997; Т. 4.
13. Чумакова Т.В. «Странник я на земле». *Человек в поисках рая (по материалам древнерусской книжности)*. Available at: http://palomnic.org/bibl_lit/drev/chumakova/
14. Калугин В.В. *Андрей Курбский и Иван Грозный (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя)*. Москва: «Языки русской культуры», 1998.
15. Черная Л.А. Образ «Запада» в русской культуре XI–XVII вв. *Россия и Запад: диалог или столкновение культур*. Москва, 2000.
16. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуила Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича. *Утверждение династии*. Москва, 1997.
17. История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли. *Русская литература XVIII века*. Сост. Г.П. Макогоненко. Ленинград, 1970.
18. Демин А.С., Державина О.А., Робинсон А.Н. Появление театра и драматургии в России в XVII в. *Первые пьесы русского театра*. Москва: Наука, 1972.
19. Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Шереметев – украшение России *Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева 1697–1699*. Москва: Наука, 2013.
20. *Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева. 1697–1699*. Москва: Наука, 2013.
21. Сюжеты западно-европейской литературы. *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание*. Авт.-сост. Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина; отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006; Вып. 2.
22. Лебедева О.Б. *История русской литературы XVIII века*. Москва: Высшая школа, 2000.
23. Шунков А.В. Литературные приемы в документальном тексте переходного периода (Григорий Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича»). *Мир науки, культуры, образования*. 2014; 3 (46): 244–248.

References

1. *Puteshestvie stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope, 1697–1699*. Moskva: Nauka, 1992.
2. Matveev A.A. Arhiv, ili statejnyj spisok, Moskovskogo posol'stva, byvshago vo Francii iz Gollandii inkognito v proshlom, 1705 godu, sentyabrya v 5 den'. *Russkij diplomat vo Francii. Zapiski Andreya Matveeva*. Leningrad, 1972.
3. Rossiya i Zapad: vzaimosvyazi i vzaimovliyanie (IX – nachalo XX v.). Available at: <http://i.uran.ru/ruswest/>
4. Kirillin V.M. Razlichnye podhody pri izuchenii zapadnoj temy v drevnerusskoj literature (k voprosu o kompleksnom analize). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2002; 2(8).
5. Lihachev D.S. Povedi russkikh poslov kak pamyatniki literatury. *Puteshestviya russkikh poslov XVI – XVII vv.: Statejnye spiski*. Moskva; Leningrad, 1954.
6. Belobrova O.A. Cherty zhanra hozhdenij v nekotoryh drevnerusskikh pis'mennyh pamyatnikah XVII veka. *Istoriya zhanrov v russkoj literature X–XVII vekov. TODRL*. Leningrad, 1972; T. 27.
7. Prokof'ev N.I. Hozheniya: puteshestvie i literaturnyj zhanr. Vstupitel'naya stat'ya. *Kniga hozhenij: Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vekov*. Moskva: Sov. Rossiya, 1984.

⁵ Как вариант может быть приведено сочинение Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», написанное в 1666–1667 гг. и содержащее в себе описание жизни Московского государства. По своей природе памятник также представляет собой синтез документальной и литературной традиции, что нами было продемонстрировано в одной из статей.]

8. Travnikov S.N. *Putevye zapiski petrovskogo vremeni: po`etika zhanra*. Dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 1991.
9. Glushanina N.I. K probleme zhanrovogo svoeobraziya «Arhiva, ili statejnogo spiska» A.A. Matveeva. *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noj Rossii*. Novosibirsk, 1992; Vyp.16.
10. Mihajlov V.A. *Evoluciya zhanra literaturnogo puteshestviya v proizvedeniyah pisatelej XVIII–XIX vekov*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 1999.
11. Ol'shevskaya L.A., Reshetova A.A., Travnikov S.N. Arheograficheskij obzor spiskov i redakcij «Puteshestviya po Evrope boyarina B. P. Sheremeteva». *Puteshestvie po Evrope boyarina B.P. Sheremeteva 1697–1699*. Moskva: Nauka, 2013.
12. Hozhdenie igumena Daniila. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1997; T. 4.
13. Chumakova T.V. «Strannik ya na zemle». *Chelovek v poiskah raya (po materialam drevnerusskoj knizhnosti)*. Available at: <http://palomnic.org/bibl_lit/drev/chumakova/>
14. Kalugin V.V. *Andrej Kurbskij i Ivan Groznyj (Teoreticheskie vzglyady i literaturnaya tehnika drevnerusskogo pisatelya)*. Moskva: «Yazyki russkoj kul'tury», 1998.
15. Chernaya L.A. Obraz «Zapada» v russkoj kul'ture XI–XVII vv. *Rossiya i Zapad: dialog ili stolknovenie kul'tur*. Moskva, 2000.
16. Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivuschemu v Londone. Sochinenie Samuila Kollinsa, kotoryj devyat' let provel pri Dvore moskovskom i byl vrachom carya Alekseya Mihajlovicha. *Utverzhdenie dinastii*. Moskva, 1997.
17. Gistoriya o rossijskom matrose Vasilii Koriotskom i o prekrasnoj korolevne Iraklii Florenskoj zemli. *Russkaya literatura XVIII veka*. Sost. G.P. Makogonenko. Leningrad, 1970.
18. Demin A.S., Derzhavina O.A., Robinson A.N. Poyavlenie teatra i dramaturgii v Rossii v XVII v. *Pervye p'esy russkogo teatra*. Moskva: Nauka, 1972.
19. Ol'shevskaya L.A., Travnikov S.N. Sheremetev – ukrashenie Rossii *Puteshestvie po Evrope boyarina B. P. Sheremeteva 1697–1699*. Moskva: Nauka, 2013.
20. *Puteshestvie po Evrope boyarina B. P. Sheremeteva. 1697–1699*. Moskva: Nauka, 2013.
21. Syuzhety zapadno-evropejskoj literatury. *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoj literatury: `eksperimental'noe izdanie*. Avt.-sost. E.V. Kapinos, E.N. Proskurina; otv. red. E.K. Romodanovskaya. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006; Vyp. 2.
22. Lebedeva O.B. *Istoriya russkoj literatury XVIII veka*. Moskva: Vysshaya shkola, 2000.
23. Shunkov A.V. Literaturnye priemy v dokumental'nom tekste perehodnogo perioda (Grigorij Kotoshihin «O Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha»). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014; 3 (46): 244–248.

Статья поступила в редакцию 12.01.15